

АВТОПОРТРЕТ ВРЕМЕНИ

К. Д. РОДИОНОВ

АЛЕКСАНДРА ВЛАДИСЛАВОВНА РОДИОНОВА-СЛАВИНА (Воспоминания)

Константин Дмитриевич Родионов (1899—1979) — артист Камчатского областного драматического театра. Родился в с. Патриаршьем Воронежской губернии. Летом 1918 г. ушёл добровольцем в Красную Армию в составе 1-го Воронежского артиллерийского дивизиона. Неоднократно принимал участие в боях. В 1919 г. демобилизован по болезни. В 1922 г. окончил Воронежскую студию театра и начал свою профессиональную деятельность в качестве актёра. С 1934 г. трудился в Камчатском областном драматическом театре. В 1962 г. К. Д. Родионов ушёл на заслуженный отдых и последние годы жизни провёл в г. Ялте.

Одной из заслуг Константина Дмитриевича перед камчатской культурой является проделанная им большая работа по сбору материалов по истории Камчатского областного драматического театра. Он бережно сохранил документы, которые сегодня могут многое рассказать не только о прошлом нашего театра, но и о культурной жизни г. Петропавловска-Камчатского. Это — его воспоминания, газетные статьи и заметки о работе театра и его артистах, списки сотрудников театра, программы спектаклей, рецензии, афиши, фотографии гастрольных поездок, сцен из спектаклей и актёров, большое количество фотодокументов по истории Камчатки.

Ниже вниманию читателей предлагается публикация воспоминаний К. Д. Родионова об А. В. Родионовой-Славиной, находящихся на хранении в Краевом государственном учреждении «Государственный архив Камчатского края» (КГУ ГАКК) в составе его личного фонда. Воспоминания охватывают весь жизненный путь этой незаурядной и яркой женщины, оставившей заметный след в культурной жизни Камчатки. Они содержат множество интереснейших подробностей из её личной и творческой биографии, а также о театральной жизни 1920—1930-х гг. Воспоминания написаны живым и образным языком, в них чувствуется пристрастность любящего человека, что заставляет читателя невольно сопереживать непростой судьбе выдающейся артистки.

Александра Владиславовна Родионова-Славина (1886—1954) — артистка Камчатского областного драматического театра. Родилась в г. Нижнем Новгороде, театральную деятельность начала в 1913 г. На Камчатку приехала в 1934 г. вместе с мужем, актером К. Д. Родионовым, была активной участницей создания творческого коллектива первого на Камчатке драматического театра. В 1950 г. Президиумом Верховного Совета РСФСР А. В. Родионовой-Славиной — первой на полуострове — было

присвоено звание заслуженной артистки РСФСР. За время работы в Камчатском областном драматическом театре она сыграла свыше двухсот ролей. Здесь же, на Камчатке, завершила свой жизненный путь. Основные документы о личной жизни и творческом пути Александры Владиславовны сохранились благодаря её мужу К. Д. Родионову.

К сожалению, в нашем городе до сих пор нет достойного напоминания об Александре Владиславовне Славиной. Недавние попытки восстановить художественное надгробие её могилы, точное месторасположение которой на сегодняшний день неизвестно, закончились приведением в порядок лишь верхней его части. Этот пример с могилой первой заслуженной артистки РСФСР на Камчатке не единственный.

Текст воспроизведён по авторизованной машинописи [ГАКК. Ф. Р-665. Оп. 1. Д. 94. Л. 1—79]. Подготовка текста к публикации и подбор фотографий выполнен начальником отдела использования публикаций КГУ ГАКК А. С. Сесицкой.

Трудная молодость

Волянская-Волгина Александра Владиславовна родилась в 1886 г. 24 августа в г. Нижнем Новгороде в семье потомственного дворянина штабс-капитана Владислава Феликсовича Волянского и его жены Александры Ивановны, урождённой Шиловой.

Родителей Александра Владиславовна не помнила, они рано умерли. Вместе со своим старшим братом Владимиром воспитывались они в семье дяди Станислава Викторовича Касперовича и росли вместе с его сыном Николаем (впоследствии генералом Советской Армии) и другими детьми.

Училась девочка в Нижегородском институте благородных девиц. Большинство зимних, а иногда и летних каникул она проводила в семье своей тетки-вдовы Нестеровой Маргариты Викторовны, матери известного русского летчика штабс-капитана Петра Николаевича Нестерова и генерала Советской Армии Михаила Николаевича Нестерова.

По окончании института в 1902 г. юную, очень наивную девушку, ещё физически не созревшую для брачной жизни, родственники, как в те времена было принято, «выдали» замуж.

Родственники имели самые благие намерения и нашли для неё прекрасного жениха с отличным характером — харьковчанина, молодого офицера, штабс-капитана Алексея Александровича Волгина, сына гвардейского офицера, участника первой обороны Севастополя. Жених невесте очень нравился, и она выходила замуж, как потом вспоминала, с радостью.

Годы семейной жизни молодая чета Волгиных провела в Харькове и в воинских гарнизонах на Харьковщине. Вскоре у молодожёнов родились две дочери Нина и Александра.

Про личную жизнь от замужества и до ухода на сцену в 1913 г. Александра Владиславовна почти ничего не рассказывала, а если иногда ей задавались об этом вопросы, то ответы обычно были короткими и кончались нередко слезами.

Интересоваться её прошлым, зная болезненность воспоминаний, я считал неудобным, но по случайным фразам у меня сложилась тяжёлая картина её жизни в этот период. Глубокие сердечные раны, полученные на грани юности и возмужания, не заживали в течение всей её долгой жизни...

Примерно в 1907—1908 гг. она уехала с «гражданским мужем»... Связь с детьми была потеряна. До двадцатых годов от одного из братьев бывшего мужа получила всего несколько коротких весточек о дочерях. Она знала, что девочки растут в хороших материальных условиях, воспитываются в интеллигентной семье, но это не уменьшало сердечной боли от потери и осознания своей тяжёлой вины...

В небольших военных гарнизонах, где служил её гражданский муж, отношение окружающих к ней изменилось. Как незаконную жену, её ни в каких семьях не принимали. Если кто из жён офицеров общался с ней, то только по секрету. Муж не мог показаться с ней в общественном офицерском собрании или в другом месте. Доведённая одиночеством до отчаяния Александра Владиславовна стала настойчиво просить мужа узаконить брак. Очевидно, такие же требования к нему были и со стороны «благородного собрания», которое ревниво следило за внешними формами морального поведения офицеров. Муж всяческими отговорками тянул время и, в конце концов, чтобы избежать обострения конфликта, ухитрился переводиться из одной воинской части в другую, но в каждом новом месте отношение окружающих к ней не только не менялось, но частенько приходилось слышать оскорбления.

Невыносимое ложное общественное положение вызывало уже острые объяснения с мужем и более настойчивое требование оформить брак. Итогом этих бурных сцен был новый страшный удар: оказалось, что человек, ради которого она пожертвовала в угаре любви своей честью, совестью и детьми, оказался подлецом. Он обманул её. Он женат, имеет детей и не хочет порвать связи со своей законной семьёй, а ей нагло предложил довольствоваться положением любовницы.

После такого кошмара Александра Владиславовна на несколько месяцев с сильным нервным потрясением попала на больничную койку.

Оскорблённая женская гордость боролась с беззаветной любовью к этому циничному человеку. Сознание не позволяло больше оставаться в неуважительном положении наложницы, окружённой презрением. В душе спадала пелена бесконечного обожания этого недостойного человека, принесшего ей столько бед. Зрело решение бежать от позора и от этого человека.

Но куда? Что делать?

Окружающие, к которым она обращалась за советом, рекомендовали ей искать утешение только в труде. Хотя находились и такие советчицы, которые говорили ей:

— Да плюньте Вы на самолюбие, на разговоры и оскорбления, не стройте трагедий, можно и без венца, любовницей, с успехом пользоваться жизнью. Вы со своей внешностью всегда найдёте себе подходящий «объект» и всегда будете жить лучше «законных», в полном достатке и благополучии, как сыр в масле кататься.

Но Александра Владиславовна не допускала для себя такого благополучия. Советы других, серьёзных людей, укрепляли в ней решение быть независимой, приобрести специальность и работать. Уходить... Уходить... Уходить...

Нужно жить, — рассуждала она, — надо что-то придумать, нужно искать службу. Ведь я не боюсь труда, я никогда не сидела без дела, я всегда сама вела своё домашнее хозяйство. Могла же я нянчить детей, ухаживать за ними, обшивать их, шить для себя простенькие вещи. Я всегда увлекалась рукоделием, так неужели же я не найду возможности применения своего труда?

Как человек наблюдательный, она видела, что многие одинокие женщины живут в очень тяжёлых материальных условиях, зарабатывая кусок хлеба, подчас в непосильном труде, но живут, стойко борются за жизнь и в тяжёлом трудовом напряжении находят цель и радости жизни.

«Я здоровый человек, — говорила она самой себе, — в больницу попала случайно, от неожиданного нервного потрясения. Просто на меня напала хандра, а в работе мне некогда будет хандрить. Главное — найти работу. Начать жить по-новому. Я молода», — продолжала она успокаивать себя, — но тут же, сказав слово «молода», залилась слезами. Недавно она впервые в больнице взглянула в зеркало и не узнала себя. Её охватил ужас. Из зеркала смотрело на неё чужое, заострившееся от худобы, бледное,

искажѐнное болезнью лицо, обрамленное... прядями седых волос. Так с молодых лет её прическа украсилась старческим серебром, но это украшение не радовало её.

Служащие больницы знали о страданиях больной и принимали горячее участие в её судьбе, предлагая различные варианты дальнейшей жизни.

Как-то одна из нянь привела к больной женщину в чёрном. Посетительница оказалась очень милым, душевным человеком. В результате нескольких посещений и сердечных бесед, гостья предложила «зablудившейся» идти в монастырь. «Там, — говорила она медоточивым гласом, — вы в труде и молитве обретете забвение, сладостное успокоение и умиротворение».

Узнав увлечение Александры Владиславовны вышиванием, в следующее посещение монашка приводила с собой другую сердобольную посетительницу, которая принесла показать образцы прекрасных работ монастырских вышивальщиц шёлком и золотом по бархату и парче.

Дело шло к выздоровлению и выписке из больницы. Нужно было решать вопрос о будущем. Монастырь был готов принять страждущую рабу божию из больницы палаты в келью тихой обители.

Александра Владиславовна не раз обращалась с просьбами к Богу, но он был глух к её мольбам. Она уже не верила в его милосердие и сомневалась в его существовании, но кто знает, как бы сложилась её судьба, если бы не счастливый случай, решивший вопрос её будущего?

Ещё в институте она успешно принимала участие в любительских спектаклях. Будучи замужем, она также играла на сцене офицерского общественного собрания. И вдруг! Её встретил пришедший навестить кого-то в больницу провинциальный театральный предприниматель (антрепренёр). Он знал Александру Владиславовну, обладавшую прекрасными внешними качествами для сцены, и как способную исполнительницу ролей в любительских спектаклях. Выяснив в беседе, что она находится в сложном жизненном тупике, антрепренёр предложил ей работу артисткой в его труппе.

После больницы, облегченно вздохнувшая женщина уже не вернулась в квартиру человека, которого называла мужем, и, забрав личные вещи, с новыми надеждами выехала в город Сумы к месту своей первой работы.

Новая артистка была общительным и приветливым человеком, в коллективе стали называть её Славушкой, производя это ласкательное имя от её отчества — Владиславовна, а от Славушки

администрация театра присвоила ей в афишах и псевдоним: Славина. Так ею была потеряна фамилия Волгиной, так началась у неё новая жизнь, так она вновь почувствовала себя равной среди других женщин.

В коллективе театра она нашла хороших, простых людей и друзей, не связанных путами предрассудков и сетями условностей. В работе и постоянных заботах смягчалась острота пережитых семейных драм, хотя в душе иногда всё ещё боролись чувства влечения и неприязни ко второму мужу. Перед выездом на зимний в город Гельсингфорс (Хельсинки) в её сердце вдруг вспыхнули искры сильного чувства к этому человеку. На своей фотографии она сделала надпись: «Уезжаю далеко и надолго, но с верой в то, что при встрече нас ждёт та же любовь и радость! Люби и помни свою Алю. 16 сентября 1913 г.» Но отправить эту фотографию адресату она не решилась. Оскорблённая любовь преодолела минутную слабость. Потом она никогда не раскаивалась в разрыве отношений с человеком, принесшим ей столько горя.

С первых годов театральной жизни Александра Владиславовна подружилась с сослуживцем — суфлёром Анной Спиридоновной, которая также пережила тяжёлую семейную драму и дала себе клятву не выходить больше замуж. Как родные сёстры они вместе долгие годы кочевали по театрам родины, вместе делили радости труда и горести лишений. Обожжённые огнём сердечных пожаров, они ревниво оберегали друг друга от многочисленных поклонников, которые не раз настойчиво добивались их расположения.

Несомненное творческое дарование в сочетании с женственностью, громадным обаянием, прекрасной внешностью, пластичностью движений, приятным тембром голоса и отличной дикцией быстро привели артистку к удачному исполнению серьёзных ролей, ей не пришлось выходить с подносами. Этому успеху способствовала её одержимость и увлечённость работой. Её серьёзное знакомство с художественной литературой, наблюдательность, пытливость, умение подмечать еле заметные нюансы человеческих характеров и умение переносить это в создаваемые сценические образы обогащало её творческую палитру.

Пережитые ею в последние годы тяжёлые жизненные потрясения и не заживавшие до конца дней сердечные раны, несомненно, способствовали созданию глубоких, эмоционально насыщенных драматических образов. Хотя и комедия ей была так же не чужда. Главным же достоинством артистки была убедительная, доходчивая до зрителя, простота действия и врождённое чувство

жизненной правды. Не случайно в первом же театральном сезоне артистке сопутствовал творческий успех.

Сослуживцы и зрители часто говорили ей, что Бог наградил её талантом, но она не верила этому и считала, что говорят это просто из деликатности. Она стыдилась похвальных оценок своей работы, и этот стыд сохранился у неё на всю жизнь. Напротив, она долго не верила, что может быть настоящей артисткой. В ней долго жил страх, что она окажется непригодной в театре и потеряет полюбившуюся работу и средства к существованию. И если с годами этот страх смягчился, то неуверенность в успехе работы над каждой ролью и волнение за правильность и доходчивость каждого создаваемого ею образа жили в ней до последних дней. Каким бы успехом не пользовалась созданная ею роль, как бы приятно это не было, но она всегда считала, что что-то ею здесь ещё не доделано.

С приходом на сцену закончился кошмарный пятилетний период жизни, в котором она, стремясь к счастью, нашла бесконечные страдания и горе, оставившие на всю её долгую жизнь кровавую рану на сердце и тяжёлый гнёт на душе. И вместе с тем, несмотря на осознание тяжёлой вины и постоянную тоску по детям, она была счастлива, что случайность привела её в театр.

«Не было бы счастья, — говорила она, — да несчастье помогло». Она была счастлива, что заняла достойное место среди людей, что обрела увлекательную профессию, ощутила наслаждение в работе и вновь нашла радость жизни. Служить людям через искусство стало целью её жизни.

Так в душевных муках и страданиях родилась одарённая артистка.

В театре

Общественно-трудовая жизнь Александры Владиславовны началась с 1913 г. и проходила в большинстве случаев в небольших периферийных театрах. Условия сезонности работы бросали её с места на место. Город сменялся городом: Сумы, Гельсингфорс, Бузулуки, Тверь, Воронеж, Ростов-на-Дону, Нахичевань (Ростовская), Симферополь, Мелитополь, Бобров, Острогжск, опять Воронеж, Бутурлиновка — следовали в её кочевье. Далее артистка работала в Горловке, Артёмовске, Славянске, Краматорске, Изюме, Донецке (Сталино), Макеевке, Красном луче, Алчевске и других городах и рабочих посёлках Донбасса. Около года она путешествовала по

побережьям Азовского и Чёрного морей и вновь возвращалась в Донбасс. Затем жизнь бросала её в Красноярск, Якутск, Сыктывкар, Вологду и, наконец, в Петропавловск-на-Камчатке.

В старое время, да и в первые годы советского периода между качеством спектаклей крупных центров и небольших провинциальных городов лежала громадная пропасть. Ограниченное число зрителей в малых городках вынуждало театры ставить большое количество премьер, а это ограничивало время на подготовку новых спектаклей и, естественно, плохо отражалось на их художественном качестве. Роль режиссёра — творческого организатора спектакля — часто сводилась к технической разводке актёров по площадке сцены во время действия, то есть к установлению мизансцен. Главной задачей в репетициях было чёткое донесение до зрителей сюжета пьесы, а думать о глубокой переработке спектакля и его идейном содержании не всегда хватало времени.

Школой большинства периферийных актёров была практическая работа в самом театре, их личный опыт, интуиция, способности и умение воспринять, переоценить и воплотить в образе всё, что они замечали характерного в жизни, всё, что помнили из прочитанного в художественной литературе. Провинциальным артистам два раза в год между сезонами приходилось бывать в Москве, и они там могли видеть образцовые спектакли и крупных актёров. Тот, кто серьёзно интересовался своей профессией, в силу своих дарований, культуры и требовательности к себе учился на просмотренных образцах. Это значительно содействовало их творческому росту. К сожалению, это часто приводило к формальному подражанию и штампам, но Александра Владимировна, учась у других, сумела избежать слепого подражания.

Приобретая азы сценического мастерства, она интуитивно вносила в создаваемые образы своеобразную характерность, свои мысли, чувствования и видения. Она обладала удивительной способностью, чуть ли не с листа, без фальши вживаться в мир образа. Она его не изображала, а умела жить его жизнью. Как только начинались репетиции над пьесой, она и день и ночь жила своей ролью. Всегда, везде, на ходу и во сне она была в работе. Какое должно быть напряжение всего существа, если представить, что играть спектакли приходилось частенько с трёх-пяти репетиций, а «ходовые» пьесы даже с двух раз.

В творческих методах и приёмах работы царил разнобой. В артистах небольших театров ценилось умение слушать суфлёра, а ценность суфлёра определялась умением негромко, но чётко и вове-

мя подать нужную реплику так, чтоб её не слышали зрители. К стыду некоторых провинциальных театров, нужно сознаться, что иногда зрители слышали спектакль в двух вариантах — сначала в надрывном шёпоте суфлёра, а потом в актёрском исполнении.

Случалось, когда актёр, не расслышав суфлёра и боясь непредусмотренной паузы, говорил невпопад отсебятину. Нарушалась логика действия. Чтоб выбраться из тупика, начиналась, подчас нелепая, импровизация. Зрители, естественно, не были в восторге от такого творчества.

Антрепренёры, чтоб не прогореть и чаще показывать новые спектакли, но в допустимом качестве, при формировании группы на предстоящий сезон приглашали так называемых репертуарных актёров, то есть игравших ранее те или другие роли своего амплуа в намечавшихся на сезон пьесах. Таким образом, основные роли в спектаклях были уже подготовлены. Такой порядок некоторое время жил и в советские годы, и он не только ускорял выпуск премьер, но и значительно улучшал их качество.

Александра Владиславовна, быстро заняв ведущее положение, должна была заранее, самостоятельно готовить много серьёзных ролей из намечавшегося репертуара. Для этого нужно было преодолеть немало трудностей. Под суфлёра она играть не умела и надеялась только на свою память.

Сколько времени нужно было уделить только на заучивание текста ролей? Сколько нужно было перечитать художественной литературы по темам пьес? Литературе и иллюстративному материалу она всегда уделяла большое внимание. Нужно было найти время на предварительные беседы с режиссёром и на репетиции отдельных сцен с партнёрами вне основного рабочего времени.

Кроме творческих трудностей было много и других забот и нужд. Артисты многих провинциальных театров в старое время, да и в первые советские годы для спектаклей должны были иметь собственные костюмы. Обычно гардероб создавался постепенно в течение многих сезонов, но Александре Владиславовне, быстро занявшей ведущее положение, нужно было в короткое время приобретать костюмы. Зарплата в провинции была низкой, и артисты с трудом сводили концы с концами. Не всегда выкраивались деньги на оплату работы модисткам. Даже на покупку материалов для костюмов приходилось экономить деньги за счёт желудка и многое шить самой. Для этой цели она даже приобрела старенькую швейную машину, которую всегда возила с собой. В шитье ей, несомненно, пригодились знания, полученные в институте на уроках

рукоделия, а также некоторый опыт домашнего шитья и присущая ей усидчивость. В этой работе она также проявила немалые способности, вкус и знание эпох. В течение многих лет она создала у себя великолепный гардероб как стильных, так и современных костюмов.

О качестве гардероба артистки говорит любопытный факт. В одном из южных городов в первые годы советской власти Александра Владиславовна снимала комнату в большом доме, где жили «бывшие люди», как тогда называли представителей буржуазии. Однажды рано утром в доме начался обыск. Два матроса, проверив документы артистки, всё же попросили разрешения осмотреть вещи. В театре в эти дни шёл спектакль «Мария Стюарт». Артистка играла одну из королев, и в шкафу у неё были развешаны костюмы для роли.

Каково же было удивление матросов, когда они, просматривая платья, увидели такие одежды, которые видели разве только на картинках цариц. Простенькие бусы и стекляшки казались им драгоценными камнями, а дешёвая мишура — золотом. Когда же они извлекли из коробки небольшую, под золото покрытую бронзой, бутафорскую корону, сверкающую стекляшками, они просто остолбенели от изумления. Им казалось, они накрыли важную птицу из царской семьи!

Костюмы и бутафорская корона были так хорошо выполнены, что произвели сильное впечатление не только со сцены. На репетицию в этот день артистка опоздала, так как последовал на короткое время арест и установление личности в соответствующем учреждении. В результате этого курьёза у Александры Владиславовны появилось «Охранное удостоверение», выданное органами власти в том, что её имущество, «как приобретение пролетарского труда, не подлежит реквизиции».

Вспоминается случай, где её умение сделать интересный, впечатляющий костюм оказало отрицательное влияние на спектакль. Забылось, в какой пьесе Александра Владиславовна играла интересную по внешности кокетливую бабёнку, хищницу по существу. Чтобы подчеркнуть внутреннее содержание образа, она пошла эффектное, отделанное блёстками платье, игравшее на свете змеиной чешуей, и головной убор сделала в виде громадного паука на высоких вибрирующих ногах и с зелёными искрящимися глазами. Паук держался на ажурной косынке в виде паутины, брошенной на причёску. При малейшем движении артистки паук шевелился и казался живым.

После спектакля многие знакомые — любопытные зрители заходили за кулисы посмотреть паука и высказать восхищение им. А когда их спрашивали:

— Ну, а спектакль-то вам понравился?

— Ничего, — отвечали зрители, — ничего, ну а паук... паук... Это просто чудо!

Как артисты не старались услышать что-либо о качестве спектакля, ответы были одинаковы:

— Спектакль? Ничего. Ну, а паук! Паук! Это прелесть!

В общем, за змеиным платьем и пауком многие зрители не увидели содержания пьесы. При повторении спектакля паука пришлось не одевать, но слух о нем циркулировал по городу, и его отсутствие было воспринято как то, что артистка Славина начала халтурить и не показала паука.

Материальное положение усугублялось ещё и тем, что актёрам в прежних условиях нужно было перед каждым сезоном ездить в Москву для получения приглашения (ангажемента) на следующую зиму или лето. Долгое время и в советский период актерские баржи труда были, кроме Москвы, и в крупных республиканских, краевых и областных городах.

В царское время большинство театров провинции не работали из религиозных соображений «Великим постом», так что служителям Мельпомены и Талии, кроме межсезонья, ещё семь недель приходилось быть безработными. В практике работы Александры Владиславовны были случаи, когда антрепренеры «прогорали» в середине сезона, и приходилось переходить на «трудколлектив».

Октябрьская революция создала условия для уничтожения пропасти в качестве спектаклей, и в условиях работы театров центра и провинций, но, конечно, не сразу и не легко преодолевались все трудности. По мере экономического укрепления родины быстро стационарировались творческие составы в областных и краевых центрах и крупных городах. Росла тяга народа к театру. Ослабевала погоня за количеством премьер, росло влияние на творческие коллективы передовых реалистических театров родины. Создавалась сеть театральных студий и институтов, в театр приходила теоретически подготовленная молодёжь, росла культура актёров.

Но всё же не сразу создались постоянные творческие составы, а в небольших городах и в двадцатые годы продолжали жить и сезонность в работе, и скороспелые выпуски премьер. Государство в те годы было ещё очень бедно и не могло взять на свой бюджет все театры. Многие из них работали на хозрасчёте при отделах

народного образования или хозяйственных организациях, а если деятельность не окупалась, то актёры обычно переходили на работу трудколлективами.

Размер зарплаты артистов в трудовых коллективах определялся остатками от сборов со спектаклей после оплаты всех обязательных расходов, то есть оплаты госналогов со зрелищ, авторских прав, аренды помещения, рекламы и других необходимых расходов.

В жизни Александры Владиславовны работа в трудовых коллективах была очень трудной и материально, и физически. Были такие периоды, когда от сборов по спектаклям, после оплаты всех обязательных расходов на прожиточный минимум артистов почти ничего не оставалось. В таких случаях жили на минимальные сбережения или продавали личные вещи. При отсутствии сборов в одном месте трудколлектив старался переехать в другой город или рабочий посёлок, но случалось, когда не было средств даже на оплату расходов по переезду, и чтобы перебазироваться приходилось под заклад личных вещей занимать деньги.

Не всегда «кредиторы» оказывались честными людьми и были случаи, когда, получив долг, они заложенных вещей не присылали.

Анна Спиридоновна не уберегла подругу от мужских притязаний. На лето 1924 г. они разъехались на работу в разные города, и Александра Владиславовна немного позже уже стала носить официальную фамилию — Родионова-Славина. В дальнейшем она работала в театрах вместе с мужем.

Осенью 1924 г. в Горловке был организован театр, но средств на следующий год не было ассигновано, и он ликвидировался. Актёрский состав перешёл на работу трудовым коллективом, который принял название «Журавли». С этим коллективом Анна Владиславовна до осени 1926 г. объехала многие города и посёлки Украины и побережий Азовского и Чёрного морей.

В г. Сухуми «Журавли» попали на «бескормицу» — спектакли сборов не давали. «Птицы» разлетелись, кто куда, а некоторым лететь было некуда, и они осели в Сухуми, как раки на мели.

Вместе с другими безработными артистами, которых в Сухуми собралось очень много, Александра Владиславовна жила случайными спектаклями в городе и в ближайших посёлках. Спектакли были, как говорят, халтурными, сборы были незначительными и заработка от них не хватало на жизнь. Я в это тяжёлое время ходил к колонистам под городом на сельскохозяйственные работы. Там меня за работу кормили и доплачивали по полтиннику в день, которые я приносил жене.

200
ПРОФЕССИОНАЛЬНЫЙ
Ростово-Нахичеванский
СОЮЗ
СЦЕНИЧЕСКИХ ДЕЯТЕЛЕЙ

20007 4

Удостоверение.

№ 246

Февраль
2032

Профессиональный Ростово-Нахичеванский Союз
Сценических Деятелей сим удостоверяет, что пред-

ставитель сего есть действительно член Союза тов.

Александром
Владимировичем

и что, на основании приказа Заведующаго Отделом
Искусств за № 10, от 14 мая 1919 г., занимаемое
помещение, лично принадлежащее е^{му} имуществу,
гардероб, обувь, музыкальные инструменты, книги и
ноты как приобретения пролетарского труда, являю-
щиеся необходимыми для е^{го} профессиональной,
артистической деятельности, ни в коем случае не
подлежат обмену, ~~обмен~~ реквизиции.

Удостоверение это действительно, как во время
проживания в г. Ростове № 42 а в городах
Российской Социалистической Федеративной Совет-
ской Республики, так и во время переездов из одно-
го города в другой, что подписями и приложением
печати удостоверяется.

Председатель Союза

И. Демур
Секретарь *А. С. [Signature]*

Удостоверение профессионального Ростово-Нахичеванского союза
сценических деятелей, 1920 г. (ГАКК. Ф. Р-665. Оп. 5. Д. 2. Л. 4)

Затем небольшая группа артистов подготовила один спектакль и, играя его в нескольких местах на побережье, добралась, как по этапу, до Анапы. После скитания по палубам и трюмам пароходов и неустроенных ночёвок в клубах в Анапе привели себя в порядок: почистили одежду, постирали бельё и, немного отдохнув, поставили спектакль. Заработка хватило, чтобы отправить на подводе до пристани на реке Кубани женщин и багаж, а мужчины пешком дошли до места, даже раньше подводы.

По Кубани на пароходе добрались до г. Темрюка, где с хорошим сбором сыграли спектакль, но чтобы доехать до биржи труда в Ростове-на-Дону денег не хватало. Вновь закладывали вещи и двигались дальше.

В Ростове ежедневно «дежурили» на бирже, ожидая приезда администрации для формирования трупп, но дел было очень мало. Больше двух месяцев мы опять сидели, как раки на мели. Это были тяжёлые дни. Вели полуголодное существование, было продано всё, что можно продать. Изредка по клубам ставили с трудом сколоченные спектакли, но они давали небольшой материальный эффект. Вспоминается случай. На станцию, километрах в семи от Ростова (кажется Нахичевань), приехали на трамвае играть спектакль. Сбор оказался около двух рублей, и мы всё же не отменили спектакля, чтобы обратно в Ростов не идти пешком, а купить билеты на трамвай.

К счастью, теперешняя наша молодёжь не знает ужасов безработицы.

Уже поздней осенью, потеряв надежду устроиться «на гарантию», актёры стали организовываться в трудовые коллективы. Искушенный в административных делах артист В. В. Валентинов пригласил и нас с Александрой Владиславовной в организованный им коллектив, который был зарегистрирован на бирже труда под название «Коллектив артистов русской драмы» или сокращённо «КАРД». В этом передвижном коллективе артистка проработала до осени 1930 г. в городах и рабочих посёлках Донецкого угольного бассейна и соседних областей.

Несмотря на случавшиеся материальные неудачи и трудности постоянных переездов, работа трудколлективов «Журавли» и КАРД имела и свои положительные стороны. Творческий состав коллективов был постоянным, и лишь изредка менялись отдельные артисты. Это способствовало созданию крепкого ансамбля, сработавшегося в одной манере, с постоянным репертуаром в десять-двадцать спектаклей. Такой запас пьес при условиях передвижной

работы, при выездных спектаклях в соседние рабочие клубы вокруг основной базы давал возможность уделять подготовке спектаклей больше времени и более глубоко работать над ними.

Рос культурный уровень зрителей, увеличивалась их тяга в театр и требовательность к качеству спектаклей, а условия передвижки и постоянство состава позволили показывать спектакли на достаточно высоком для того времени уровне. В общем, зрители очень хорошо посещали и принимали спектакли, а в случаях «прогара», как мы потом выяснили, были обычно объективные причины: к примеру, в Горловке, в Алачевске и в Макеевке мы «садились на мель» в те периоды, когда там ещё не была восстановлена промышленность. Большинство населения было там безработным, а по вечерам на улицах наблюдалось хулиганство и грабежи. Ну, а неудачи в Сухуми и Ростове объясняются актёрским «перенаселением», но всё же, в основном, трудколлективы «Журавли» и КАРД работали неплохо, с переменным материальным результатом и на стабильном творческом уровне. Успех спектаклей приносил большое моральное удовлетворение артистам, а также улучшал товарищескую атмосферу внутри коллектива.

Кстати сказать, суфлёры, как и в «Журавлях», так и в КАРДе, хоть и сидели в будках и если что-то шептали, то больше для себя и для страховки: актёрам подсказка почти не была нужна.

На многие спектакли зрители ходили по много раз. Постоянно держались в репертуаре «Журавлей» и КАРДа «Огненный мост» Ромашева, «Любовь Яровая» Тренёва, «Рельсы ходят» Киршона, «Человек с портфелем» Файко, «Яд», «Медвежья свадьба» и «Поджигатели» Луначарского, «Заговор императрицы» А. Толстого и Щёголева «Царь и поэт», «Без вины виноватые» Островского, «Хамка» Константинова, «Овод» по Войнич, «Волчьи души» Лондона, «Ученик дьявола» Шоу, «Коварство и любовь» Шиллера, «Мадам Сан-Жен» Сарду, «Привидения» Ибсена, «Потонувший колокол» Гауптмана, «Тетка Чарлея» Брендона и другие.

Ставили трудколлективы и более капитальные пьесы, такие как «Гроза» Островского, «Ревизор» Гоголя, «Горе от ума» Грибоедова, «Разбойники» Шиллера, но эти спектакли по техническим и творческим трудностям постановок на малых клубных сценах в репертуаре подолгу не удерживались. Шли и другие новые советские пьесы, созвучные тому времени, приносившие успех в работе театра, но не сохранившиеся в памяти и не оставившие следа в драматургии.

Нужно сознаться, что коллективы не в малой мере шли за вкусами зрителей, и в репертуаре держались и классические мелодрамы, и другие пьесы, хорошо по сюжету скроенные, но невысокого литературного и идейного содержания.

Часто приходилось играть в рабочих поселках, где спектакли многие зрители смотрели впервые. Иногда администрации шахт и профорганизации «покупали» у коллектива спектакли и билетами на них премировали рабочих за лучшие показатели. Такие спектакли игрались после рабочих смен и начинались они и среди дня, и ночью, и даже в восемь часов утра.

Были случаи, когда в первом часу ночи или рано утром на спектакль в клуб приходили шахтёры прямо из забоев в робах и чёрные, как негры. Со сцены в полумраке зала мы видели только белки глаз и зубы зрителей, а кое-где даже светились шахтерские лампочки.

Актёры трудколлектива КАРД теперь уже мечтали о работе в более крупном и стационарном театре.

В начале 1930 г. в Советском Союзе проводилась творческая квалификация работников театра. Членом тарификационной комиссии, проводившей работу в трудколлективе КАРД, был опытный режиссёр театра Мейерхольда Н. Н. Буторин. С осени 1930 г. он назначался художественным руководителем и главным режиссёром Сибирского экспериментального театра в г. Красноярске, куда он пригласил на работу вместе с группой артистов из трудколлектива и Александру Владиславовну.

С осени 1930 г. у артистки Славиной начался новый, более интересный и плодотворный период творческой жизни в стационарных государственных театрах.

Сибирский экспериментальный театр формировался как крупный периферийный творческий организм. Н. Н. Буторин в его состав пригласил ряд артистов зрелого мастерства с хорошей профессиональной школой и способную молодёжь. Запомнились фамилия Баскакова (балетмейстер), Н. К. Петипа, Чернышевская, Карпова, Политимская, Лессовой, Плотников, Ильинский, Шаурский, Политимский, Максимов, Розанцев, Кузнецов и Волин.

Школа этого театра была новой значительной ступенью в творческом росте артистки. Здесь над пьесами велась глубокая как творческая, так и идейно-политическая работа. В театре систематически проводились занятия в кружках сценического мастерства и общественных знаний. Спектакли отличались яркостью

сценической формы, остротой идейной направленности и сочностью сценических образов. В репертуаре были крупно-масштабные спектакли. Они бурно принимались зрителями и хорошо посещались. Наибольшим успехом пользовались «Рычи, Китай», «Хлеб» и «Город ветров».

Как пример большого эмоционального воздействия спектакля на зрителей вспоминается сцена на нефтяном промысле в спектакле «Город ветров». После исполнения шёпотом «Интернационала» в публике всегда раздавались истерические рыдания. После закрытия занавеса в фойе из зрительного зала выносили иногда по четырнадцать человек зрителей в нервных припадках.

К весне театр полным составом выезжал в районы края на обслуживание посевной кампании. Кроме спектаклей, театр вёл большую общественно-массовую работу среди крестьян, агитируя их за вступление в колхозы.

Летом во время прорыва производственных планов на Восточно-Сибирской и Забайкальских железных дорогах театр был командирован на обслуживание посёлков важных железнодорожных узлов. В этих гастролях, помимо спектаклей, так же велась большая общественная работа.

Интересно отметить, что Сибирский экспериментальный театр был первым, в творческом составе которого артистка встретила члена коммунистической партии.

Пример общественно-массовой работы Сибирского экспериментального театра расширил диапазон работы артистки вне спектаклей. И первым примером была большая работа во время длительного отпуска среди крестьян села Овсянки близ Красноярска. Там она проводила беседы о колхозах, читала газеты на привалах при косовице, помогала организовывать и оформить колхозные детясли. Делала иногда аннотации по художественной литературе, прививая колхозникам вкус к чтению, консультировала девушек по рукоделию и т. д.

Это стремление помогать всем и везде, где она могла, воспитывалось у нее навсегда. Кстати сказать, это был в трудовой в жизни артистки первый (не вынужденный) отпуск, посвященный только отдыху.

На зимний сезон 1931—1932 г. «Театр имени Черембасса» был направлен в г. Якутск. В нём работали сослуживцы по «Журавлям» тт. Шелишпанов и Андрион. Они увлекли и артистку интереснейшей поездкой по реке Лене, и вместе с мужем, любителем краеведения и путешествий, они были переведены в их театр.

Коллектив театра был очень дружным, хорошо сработавшимся. В репертуаре было много хорошо проработанных спектаклей, и Александре Владиславовне пришлось напряжённо поработать, чтобы вестись в репертуар.

Спектакли пользовались большим успехом у зрителей, и актёрам давали большое творческое удовлетворение. Поездка в национальную республику, особенности её климата и быта якутов духовно обогатили артистку. Она и там так же, как и весь коллектив, вела большую общественную работу.

Летом 1932 г. артистка из Якутска переехала в Москву. Дорога была очень разнообразна по видам транспорта и богата по впечатлениям. От Якутска по реке Лене плыли пассажирской баржей на буксире у парохода до Усть-Кута.

Пассажиры наслаждались неповторимым очарованием бескрайних просторов могучей реки. Поражались чудом природы — Алёминскими столбами, напоминающими развалины циклопических фантастических замков. Какие яркие картины рисовало воображение, когда баржа проходила через теснины, прорезанные титанической силой Лены в высоких гранитных хребтах! А как волновал пассажиров лось, переплывающий широкую протоку реки! Течением его близко поднесло к нашему каравану, но он не повернулся к нам, он верил в свои силы и упорно грёб к основному берегу. Очевидно, мы больше волновались за него, чем он за себя.

Остроту впечатлений от этого путешествия дополняла внутренняя жизнь пассажиров: на барже не раз возникали иногда массовые пьяные драки. Организовывалась «народная милиция» для восстановления порядка, она производила (может быть, и незаконные) аресты и посадки буянов в трюм, и высадку их на берег.

Скоропостижно скончался в этом длительном пути один пожилой золотоискатель, следовавший с Алдана, но природа быстро восстановила равновесие — на барже родился новый человек.

В Усть-Куте работники театра перегрузились на две больших лодки и на бечеве лошадьми тащились вверх по течению Лены до пристани Жигалово. Там, где лошади не могли пройти по берегу, их грузили на те же лодки, а мужчины снимали штаны, лезли в воду и сами бечевой тащили караван.

Из Жигалово в это время после сдачи груза на пристань собирался возвращаться на станцию Залари большой обоз подвод. С этим порожняком четверо артистов добрались до железной дороги. Многодневный путь лошадьми по девственному Ленно-Ангарскому водоразделу был так же богат впечатлениями от красот

природы, от ночёвок в тайге, от ловли штанами в горных ручьях рыбы, от вкусной с дымком ухи из форели, от прелести многоцветья в степях, от безлюдья на сотни километров, от встречи с семьёй кочевого бурята, от тумана на Ангаре, одевшего реку толстым одеялом, скроенным точно по границам берегов.

На станции Залари несколько суток жили на воздухе рядом с багажным сараем. На один из поездов сдали свой основной багаж до Москвы, а потом и сами каким-то добавочным поездом в разных вагонах доехали до Свердловска. От Свердловска в битком забитом товарном вагоне Александра Владиславовна следовала на нарах до Казани, а я в обнимку с чьим-то громадным псом спал ночами под нарами. Далее мы до Москвы блаженствовали в плацкартном вагоне.

Весь путь от Якутска до Москвы у нас занял пятьдесят пять суток. По разным условиям того времени некоторым актёрам приходилось возить с собой много имущества. Если сундуки с костюмами и необходимыми домашними бытовыми вещами сдавались в багаж, то с собой нужно было брать и постельные принадлежности, и необходимые в пути вещи, вплоть до тёплой одежды. Представьте, сколько нужно было взять с собой продовольствия в условиях карточной системы на подобный двухмесячный путь.

Осенью Александра Владиславовна через Московское бюро Посредрабиса (актёрскую биржу труда) была приглашена в театр «Красный деревоотделочник», который работал в Сыктывкаре, а в следующий сезон 1933—1934 г. — в г. Вологде.

Этот театр, руководимый А. С. Ходыревым, имел крепкий творческий состав, так же серьёзно работал над репертуаром и выпускал премьеры на должном идейно-художественном уровне, и так же вёл большую общественно-массовую работу, направляя в длительные поездки бригады на лесозаготовки, лесосплав, посевные кампании и на обслуживание рабочих клубов.

С осени 1934 г. Александра Владиславовна вместе с большим творческим пополнением приехала на Камчатку, где уже работала небольшая группа артистов. Здесь очень удачно сложился театральный коллектив из людей с сильным характером, не побоявшихся приехать на край света, навстречу большим трудностям. Некоторые товарищи ещё прошлой зимой во льдах буйного Охотского моря пережили после пожара трагедию на корабле, терпящем бедствие в течение двух с половиной месяцев, и не испугались вновь плыть через океан.

Основной костяк труппы состоял из довольно опытных периферийных актёров, а молодёжь пришла из театральных школ. Главным режиссёром был Гаврила Владимирович Гловацкий. Этот маститый петербургский деятель с дней Октября стал подлинным землепроходцем от искусства и заложил в камчатском, самом далеком в стране, театре основы крепкой творческой дисциплины и ответственности артистов за свой труд.

Многие артисты с первого взгляда навсегда полюбили неповторимую суровую красоту Камчатки. Здесь в труднейших условиях работы заложилась лучшие традиции театра, которые сохраняли и развивали его в дальнейшие годы.

Так Александра Владиславовна, влившись в коллектив подлинных энтузиастов театра, навсегда связала с Камчатской областью свою жизнь.

Камчатскому театру она отдала лучшие годы своей творческой деятельности, всё своё горение, свою увлеченность трудом, все свои силы и здоровье, все свои знания, и опять, всю свою доброту и любовь к людям. С этим театром она стойко переносила его бесконечные трудности, огорчалась его неудачами и радовалась его успехами. Её личная жизнь растворилась в жизни этого театра. Своим самозабвенным трудом в этом театре она завоевала любовь зрителей. Её скромное творческое мастерство в этом театре было высоко оценено правительством РСФСР, и было присвоено почётное звание заслуженной артистки республики.

Некоторые эпизоды

Начиная с 1913 г. у Александры Владиславовны никакой личной жизни, кроме жизни в театре, не было. Все помыслы, все заботы отдавались ему. Театр определял вехи на её жизненном пути.

— Театр без меня, — говорила она, — жил всегда и может жить далее, но я без театра уже не могу представить своё будущее.

Вместе со своей спутницей-подругой они продолжали работать вместе, оберегая покой и безбрачие друг друга, пока случайность в начале 1924 г. не развела их на работу в разные города. И тут Анна Спиридоновна потеряла подругу: не уберегла Александру Владиславовну от мужского притязания. Славина последние тридцать лет своей жизни носила фамилию Родионовой-Славиной и жила и работала вместе со мною.

Несмотря на наши различия в возрасте, в происхождении, в воспитании и образовании, в уровне общих политических знаний,

в привычках и взглядах на окружающую действительность, мы всегда во всём находили общее мнение. Между нами всегда царил атмосфера доверия, взаимопонимания, уважения, согласия и дружбы. Мы духовно обогащали друг друга. Никто никого из нас ни в чём не ограничивал.

Александра Владиславовна всегда говорила, что после первых своих неудачных браков она, наконец, обрела покой и теперь счастлива. Но в действительности, в глубине своего сознания, она и наш брак считала своей новой ошибкой. Её долго пугала разница в наших летах. Она боялась, что состарится раньше меня, и видела в этом причину будущей семейной драмы и страшилась этого. Я всегда старался беречь покой жены, но все же мне не всегда удавалось это, и допускалась небрежность в поведении. Кроме того, разлука при поездках на летние гастроли или частые поездки Александры Владиславовны на длительное курортное лечение давали богатую пищу для злых языков и приносили ей немало страданий от приступов скрытой ревности.

Ей всегда казалось, что она, связав с собой мою судьбу, сковывает мою инициативу, мою свободу, так сказать «заедает мой век». Страдания ревности и «угрызения совести» она переживала в тайне, и поделилась об этом со мной только в последние годы своей жизни, и даже в своём предсмертном письме ко мне просила за это прощения.

В 1920 г. Александра Владиславовна от деверя получила короткое письмо, в котором высказывалось предположение, что её младшая дочь Шура будто бы ушла из дома с буденовской армией и в бою под Батайском погибла. Дальше связь с братом мужа была потеряна. Попытки получить более точные сведения о детях не дали никаких результатов. Незвестность приносила ей много страданий.

В конце двадцатых годов в Донбассе меня укусила бешеная собака, и я вынужден был выехать на месяц в Харьковский Пастеровский институт для прививок. Там я разыскал Веру Александровну, которая воспитывала детей Александры Владиславовны. Встретили меня приветливо. Я узнал, что тетя Вера рано овдовела, но ради детей замуж не выходила. Девочки получили хорошее воспитание и образование. Шура, действительно, погибла в бою. Нина, с которой я там познакомился, окончила среднюю школу и получила музыкально-вокальное образование. Затем прошла школу машинописи и работала секретарём в госучреждении.

Если в семье Веры Александровны не проявили большой радости от известия об Александре Владиславовне, то, во всяком случае, я не заметил ни малейших намёков на неприязнь, напротив, проявлялся большой интерес к ней и к подробностям её жизни.

Сведения о гибели Шуры Александра Владиславовна встретила очень тяжёло и до конца своих дней с глубокой болью вспоминала о ней, считая себя виновницей её преждевременной смерти.

В последующие годы Нина часто приезжала из Харькова к нам гости, пока не уехала в Среднюю Азию. Там она вышла замуж и родила сына Ярослава Алексеевича Долганова. Будучи оскорблённой, выехала на родину и целиком посвятила себя воспитанию сына, прервав всякую связь с мужем.

Вера Александровна, оставшись одна, вышла замуж за Васильева и переехала с ним в Пятигорск.

Во время отпусков мы часто навещали Веру Александровну. Встречи были как с ней, так и с Ниной всегда радужными, мрачные эпизоды из прошлого никогда не вспоминались. В общении с ними Александра Владиславовна никогда не чувствовала никаких упреков с их стороны, но жаловалась, что всегда после встреч её мучит угрызение совести за ошибки своей молодости. Те, кто знали её прошлое, утешали, говоря ей:

— Что вы мучите себя! Пора забыть старое. Люди вас давно простили.

— Люди-то, может быть, и простили, — возражала она, — но сама-то я себя не простила и вероятно никогда не прощу.

И это было так. Даже перед лицом смерти, в оставленном мне письме она просила: «Нине передай, чтоб она простила свою мать, за то, что она сделала сорок пять лет тому назад».

Перед войной Нина Алексеевна Волгина вместе с сыном Славикум приехала на Камчатку. Сын в Петропавловске отлично окончил десятилетку, затем в Ленинграде — технический вуз и был направлен на работу в Москву. Нина работала преподавателем в педучилище, и с выходом на пенсию переехала в Пятигорск, где жила тетя Вера и многие родственники отца.

Мировоззрение Александры Владиславовны складывалось во время бурных и противоречивых общественных событий. Казалось бы, что среда военных семей из потомственных дворян и среда института благородных девиц, где она провела детство и юность, должны были воспитать в ней вернопопданничество, но этого не случилось. Хотя в её лексиконе долго держались такие

высокопарные слова, как «император» или ещё более почтительное «государь император», хотя она долго называла революцию 1905 г. или Ленский расстрел словами «беспорядки», хотя было много и других «старорежимных» слов и определений, она всё же не была приверженцем царского строя. Корни институтского воспитания были у неё не глубоки и отразились, главным образом, на внешней культуре и на общих знаниях.

Но главный источник её миропонимания — дворянские семьи, в которых она росла и получала воспитание, несмотря на своё положение в классовой иерархии, были глубоко гуманными и демократически настроенными. Она часто вспоминала примеры доброты родственников по отношению к «нижним чинам», как старшие и их близкие были просты и «обходительны» с солдатами, а детям не возбранялось дружески общаться с ними. Она постоянно слышала от солдат, как они с большим уважением отзывались о своих «справедливых» и «добрых» командирах. В семьях родственников не одобрялось подчёркивание некоторыми знакомыми своего превосходства над окружающими и всегда проявлялась простота в отношениях, несмотря на различие чинов и рангов.

Такая же атмосфера отношений царила и среди родственников первого мужа.

О своём втором (гражданском) муже Александра Владиславовна вспоминала иначе. Он запомнился ей как убеждённый приверженец монархии, как жёсткий человек. Во взглядах на многие события и явления их мнения часто расходились.

В общем же она выросла простым, добрым, жизнерадостным и аполитичным человеком. Февральскую революцию она встретила не только спокойно, но даже, как и большинство артистов в театре, с удовлетворением. Смысла и цели Октябрьской революции она не понимала, так же как не разбиралась в дальнейшей классовой борьбе и в гражданской войне.

Она не понимала и долго не могла оправдать жестокости террора, хотя сама чувствовала, что под маской многих людей, выдающих себя за сочувствующих советской власти, кроются злобные враги. Работая в двадцатых годах в посёлках Донбасса, ей бросалось в глаза бескультурье, пьянство, воровство, массовые драки. Её пугало по ночам возвращение со спектаклей, когда на улицах раздвигали и грабили. Тяжело было смотреть на потухшие доменные печи и мартены, застывшие коксовые батареи, искорёженные здания заводских цехов. При возвращении из Якутска ей страшно было на барже видеть пьяный разгул и буйство возвращающихся

с Алдана «золотоискателей», которых в прошлом второй муж представлял ей как разбойников.

Что греха таить, многие из товарищей по театру и знакомые, в откровенных разговорах высказывали сомнение в способности большевиков навести порядок, восстановить разрушенное хозяйство и удержаться у власти. Эти сомнения точили и её сознание, но она все же ясно видела в народе массовое стремление к новому, лучшему, к культуре, к знаниям. Она видела массовый энтузиазм в общей созидательной работе.

В этих противоречиях восприятия действительности Александра Владиславовна сохранила веру в справедливое будущее и постепенно, с трудом, овладела азами политических знаний.

Кочевая жизнь провинциальной артистки, ограниченные средства к существованию вынуждали её жить в дешёвых квартирах среди нуждающихся людей. Общение с семьями простых рабочих и служащих помогали Александре Владиславовне, как внимательному рассудительному человеку, видеть и понимать жизнь не так, как объясняли её в институте благородных девиц. Окружающая жизнь без прикрас стала её подлинным институтом, в котором она ежедневно развивала своё сознание.

Если я многое получил от Александры Владиславовны в смысле общего развития и внешней культуры, то она, узнавая моё прошлое, стараясь осознать моё миропонимание, в свою очередь, стала смотреть на общественное устройство по-новому.

Большое влияние на её мировоззрение имело появление в художественной литературе «Цемент» Гладкова, «Виринеи» Сейфулиной, «Железного потока» Серафимовича, «Барсуков» Леонова, «Одеты камнем» Ольги Форш и другого.

В тридцатых годах Александра Владиславовна, прочтя «Угрюмку» В. Шишкова, недобрым словом вспоминала второго мужа, который прежде обрисовал ей Ленский расстрел в другом, оскорбительном для народа свете.

Принимая активное участие в общественной работе, артистке много приходилось общаться со зрителями, и простые душевные беседы с ними также помогали ей глубже вникать в жизнь.

Большой школой политического развития в последние годы для неё являлась работа при разборе во время репетиций идейного содержания пьес. Она никогда не пропускала в театре занятий кружков и лекций по вопросам политического просвещения.

Нельзя сказать, что Александра Владиславовна преуспевала в овладении политическими знаниями. В её сознании частенько

царил сумбур, но к её чести нужно сказать, что она как-то подсознательно, очень правильно и трезво оценивала события, происходившие в жизни нашей родины и в международных отношениях, а главное — она всегда старалась всё понять, разобраться во всём. Она научилась серьёзно думать.

Случалось в театре и такое, что факторы, не имеющие прямого отношения ни к дарованию, ни вообще к искусству, оказывали влияние на творческую жизнь артистки.

Александра Владиславовна всегда гордилась родством с выдающимся сыном родины лётчиком Петром Нестеровым. Она никогда не скрывала ни своего происхождения, ни родства с Петром Нестеровым, и до определённого времени это никого не пугало. И вдруг однажды некоторых перестраховщиков из руководства театра привело это в тревогу. «Как бы чего не вышло», — думали они. В результате на недолгое время она была негласно бойкотирована и при распределении ролей фактически из ведущих актрис была сведена на незаметное положение.

А вот второй случай, который на длительное время взволновал артистку. В 1938 г., в мрачные дни «культы», возвращаясь из отпуска в Москве, садясь в вагон дальневосточного поезда, она получила из Петропавловска телеграмму, что уволена из театра вместе с мужем. Причины не объяснялись.

Театральные сезоны уже всюду были открыты, время для устройства на работу было уже упущено, и всё равно нужно было возвращаться на Камчатку за вещами.

Тоскливы были длиннейший путь по железной дороге и долгое ожидание транспорта во Владивостоке. Изнурительно было семнадцатисуточное болтание в непригодном для перевозки пассажиров твиндеке маленького грузового пароходика, который с трудом преодолевал шторм Охотского моря, а тошнотворный запах, исходящий из трюмов от испорченного груза чеснока, заполнял все помещения и дополнял сомнительную прелесть морского путешествия.

Никаких причин для увольнения артистов не было. Просто некоторые недоброжелатели из эгоистических соображений, даже не зная артистки Славиной, но, узнав из её личного дела её автобиографию, припугнули тогдашнего перестраховщика — руководителя театра её дворянским происхождением, родством с «золотопогонником» — офицером царской армии Нестеровым.

— Смотрите! Как бы чего не вышло! — нащёптывал «бдительный» советник.

А в действительности увольнение нужно было кляузнику для того, чтобы занять её комнату. Он даже пытался сделать это до возвращения Славиной и Родионова на Камчатку, но милиция не разрешила отмыкать комнату.

Так же были уволены Таванцева и Светланов, но их незамкнутые комнаты были всё же заняты.

Уволенные, кроме Светланова, были, конечно, восстановлены на работе. Отрадно отметить, что эти уродливые факты не поколебали её веры в справедливость.

С первых дней Великой Отечественной войны театр, как и вся страна, работал под лозунгом «Всё для фронта, всё для победы над врагом!» Этому лозунгу были подчинены производственный план театра, содержание репертуара, дисциплина и трудовое напряжение коллектива, а также общественно-массовая работа.

Как личную трагедию Александра Владиславовна восприняла нападение фашистов на нашу родину. Не было общественных мероприятий театра, в которых Александра Владиславовна не принимала бы участия, особенно в дни Великой Отечественной войны. Она с болью в сердце воспринимала наши неудачи на фронтах в первые дни войны, но никогда не теряла веры в победу и всячески поддерживала эту веру в товарищах. Эту веру она доказывала своими поступками: она сдала в фонд обороны свои золотые часы и другие ценные вещи, она целиком переводила в фонд обороны присвоенную ей персональную пенсию. Она всегда была примером в сборе средств на строительство самолётов для армии, за что были получены театром две благодарности от Верховного Главнокомандующего.

Коллектив театра всегда активно подписывался на государственные займы, ставил в воинских частях шефские спектакли и вёл другую оборонную работу, собирал книги для воинских клубов, тёплые вещи для фронта и для пострадавших районов. Коллектив театра постоянно, не зная выходных дней, вёл напряжённую производственную и общественную работу, и Александра Владиславовна всегда была в первых рядах коллектива. Если товарищи работали в нерабочее время на сельскохозяйственных работах или на разгрузке пароходов и в других местах, где требовалась физическая сила и здоровье, то Александра Владиславовна не оставалась в стороне и всегда находила посильное для себя дело.

За заслуги в области культурного шефства профсоюза работников искусств над Вооружёнными Силами СССР Александра Владиславовна награждена почётной грамотой Комитета по делам

искусств при Совете Министров СССР, ЦК профсоюза работников искусств и Центральной военно-шефской комиссии. Правительство наградило артистку медалью «За доблестный труд в Великой Отечественной войне».

Во время войны с японскими милитаристами Александра Владиславовна вместе с оставшейся в городе группой артистов обслуживала воинские части и госпитали в районе Петропавловска, участвуя в спектаклях и концертах. В свободные от выездов часы она проводила особенно большую и полезную работу среди раненых в военно-морском госпитале. Каждый день артистка приходила к своим новым друзьям. Раненые полюбили чуткую и внимательную женщину. Они стали выходить ей на встречу, чтобы пригласить в свою палату. Начальник госпиталя, узнав о «перехвате» артистки у ворот госпиталя, даже установил своеобразный график посещения палат.

Александра Владиславовна долгие часы просиживала у постелей тяжелораненых воинов, с материнской теплотой и мягкостью вела с ними душевные беседы, отвлекая их от тяжёлых дум и физических страданий, вселяя в них бодрость. Раненые ласково звали ее «мамашей».

— Ваше лекарство, товарищ Славина, — говорили врачи, — эффективнее всяких медикаментов.

Её посещения раненых продолжалось, пока госпиталь не свернулся.

Командование высоко оценило её работу, и не случайно она была награждена медалью «За победу над Японией».

Товарищи говорили, что артистка не умела «постоять за себя», но когда нужно было похлопотать за товарища, она всегда была очень активна. Можно много привести примеров её сердечной теплоты и внимания к товарищам. Вот некоторые из них.

Ранее в театрах практиковались так называемые «бенефисы» — спектакли сборы с которых шли в пользу того или другого артиста, но не всегда руководство театра предоставляло возможность самому бенефицианту выбрать «кассовую» пьесу, гарантирующую хороший сбор и удобный день недели. В таких случаях, когда заинтересованный артист не надеялся на материальный успех бенефиса, приходила на помощь Александра Владиславовна и распространяла билеты на спектакль. Её энергия, её обаяние, её умение вести со зрителями интересные беседы всегда приносили отличные результаты в материальном успехе спектакля.

Александра Владиславовна обратила внимание на постоянную обеспокоенность в середине двадцатых годов молодого артиста Т. Она заметила, что когда за кулисами случайно оказывался работник милиции или ОГПУ, на лице этого артиста появлялась тревога. Сделав для себя вывод, что молодой человек не случайно боится представителей власти, она, зная его расположение к себе, вызвала товарища на откровенность и узнала, что его тяготит. Серёжа — так звали артиста, рассказал ей, что он в автобиографии и в анкете скрыл своё «прошлое». Он утаил, что его отец был белым офицером и погиб, и что он учился в кадетском корпусе. Но далее в документах он всё сообщал правильно, что волею судьбы он в пятнадцать лет оказался один с матерью и зарабатывал себе кусок хлеба своим трудом.

Зная, что дети не караются за вину отцов, Александра Владиславовна убедила Серёжу пойти в соответствующие организации и признаться в своих «преступлениях», о которых, кстати сказать, там, где нужно, уже знали. Серёжа сходил «на исповедь», получил «отпущение» грехов, освободился от морального гнета, давившего его, и стал новым жизнерадостным человеком, как будто обменяли и его, а не только документы. Он часто благодарил Александру Владиславовну за совет и говорил, что она его спасла, как утопленника.

Вот ещё пример внимания и чуткости. В театре много лет работал кочегаром одинокий малограмотный, плохо развитой человек с большими дефектами в органах речи — Миша Малючков. Он был неразговорчив, замкнут, держался всегда в сторонке и близких друзей не имел. Благодаря своим недостаткам, он частенько попадал на зубок грубых острословов. В первые годы Великой Отечественной войны Мишу призвали в армию.

На пристань к отправке призванных на материк пришло много провожающих — родных и знакомых, только одинокий и грустный Миша никого не ждал. Вдруг к нему подошла Александра Владиславовна.

— А Вы кого же провожаете? — спросил Миша.

— Тебя, — последовал ответ.

Миша не ожидал розыгрыша от артистки и как-то растерялся в удивлении.

— Тебя, Миша, — повторила артистка и, пожав руку, протянула ему сверточек с подарком на дорогу. Время до посадки на паром быстро пролетело в непринуждённой беседе, которая согрела вниманием сердце Миши.

Прощаясь, артистка крепко поцеловала одинокого солдата, и из его глаз хлынул поток благодарности. Артистка ответила ему тем же. Поднимаясь на пароход, Миша часто оглядывался, пока не потерял из вида добрую ласковую женщину.

После победы демобилизованный солдат возвратился в театр.

— Когда меня брали на войну, — говорил он, — я думал: а кого же мне защищать? У меня нет ни родных, ни друзей, и если убьют, то и вспомнить меня некому будет. Но я ошибался. Когда на пристань проститься со мной и пожелать мне счастливого пути и счастья пришла наша самая уважаемая артистка, я понял, что у меня есть, кого защищать. Всегда на войне я вспоминал её, как родную мать, и всё сильнее и сильнее ненавидел фашистов.

— Спасибо тебе, дорогая мамаша, — сказал Миша при встрече с Александрой Владиславовной, — я всегда с радостью рассказывал солдатам, что у нас хорошие люди. Это твоя доброта уберегла меня на войне.

Не чужды Александре Владиславовне черты характера и граничащие с мужеством. Возвращаясь из Якутска, пароход на одной небольшой пристани реки Лены причалил к берегу грузиться дровами. Пассажиры баржи сошли на берег. Один из мальчишек с носовой палубы свалился в реку. Быстрое течение засосало его под днище судна. Выловили утопленника уже без признаков жизни, и мужчины, взяв его за руки и ноги, начали «откачивать», то есть подбрасывать вверх, и, не давая опуститься на землю, вновь повторяли движение. В народе существовало поверье, что утопленника нельзя класть на землю, иначе он умрёт. Александра Владиславовна, подстелив на песок своё пальто, просила «откачивающих» положить мальчика для проведения искусственного дыхания, но толпа буквально зарычала на неё, оттолкнув в сторону. Несмотря на угрожающий рёв, она всё же набралась каких-то невероятных сил и, неожиданно бросившись вперёд, вырвала утопленника из рук ошеломлённых людей, отбежала в сторону к разосланному пальто и, положив на него мальчика, начала делать искусственное дыхание.

Толпа на какое-то время оцепенела, но потом вдруг взревела и двинулась с криками ругани к ней, пытаясь отобрать ребёнка. Невероятными усилиями артистка удерживала ребёнка, продолжая делать приёмы дыхания. Тут ей уже кто-то помог. Казалось, что в этой неравной борьбе Александра Владиславовна оборонялась только глазами, которые как будто искрились молниями и парализовали толпу на месте. Затихали рёв и брань, и только временами раздавались короткие вопли:

— Погубила мальчонку — предала земле!

— Проучить её, ведьму!

Она устала, тяжело дышала, но эти возгласы и страх перед угрожающей толпой наполняли её энергией. Из последних сил она продолжала процедуру. Казалось, бесконечно тянулось время. И, наконец, — о радость! В груди ребёнка появились хрипы, и затем последовал вздох. Ребёнок спасён!

Так пригодились знания, полученные в кружке «первой медицинской помощи». Родители ребёнка благодарили «доктора», а артистка-«доктор» пила валериановые капли.

Артистка умела находить путь к сердцу человека, чувствовать чужое горе и в трудную минуту [могла] прийти к товарищу с добрым советом или помощью. К ней постоянно тянулись даже мало знакомые люди со своими волнениями, горестями и печалью. Она всегда находила простые и тёплые слова, чтоб успокоить товарища, утешить в горе, влить в него силы и веру в себя, если он растерялся. Некоторым случайным знакомым, попавшим в беду, она годами оказывала систематическую материальную помощь. Она помогала нуждающимся хозяевам квартир покупать: то козу, то поросят, то корову, то приобретать материалы на постройку домиков, то в других нуждах.

В финансово-трудные для Камчатского театра сороковые годы она помогала актёрам и знакомым привозить с материка жён и детей, или помогала товарищам, возвращающимся из отпуска и оказавшимся в дороге в затруднительном положении на длительное время пути.

Совершив в прошлом роковую ошибку, она из суровой школы молодости получила незабываемый урок, которым постоянно делилась с молодёжью. Она призывала вступающих в самостоятельную жизнь к высокой моральной требовательности. В мягких, по-матерински сердечных беседах с молодыми парами, она учила их бережно относиться к семье и к любви.

Величайший дар природы, — говорила она, — это светлое чувство — любовь. Она несёт счастье в жизнь. Она переполняет душу человека самыми лучшими порывами, ведёт к самозабвению ради друга. Она ведёт к радостям в труде. Она в сочетании с разумом всемогуща. Но любовь — чувство очень робкое, его неосторожностью можно легко спугнуть, и тогда она станет своей противоположностью. Жизнь на своём пути расставляет незаметные ловушки, попав в которые можно разбить драгоценное чувство.

— Будьте чутки и внимательны, — советовала Александра Владиславовна, — не дайте оступить друг другу. Трепетно храните любовь, в дружбе и согласии пронесите её через всю свою жизнь. Не живите только сегодняшним днём. Думать о своём будущем, а думать о будущем — это, значит, думать не только о себе лично, но ещё и о детях.

Её материнское чувство, нерастраченное в молодости, искало своего выхода, и она щедро делилась любовью и лаской с детьми актёров, близких и знакомых. С особым радушием она заботилась о моих младших, вступающих в жизнь, родственниках.

Артистка всегда была близка к театральной молодёжи. Зная по себе, как трудно было без специальной школы получить опыт сценического мастерства, она внимательно следила за первыми шагами товарищей, особенно пришедшей в театр без подготовки.

Пройдя суровую школу жизни, имея значительный культурный кругозор и накопив сценический опыт, она всегда приходила на помощь. Её советы никогда не носили характера менторства, а делались в деликатной, доходчивой форме и располагали к себе молодёжь.

Видя её отзывчивость в трудностях, окружающие её спрашивали:

— Александра Владиславовна, всегда ли Вам люди на добро отвечают добром?

— Нет! — отвечала она, — бывали редкие исключения, но это не подорвало моей веры в хорошие качества человека. Некоторые считают, что плохих людей больше, чем хороших. Это не так. Такое ложное впечатление создаётся, вероятно, потому, что всё дурное нас сильно травмирует и поэтому мы долго помним зло, а хорошее воспринимаем как обычное и не запоминаем этого.

Артистке как человеку мягкому, доброму и впечатлительному неприятности доставляли немало волнений, но она в таких случаях не опускала рук, становилась более собранной и работала с большой энергией, преодолевая все неприятности, трудности, невзгоды и лишения. А трудностей было бесконечно много: и творческих, и производственных, и бытовых, и климатических, особенно в камчатский период, когда в театрах на материке уже были созданы хорошие условия работы.

В умении спокойно и уверенно преодолевать все встречающиеся барьеры Александра Владиславовна всегда была образцом для других. Перед ней стыдно было теряться, особенно молодёжи, ныть и хныкать, она умела своим примером вселять в других гордость

за преодоление трудностей. Она часто, будучи больной, безмолвно выезжала в район и играла спектакли, глотая таблетки нитроглицерина или делая болеутоляющие инъекции при бесконечных приступах аневризмы или болях ишиаса.

Даже прикованная к постели, во время приступов ишиаса, она всегда находила себе работу для театра. Вспоминается, какие великолепные она сделала кокошники и детали царского облачения для спектакля «Василиса Мелентьева». Как мастерски она украшала их «жемчугами» и «камнями». С какой любовью она «одевала» куклы для первого кукольного спектакля на Камчатке. Неделями она, лёжа в постели, трудилась над такими работами.

Кстати нужно сказать, что, увлекаясь вышивкой, Александра Владиславовна принимала участие и своими работами в организации на Камчатке первых выставок народного творчества.

Часто во время выездного спектакля разыгрывалась пурга, приходилось оставаться на ночлег в неприспособленном холодном клубе, и пожилая артистка стойко переносила неудобства. А если всё же выезжали после спектакля, надеясь пробиться через пургу и где-либо, вдали от города, застревали в снежных наметах, она без советов и нытья отправлялась в очень трудный для неё путь через снежную топь и круговерть.

Однажды в поселке на Халактырском озере был назначен спектакль, но Камчатка была накрыта буйным циклоном. Выезд не состоялся. На следующий день снежная карусель не стихала, и командование решило перебросить артистов на аэросанях. Первым рейсом благополучно доставили в клуб детали оформления, костюмы, реквизит и часть людей. Вторым рейсом отправились артисты — благо действующих лиц было немного. Не проехав и половины пути, мотор заглох. Сколько не крутили пропеллер, сколько не толкали сани, мотор не заводился.

Время шло. Что делать? Большинство высказалось за то, чтобы идти обратно домой.

— А как же спектакль, ведь зрители ждут нас второй день, — сказала Александра Владиславовна. — Всё равно пробираться через пургу, так давайте лучше идти к цели. — С этими словами она двинулась вперёд, и все последовали за ней.

Ураганные шквалы ветра захватывали дыхание, ей было очень тяжёло, но, часто отдыхая, она продвигалась вперед. Вдруг всё вокруг озарилось ярким огненным сполохом, словно загорелось небо, заполняя весь видимый мир беснующимися в завихрениях искрящимися мириадами снежинок. Потом ноги ощутили дрожь

земли, и секундами позже со стороны вулканов донесся мощный громовой гул.

Извергался Авачинский вулкан. Началась незабываемая, величественная феерия разбушевавшейся природы. Самым пылким воображением невозможно заранее представить ошеломляющую картину фантастической красоты. Эстетическое наслаждение наполняло душу восторгом и вместе с тем вызывало какой-то суеверный страх. В сознание врывались картины гибели Помпеи и Геркуланума, но они не могли потушить очарования красотой взрыва титанических сил природы.

Так забывая трудности пути, мы как зачарованные дикой вакханалией световых всполохов и снежных вихрей, под оглушающий гром и свист, по дрожащему в конвульсиях земному покрову дошли до клуба, вблизи которого зрители так же любовались извержением вулкана. Этот эпизод запомнился артистам на всю жизнь, и если бы не Александра Владиславовна, мы бы вернулись в город и не увидели редчайшего фейерверка.

Идут спектакли в клубах за бухтой. Сегодня туда выезжает и Александра Владиславовна. Катер стоит на рейде вдали от берега. На маленькой лодочке на него доставили костюмы и реквизит на сегодняшний спектакль. Вторым рейсом переправляется артистка, но на полпути лодка опрокидывается и артистка по ледяной морской купели медленно, без криков плывёт к катеру, который оказался в поле её зрения, когда она вынырнула из-под воды. Кто-то на берегу завopil, что артистка Славина «утопла» и побежал искать телефон, а «утопленнице» помогли подняться на борт катера, она в кубрике переделалась в театральный костюм, и судёнышко отвалило на Тарью.

Когда на берег прибежал напуганный телефонным звонком директор, и вслед примчалась вызванная им карета скорой помощи, артистка была уже далеко в бухте. К клубу посёлка Тарья она шла уже одетой к спектаклю, чем доставила большое удовольствие мальчишкам своим необычайным стильным костюмом.

Придя в театр, Александра Владиславовна всегда у старших товарищей искала ответы на непонятные вопросы, а, получив сценический опыт, она сама щедро делилась им с молодыми товарищами. С первых дней, учась работать, она следила за репетициями и спектаклями. Эта привычка осталась у неё навсегда. Так она замечала недостатки актёров и помогала им преодолеть трудности. Хорошо зная историю, явно представляя стиль отдельных

эпох, она оказывала большую помощь молодым артистам в освоении сценического костюма прошлого.

— Мало, — говорила она, — надеть нужный костюм, надо уметь носить его. И она не уставала тренировать товарищей в освоении кринолина, шлейфа, военного костюма, плаща и других деталей.

Кругом её знаний нередко пользовались художники, режиссёры и старшие товарищи. Знание «этикета», то есть принятого порядка, образа действий, умение держать себя при разных обстоятельствах, всегда имело большое значение для творческих работников. По вопросам внешней культуры, так сказать, «правилам хорошего тона», Александра Владиславовна всегда была очень полезным консультантом.

Александра Владиславовна была жизнерадостным, общительным и обаятельным человеком, была наделена исключительной способностью располагать к себе окружающих, быстро сближаться с людьми и объединять их. Её образование, начитанность, хорошее знание французского и немецкого языков; её умение логично и непринужденно построить свою речь и найти интересную тему для беседы делали её отличным собеседником.

Она была также и хлебосольной хозяйкой. Редкие выходные дня в её квартире проходили без гостей. Обычно после премьер за лёгким ужином и чашкой чая товарищи делились своими впечатлениями о выпущенном спектакле. Иногда в предвыходные дни до утра затягивались интересные беседы о литературе, искусстве, текущих событиях и, конечно, о делах театра.

Нужно отметить, что мы с Александрой Владиславовной были людьми непьющими и беседы были всегда трезвыми. Тосты, конечно, произносились и бокалы поднимались, но вино принималось ограничено. В отличие от многих домашних вечеринок эти застолья похожи были скорее на своеобразные производственные совещания или творческие дискуссии. Любителям «излияния» эти «сухие» «бдения», как они говорили, не нравились, а квартиру артистки они иронически называли «салоном мадам Славиной», пытаясь этим как-то опорочить эти вечера.

Кстати, в этих беседах часто высказывались полезные мысли, которые потом принимались в практике работы театра, но это никогда не преследовало каких-то корыстных целей присутствовавших.

Большое внимание артистка всегда оказывала вновь прибывающим актёрам. Она говорила, что встречать новых людей нужно горячим сердцем. Первые впечатления создают настроение на

дальнейшую работу, и она была права. Бытовая неустроенность работников театра, трудные производственные условия обычно пугали вновь прибывших артистов.

Артистка Валерская вспоминала: «Ещё когда мы с мужем Двиняниным ехали на пароходе, нас расстроили, говоря, что квартир в театре нет. “И не верьте, — говорили, — если вам скажут, что они скоро будут, а если и будут, то это не квартиры, а «курятники», что бытовые условия очень тяжёлые”. Сведения о здании театра и об условиях работы нас так же не радовали.

Пароход подошёл к Петропавловску в дождливый и, несмотря на лето, холодный день. Сойдя с парохода, мы через несколько шагов по пирсу влезли в грязь. Затем в суতোлке погрузили имущество на грузовик, и сами расселись сверху на вещах. Дорога была вся в выбоинах, мы подсакивали на чемоданах, едва удерживаясь в кузове. Иногда в громадных лужах машина буксовала, надрывно фыркая мотором и обволакивая нас клубами угарного газа. Это особенно обостряло наше и без того неважное впечатление от приезда.

Квартир, конечно, не оказалось. На улице Красинцев нас привели в большую чужую неуютную комнату без всякой мебели и сказали, что здесь придётся нам пожить несколько дней.

Расставив по углам чемоданы и рассевшись на них, не раздеваясь, мы долго сидели в обалдении, обдумывая, как бы скорее уехать с Камчатки обратно. Из упадочного настроения нас вывела Александра Владиславовна, пригласив к себе. Её уютная комната, вкусный обед, увлечённость Камчаткой, театром и творческим коллективом, интересный рассказ о трудном, но успешном росте театра, о гордости за свой нелегкий труд воодушевили нас с мужем. Нам уже не такими страшными казались условия работы и быта. Кто знает? Не будь этой встречи со Славиной, мы бы с мужем, вероятно, не задержались на Камчатке, но её оптимизм воодушевил нас на работу здесь».

И не только работники театра находили внимание в квартире Александры Владиславовны. У неё, как у доброго и отзывчивого человека, часто находили уют и гостеприимство, а иногда и питание люди, случайно попавшие в трудное положение. Обычным явлением было то, что за столом у неё всегда можно было видеть гостя. Нередко неделями и месяцами жили у неё или моряк, спившийся на берег, или транзитный пассажир с побережья, ждущий неделями парохода на материк, или знакомые по выездам театра, приехавшие из области в больницу, или гастролеры-арти-

сты, которым из-за отсутствия гостиницы негде остановиться, или находила у нее приют жена, убежавшая от разбушевавшегося пьяного мужа.

Она иногда на длительное время принимала у себя родственников репрессированных лиц во времена «культы личности», насколько возможно, утешала их и вселяла веру в торжество справедливости. Делалось это, как она потом вспоминала, и не без страха за себя. Противоречия в то время терзали сознание и чувства: нельзя было допустить, что её знакомые, которых, казалось ей, она хорошо знала, могли оказаться врагами народа, и трудно было не верить властям. «Бывают, — думала она, — ошибки, но почему их так много?» Иногда ночью вдруг у дома останавливался автомобиль, и страх пронизывал всё существо. «А, может быть, это за мной приехали?» — думала она.

Нужно сказать, что Александрой Владиславовной иногда овладевал страх производственного порядка. Не говоря о том, что она боялась за свои возможности справиться с новой ролью, она в некоторых случаях панически боялась микрофона. Да! Да! Да! — Микрофона!

Были случаи, когда театр сокращал количество отъезжающих на гастроли артистов, передавал на летние месяцы некоторых творческих работников для работы в студии радиокомитета. Артистка часто выступала в художественном вещании. Её речь отлично ложилась на микрофон и была выразительна. Она могла хорошо читать текст даже с листа, хотя всегда готовилась к этому. Но вот однажды, передавая в качестве диктора, политическое обозрение, она, не заметив сама, сделала оговорку, исказившую смысл статьи. После передачи ей заметили об ошибке. На следующий день, она, боясь новой оговорки, более внимательно вчитывалась в текст так же ответственного содержания, и с некоторым страхом включила микрофон. Благополучно начав чтение, успокоилась и вдруг в конце статьи опять нелепая оговорка, которую уже сама заметила. Поправилась и, — о ужас! Невпопад!

Вновь поправляется, и опять — чушь! Дочитывала она статью в ускоренном темпе, как будто за ней гнался кто-то. Перед концом снова оговорилась, но уже не поправлялась, а, сделав короткую паузу, шумно вздохнула в микрофон и скороговоркой дочитала текст. Выключив микрофон, она обильно окропила слезами листы бумаги. На этот раз её, побледневшую и растерявшуюся, уже не журили, а успокаивали. После её слёзной просьбы ей уже не поручали читать материалов политического содержания, и она

спокойно и выразительно вела литературно-художественные передачи. После длительного перерыва ей вновь доверили, а вернее, уговорили прочесть небольшую статейку. После щелчка включателя ухо слушателей из репродукторов уловило стук зубов, затем дрожащий голос диктора, робко читающего текст, и потом снова оговорки. Больше Александра Владиславовна никогда не была диктором и принимала участие только в литературно-художественных передачах.

Нужно отметить, что за всю свою многолетнюю трудовую жизнь Александра Владиславовна только один раз имела взыскание за нарушение трудовой дисциплины. Однажды она пришла в театр за сорок минут до начала спектакля вместо установленных сорока пяти. Её подвели часы. Помощник режиссера даже стеснялся подавать об этом докладную записку директору, но артистка сама попросила дирекцию объявить ей взыскание. Она справедливо считала, что это «наказание» явится лучшим примером укрепления дисциплины, которая в то время была в театре не на высоте.

Не всегда, где работала Александра Владиславовна, царила в театральных коллективах дружба и высокая творческая и моральная атмосфера. Случались и сплетни, и зависть, и склоки, и ошибки руководства в формировании составов и в распределении ролей не по деловым соображениям. В общем, жрецам искусства также свойственны человеческие пороки и ошибки.

Иногда зрители, незнакомые с театральной кухней, говорили Александре Владиславовне: «Как Вы умеете удачно выбирать себе роли!» Но они не знали, что роли распределяются, а не выбирают. Им не известно, что она по-своему характеру очень скромный и застенчивый человек. Она никогда не предъявляла претензий на нравившиеся ей роли. Ей иногда приходилось испытывать на себе явную несправедливость при распределении ролей и, не высказывая неудовлетворенности, по ночам лить слезы. Были также случаи, когда вновь приглашённые режиссёры поручали её любимую, ранее не без успеха игранную роль Кручининой из «Без вины виноватые» вновь приглашённым артисткам, хотя позже эта роль вновь переходила к ней.

Кстати сказать, в этой роли более ярко сказывалась её способность перевоплощения. Зрители воспринимали со сцены подлинную жизнь, они были, подчас буквально, потрясены правдой действия и глубиной чувств. Казалось, что слёзы страдающей матери переливаются через рампу и вызывают ответный поток слёз из зрительного зала.

Вот ещё случай: была прочитана на коллективе и принята к постановке пьеса «Мой сын». При распределении ролей высказывались мнения, что роль Марии Эстерак должна играть Александра Владиславовна, но режиссёр не «увидел» в этой роли Славину. Даже не назначил её и вторым исполнителем, хотя знал, что она мечтала об этой роли. Первой исполнительницей матери и, надо признаться, отличной исполнительницей, была артистка С. Н. Минаева. Казалось, после её отъезда с Камчатки не найти достойную замену. Но все же на роль Марии была введена Александра Владиславовна, и драматический образ матери зазвучал с новой возросшей силой эмоционального воздействия.

Эти два примера и некоторые другие дали в своём завершении моральное удовлетворение артистке, но были подобные случаи, которые так и заканчивались только ночными слезами, а играть приходилось неинтересные роли. Хотя слово «интересная роль» — это не её определение. Опять вспоминаются слова зрителей: «Вы, Александра Владиславовна, даже из небольших ролей можете выбирать очень интересные».

Эти слова говорят о серьёзном отношении артистки ко всяким ролям, независимо от их размеров, и всегда они были ярки, правдивы и убедительны. Зрители всегда были рады в любой роли и в каждом спектакле видеть артистку Славину.

Последние годы

В последние годы у Александры Владиславовны особенно резко обострились противоречия между стремлением к творческому труду и физическим состоянием. Предельная внимательность к ней товарищей, руководства театра, городских и областных организаций, зрителей, которые постоянно при встречах подчеркивали ей свою признательность, и, наконец, получение звания заслуженной артистки РСФСР вызывали у неё, с одной стороны, ощущение неловкости и стыда, так как считала незаслуженным такое уважение и, с другой стороны, у неё появлялась непреодолимая жажда к работе, чтобы отблагодарить общественность за такое внимание и награду.

5 декабря 1951 г. у неё неожиданно открылось лёгочное кровотечение, и она на месяц слегла в постель. Приступ болезни, кроме физической боли в области аорты, принёс ей глубокие душевные страдания — она боялась, что потеряет возможность работать. Её глубоко волновало, что театр вынужден терять репетиционное

время, чтобы заменить её в спектаклях и чтобы страховать её дублёрами в новых постановках.

Врачи, зная её волнения, рекомендовали ей оставить работу, думая, что это снимет с неё сознание ответственности и принесёт покой. Это предложение врачей стала энергично поддерживать дирекция театра, может быть, заботясь при этом не только о здоровье больной, но и об экономии фонда зарплаты (к сожалению, жёсткие финансовые планы подчас у руководителей организаций оказывали немалое отрицательное влияние на моральные вопросы).

Кстати, психологическую подготовку к оставлению работы я и сам вёл уже несколько лет, и только 11 февраля 1952 г. она решилась на этот шаг. Дирекция, отдав приказ об увольнении, обещала по выздоровлении постоянно включать её на «разовую» работу.

Несмотря на советы и обещания и своё решение, она всё же восприняла уход из театра очень тяжело — как начало физической смерти. К этому времени относятся её записки ко мне. Об этих записках она предупредила меня, но просила не читать их раньше времени. К этим запискам она позже возвращалась несколько раз и кое-что меняла.

Оставление работы не принесло ожидаемого улучшения здоровья. Напротив, её самочувствие ухудшалось, и как видно из записок, она очень страдала, осознавая свою бесполезность.

Физически она, как будто, укреплялась, но во второй половине марта, идя мимо горсовета, почувствовала головокружение. Теряя сознание, она схватилась за забор, а прохожие не дали ей упасть на землю. Подхватив под руки, они внесли её в вестибюль горсовета. Кажется, не было человека в Петропавловске, не знавшего Славицу. Прежде чем пришла «скорая помощь», около неё уже сидел оказавшийся поблизости врач, и не успела карета «скорой помощи» пробиться через снега, как прибежавшие из педучилища студенты перенесли её на руках в квартиру.

Этот случай она вновь восприняла как напоминание близкого конца, но её волновала не столько смерть, сколько бесполезность и бесцельность. Привыкшая всю жизнь работать, она, чуть-чуть почувствовав облегчение, находила себе занятия. Можно было наблюдать, как она прикованная недугом к постели шила какой-нибудь чепчик или распашонку для чьего-то ребёнка, или вышивала салфеточку, а, поднявшись на ноги, уходила в театр помогать костюмерной.

На лето театр выезжал в гастроль на Курилы. Александра Владиславовна, сопровождаемая Машей Джановой, пришла в театр

проводить товарищей. Как всегда, она была строго и со вкусом одета и своим приветливым, немного возбуждённым красивым лицом произвела на всех очень приятное впечатление. Всех радовала её бодрость. Озаряя ласковой улыбкой друзей, она с трогательной материнской мягкостью напутствовала отъезжающих.

Приветственным жестом руки она проводила отходящую машину, но прежде чем отъезжающие растаяли вдали, слезы градом брызнули из её глаз, и всё окружающее стало тонуть в потухающем сознании. Маша, быстро подхватив её, не дала упасть. Сознание быстро вернулось, Маша с товарищами увела её домой и уложила в постель, но через несколько дней она вновь стала работать в костюмерной, ходить на лекции и в кино, а иногда даже до поздней ночи поигрывала в преферанс. Врачи журили её за это и рекомендовали больше лежать, но ей казалось, что в постели она ещё больше ослабевает и сильнее тоскует, хотя, кажется, и тосковать-то ей было некогда. Около неё постоянно были и дочь Нина, и бывший директор театра Кира Михайлова, и, постоянно вне службы, Маша.

10 июля вечером, после лекции, Маша вновь её, потерявшую по дороге сознание, вместе с прохожими принесла домой. На этот раз Александра Владиславовна точно выполняла категорическое назначение «скорой помощи»: не подниматься с постели, и большую часть времени проводила с книгой.

В ночь на 22 июля больная долго читала. Маша в четыре часа утра, проснувшись, услышала, что Александра Владиславовна захлопнула книгу, положила на тумбочку пенсне и задула керосиновую лампу. Ещё через несколько минут какой-то непонятный страх вновь разбудил Машу. Бросившись к постели, она услышала хрипы, вырывающиеся из груди больной. Сейчас же была разбужена соседка — врач А. А. Жаворонок.

Кровоизлияние в мозг.

Прежде, чем пришла «скорая помощь», ей была сделана инъекция камфары, а вскоре у её постели были другие лучшие врачи области.

Ввиду нетранспортабельности больной надлежащий уход и медицинская помощь оказывались ей на дому. По каким-то причинам домработницы в это время не было.

Сберкасса для ухода за больной предоставила Маше отпуск, а театр в помощь ей прикрепил гардеробщицу Раю. Они неотлучно дежурили у постели. Рядом постоянно присутствовали Нина и Кира Михайловна. Дочь частенько ночевала. По несколько раз

в день заходили врачи, а каждые три часа выполняла назначения врачей патронажная сестра Галя Басманова.

Шесть суток жизнь боролась со смертью и только на седьмой день больная пришла в сознание, хотя опасность не миновала. Правая сторона была парализована, рука и нога не реагировали даже на уколы иглой. Речь почти совершенно расстроена. До первого числа больная пищи не принимала, жила только на вливаниях глюкозы.

Отозванный из гастролей первого августа, приехал я и, получив отпуск два месяца, почти неотлучно провёл у постели больной. Только через два месяца Александра Владиславовна могла с помощью сестры за стол к обеду, но держать вилку или ложку пока ещё долго не могла. Её кормили.

В середине октября она попыталась выйти на улицу, но воздух опьянил её, и она на момент потеряла сознание, но это её не огорчило. К концу ноября открылись сильные боли в правой руке, кисть сильно распухла. Боли беспокоили её до середины октября.

Если в сентябре и октябре по мере улучшения самочувствия у неё увеличивалась жажда жизни и вера в восстановление здоровья, то теперь вновь наступило разочарование. Она ослабевала, перестала подниматься с постели. Физические боли делали жизнь тягостной. Она хотела, чтобы скорее наступил конец и, как можно было догадаться, даже подумывала о добровольном уходе из жизни. Но в таких случаях она вспоминала образы Николая Островского и Маресьева. Мрачные мысли оставляли её, и она терпеливо выносила страдания, принимая пантопон в минуты невыносимых болей. Ожидая естественного конца, она мечтала о том, чтобы смерть наступила без болей, во сне.

Но как только немного восстанавливались силы, вновь просыпалась жажда жизни, вновь рождалось стремление к труду, вновь появлялись заботы, и жизнь снова приобретала интерес и смысл.

К Новому году она уже овладела вилкой и ложкой и даже пыталась браться за вышивание, но из этого пока ничего не получалось. В январе начала выходить на улицу. В первые дни проходила несколько шагов и с каждым днём увеличивала дистанцию, а 21 января самостоятельно пришла в театр. Успех после стольких разочарований вновь окрылил её. По совету врачей она упорно, по несколько раз в день, часами делала гимнастику. До усталости, до болей она тренировала парализованные речевой аппарат, руку и ногу. Она делала это с какой-то одержимостью, преодолевая боли.

Одна из её соседок, как-то сказала:

— Александра Владиславовна, вы говорили, чтобы скорей пришёл конец. Так зачем же вы изнуряете себя гимнастикой? Значит, вам всё-таки жить-то хочется!

— Нет! — ответила больная! — Мне хочется работать! Мне кажется, я мало в жизни сделала и могу сделать больше, а чтобы работать и быть полезной, надо жить.

С этого времени она уже не пропускала ни одной премьеры. В театре для нее ставился специальный раскладной кресл, этот же кресл раскидывался ей на обратном пути, на улице, если она уставала, или на нём её торжественно, как на паланкине, приносили домой. Жизненные силы брали верх, болезнь отступала. Александра Владиславовна дома занималась небольшими хозяйственными делами, помогая домработнице Тоне. Иногда выходила в большие для неё прогулки по городу. Часто ходила в театр. В таких походах её обычно сопровождала Маша Джанова. В театре она помогала костюмерной, присутствовала на репетициях, беседовала с актерами и режиссерами.

Наконец, в намеченной к постановке в Октябрьские дни пьесы Я. Гоана «Любовь на рассвете» ей поручили интересную роль бабки Алены. Но... к началу репетиций она вновь слегла и выздоровела только к премьере. Даже радость выздоровления не смягчила у неё обиды от упущенной возможности играть в спектакле. Дальше, как нарочно, она физически чувствовала себя всё лучше и лучше.

15 января на премьеру в театр она пришла даже через небольшую пургу и также благополучно вернулась домой. В такую погоду она с трудом ходила даже до кровоизлияния. Этот случай влил в неё новые моральные и физические силы, а главное, она вновь уверовала в возможность своей работы.

Днем 7 марта Александра Владиславовна с горечью говорила:

— Обычно в этот день меня на городском торжественном собрании в честь женского дня избирали в президиум. А вот уже два года я не работаю, и меня, вероятно, забыли.

— Я теперь живой мертвец, — жаловалась она. — Как тяжело, дорогие мои, чувствовать себя бесполезной, ненужной. Как нестерпимо трудно пережить свои физические силы! Я окружена вниманием и заботой. Мои родные и близкие делают всё, чтобы облегчить мои последние дни. Многие завидуют мне, что я счастлива в своей старости, и я действительно счастлива, но я недовольна тем, что своим бесполезным существованием причиняю столько забот своим близким.

Вечером она всё же попросила Машу проводить её в театр на общегородское торжественное заседание. Нарушая правила, в зрительный зал Александру Владиславовну провели и усадили в кресло в последнюю минуту, когда президиум был на месте, и было представлено слово для доклада. И только докладчик подошёл к трибуне, как с балкона кто-то из военных моряков крикнул:

— Есть предложение ввести в состав президиума пришедшую в зал заслуженную артистку республики товарища Славину Александру Владиславовну!

Последние слова потонули во взрыве аплодисментов. Работник горкома партии товарищ Шишкин помог артистке подняться с кресла и подвел её к сцене. Заместитель облисполкома товарищ Ягодинец помог ей подняться по ступенькам на сцену. Члены президиума усадили за стол. Под гул овации кто-то помогал ей вытирать слезы, кто-то ласково обнимал её и, поглаживая руку, одновременно проверял пульс. Кто-то достал из её сумочки таблетку нитроглицерина и предложил положить её под язык.

В первые минуты Александра Владиславовна оторопела: не понимала происходящего и с каким-то безмолвным удивлением подчинялась действиям окружающих. Только сидя за столом, она осознала ту громадную теплоту и внимание, которые оказаны ей собравшимися здесь лучшими людьми города. Тут обильные слезы радости бриллиантовым ожерельем покатались по её щекам, а в зале с новой силой прогремел взрыв аплодисментов.

Домой она пришла взволнованной. Овация была воспринята, главным образом, как оценка работы всего театра, а не только её трудовой жизни, но успех театра она все же считала и своим успехом.

— Я думаю, — говорила она дома, — зрители не понимают, что без товарищей, без коллектива я ничего бы не могла сделать, они за что-то относятся ко мне пристрастно. Вероятно, правда, что я счастливая. Иначе я не могу понять, почему же за успехи всего театра выбрали именно меня для присуждения почётного звания заслуженной артистки? У нас много лучших артистов.

По своей скромности она обычно стыдилась слушать похвалы в свой адрес, и если отвечала на них, то как бы извиняясь, оправдываясь в чём-то. И в то же время от того, что зрители через неё продемонстрировали сегодня своё отношение к театру, она получила громадное моральное наслаждение. На душе было радостно и празднично.

14 марта Александра Владиславовна не захотела, чтобы ей на дом присылали урну для голосования при выборах в Верховный

Совет, и своим ходом явилась на избирательный участок. Через несколько дней она посетила поликлинику и обошла многих врачей, которые были удивлены хорошим состоянием её здоровья. Они особенно довольны были тем, что эпизод в театре 7 марта, сильно взбудораживший всех присутствующих, не только не ухудшил её состояния, а, напротив, улучшил. Врачи даже порекомендовали ей пока прекратить приём всяких медикаментов. Этот факт ещё более взбодрил её.

В последние недели она много гуляла, заказала себе у портнихи новое платье. Всё больше и больше загружала себя работой, почти не ощущая усталости и недомогания. Укреплялась вера в возможность работы.

Вечером 23 марта к Александре Владиславовне заходили многие товарищи. Беседа затянулась допоздна. Маша осталась ночевать у нас. По своей инспекторской работе в сберкассе она хорошо знала окраины города и рассказывала, как они расстраиваются. Александре Владиславовне вдруг захотелось хорошенько посмотреть Петропавловск, и было решено: теперь, пока дороги ещё не раскисли и находятся в приличном состоянии, в ближайший выходной Маша возьмет такси и в порядке экскурсии поколесит с ней по городу и району.

С этим планом, радостно взволновавшем её, она легла спать. Спала спокойно, но в семь часов утра 24 марта проснулась от сильной боли в области аорты. Нитроглицерин не помогал. Через час был принят пантопон, но и он не снимал болей. Второй порошок через некоторое время тоже не оказал помощи.

Маша убежала в «скорую помощь», но дежурный врач оказался на вызове, и Александра Владиславовна терпеливо ждала его. Страх смерти длительные приступы боли у неё не вызывали, они часто случались, но сами боли были очень мучительны, хотя она переносила их молча, без стонов. Несколько раз мы с Тоней приподнимали её. Сидя, боли как будто становились терпимее, но она быстро уставала и опять ложилась.

В девять часов пятнадцать минут Маша привела из «скорой помощи» врача. Он сейчас же сделал инъекцию трёх кубиков пантопона и одного кубика атропина. Боли стали утихать. Больная дала возможность врачу внимательно осмотреть и прослушать себя. Затем была сделана инъекция камфары и кофеина, а к десяти часам боли совсем утихли, и стала наступать дремота.

Маша, издали попрощавшись, собралась идти на работу, но Александра Владиславовна подозвала её к себе и спокойно сказала:

«Может быть, мы больше не увидимся, дай я тебя поцелую, — а после поцелуя добавила: — помоги в беде Косте! Прощай!»

Врач товарищ Львова, уходя, сказала:

— Положение очень серьёзное, весь арсенал, имеющийся у медицины, использован, ставьте грелки к рукам и ногам, известите лечащего врача, и если будут назначения — вызывайте скорую.

Больной предложили покушать, но она отказалась, сказав, что сначала поспит, но всё же выпила две двадцатиграммовых ампулы глюкозы.

Пока она засыпала, я перед уходом на работу пил чай у её постели, а она слабым голосом говорила мне:

— Боюсь, что со мной случится такой приступ, когда ты будешь на гастролях. Без тебя мне страшно, а с тобой легче, и я ничего не боюсь. Ну, иди теперь спокойно, если что нужно будет, я пришлю Тоню. Мне сейчас хорошо, не волнуйся, а если будет время — прибеги с репетиции проведать. Тебе будет легче. Спасибо родной! Я, вероятно, замучила тебя? Прости! Дай, я тебя поцелую!

Ноги и руки у неё потеплели, щёки порозовели, дыхание было ровное. Губы сложились в улыбку, потом еле слышно ещё раз медленно прошептали: «Спасибо, прости!» И она зевнула, не дождав-шись моего ухода.

В середине дня я приходил проведать её. Она спала, но, услышав щелчок дверного затвора, при моём уходе проснулась.

— Кто приходил? — спросила она.

— Константин Дмитриевич, — ответила Тоня.

— Зачем?

— Проведать и сказать, что врач придёт в три часа.

— Пусть не беспокоится, мне хорошо.

Затем больная попросила помочь ей повернуться в постели. Тоня подложила поудобней грелки, и она заснула. Через некоторое время она попросила приготовить ей на обед пару яиц.

— Сейчас? — спросила Тоня.

— Нет! Я буду обедать вместе с Вами. Ещё через несколько минут она о чём-то заговорила вновь. Тоня не поняла и спросила, о чём она говорит?

— Я попала во сне в какую-то яму и никак не могу очистить её от мусора, — ответила Александра Владиславовна, — но ты делай своё дело, не обращай на меня внимания.

Тоня отошла, но услышала вновь неразборчивые слова.

— Вам что-нибудь нужно? — вновь спросила Тоня, подойдя.

— Нет, ничего не нужно, — последовал ответ. — Мне сейчас очень хорошо, а что я говорю, ты не обращай внимания — это я отвечаю своим мыслям и тут же забываю. Задерни шторы, и я скорей засну.

Закрыв световой занавес, Тоня села с книгой у её ног. Временами больная во сне спокойно говорила невнятные слова и изредка шевелила руками или ногами, а примерно в час пятьдесят минут Тоня ощутила странную пугающую тишину.

Присмотревшись, она не уловила ни малейшего движения больной и не слышала её дыхания. Вызванная соседка — медсестра Зоя Федоровна — стала слушать её.

Тут вошёл я... но уже не застал Славушку живой...

Не верилось смерти. Руки, губы были ещё теплыми, но дыхание прекратилось! Пульса нет! Случилась страшная неизбежность — скончался дорогой друг! Тихо, без страха перед смертью, с улыбкой на устах, спокойно и навсегда заснула дорогая Славушка.

Утром 26 марта робкий луч солнца, пробившись через туман в окно, прорезал зелень ветвей роз, стоящих у изголовья покойницы, и яркими пятнами заиграл в причудливых узорах красного мягкого плюша, которым был обит гроб. Под действием прохлады, струящейся из открытой форточки, легко трепетали лепестками белая роза, склонённая над усопшей.

Лицо лежавшей в гробу, утопая в цветах, казалось удивительно спокойным и ещё более красивым, чем обычно, а в губах таилась приветливая улыбка.

В двенадцать часов дня из дома, где жила артистка, гроб с телом дорогой покойницы поплыл на плечах друзей в театр — в её второй дом, которому она отдала все свои долгие годы своей трудовой жизни. При подходе процессии к зданию театра, из его зала понеслись звуки траурной мелодии, отзывавшейся в сердцах то тихой грустью, то неудержимыми рыданиями.

В зрительном зале поставлен на пьедестал гроб с телом покойной. У подножья возложены венки. У изголовья стоят родные и близкие, всматриваясь в дорогие черты. Через каждые две-три минуты сменяются в почётном карауле представители организаций, предприятий, школ и других коллективов трудящихся. В течении двух часов беспрерывно течёт в скорбном молчании широкий людской поток, и эти часы не могли вместить в свои берега всех желающих проститься с покойной. Шли люди самых разных возрастов и профессий.

Вот пожилая женщина с простым лицом и в скромной одежде выделяется из движущегося потока, останавливается у гроба,

смотрит в лицо покойной и после троекратного низкого поклона тихо говорит:

— Ты была среди нас редким гостем. Спасибо тебе за то, что ты своим трудом облагораживала наши души и согревала наши сердца.

Вот очень старая женщина с трудом поднимает на руки ребёнка, склоняется у изголовья гроба и тихо шепчет:

— Всмотрись, внучка, в лицо уснувшей тётки и запомни её. Когда ты подрастёшь, я расскажу тебе, какая она была хорошая, как она жила и работала.

Вот школьник в удивлении остановился, всматриваясь в красивое лицо усопшей, и вдруг по его лицу пробежала тень испуга, а две крупные слезы повисли на его ресницах, как бриллианты, отразив в себе радугу цветов и искры от света люстр и прожекторов.

Вот на момент задерживается женщина в рабочем костюме, внимательно всматривается в лицо умершей и говорит самой себе:

— Какая же ты оказывается простая, а мне ты казалась всегда другой — необыкновенной, какой-то возвышенной, примерной, особой.

— Спасибо тебе за твоё большое искусство, — говорит одна из проходящих. — Спасибо тебе за то, что ты учила нас любить друг друга.

— Она была, — слышалось далее, — на редкость скромным и отзывчивым человеком с большим сердцем и красивой душой.

Некоторые женщины не сдерживают своих эмоций, часто вырываются всхлипывания, и у многих катятся из глаз россыпи искрящихся слёз.

Мужчины в выражении своих чувств более сдержанны, но лица всех покрывала тень глубокой скорби.

Закрыт доступ к гробу, в зале остаются только родные и близкие. Замер стон плачущей меди, и духовой оркестр сменился рыданием скрипки. Вот беспредельной грустью и щемящей болью в груди за безвозвратную потерю льётся из-под смычка траурная мелодия Глюка. Трудно сдерживать рыдания и не омыть слезами лицо дорогой покойницы, прощаясь с ней там, где она жила в труде.

— Спасибо тебе, дорогая, за твою дружбу с простым человеком, — говорит соседка Мария Родионовна, низко кланяясь перед гробом. — Спасибо за твою доброту. Спасибо за всё, прости.

— Прости! Прости! Прости!

Плавнo поднимается гроб на плечах товарищей и плывёт к выходу. Просторные площадки у дома пионеров, у кино-театра, у школы, снежные насыпи у театра, заборы у строительства и далее высокие снежные обочины дороги сплошь заполнены пришедшими проводить в последний путь любимую артистку.

— Я никогда не видел на похоронах в Петропавловске столько народа, — сказал кто-то соседу.

— Чтобы народ с такой любовью провожал человека к могиле, надо быть настоящим человеком, надо жить и работать правильно.

В ожидании выноса тела всюду возникали тихие беседы, и везде их темой была заслуженная артистка республики А. В. Славина. Рассказывались эпизоды её биографии, а главным содержанием были спектакли, в которых она играла. Много было здесь высказано прекрасных оценок её творческого мастерства.

Загремел оркестр. Людской гомон потонул в патетическом звучании похоронной мелодии. Траурная процессия тронулась от здания театра в последний путь. Проплыли над головами траурные знамёна, блеснули на алом бархате медали — свидетельство доблестного труда в годы Великой Отечественной войны с фашистской Германией и с милитаристической Японией.

На чёрных лентах венков читаются золотые надписи: «От коллектива горкома КПСС и горисполкома», «От коллектива редакции газеты “Камчатская правда”», «От управления культуры Камчатского облисполкома», «Товарищу — сослуживцы», «Любимой артистке — коллектив педагогов и студентов», «Дорогой, незабвенной жене и матери», «Друзья — дорогой Славушке».

Пройден последний путь к месту вечного покоя. Один за другим от имени коллективов советских, партийных и общественных организаций выступили с короткими надгробными речами товарищи Клявлиня, Шишкин и Эльманович. Они говорили о том, что ушедший от нас в небытие наш дорогой друг на своём большом жизненном пути целиком отдавал людям пытливість своей мысли, увлечённость в труде, теплоту чувств и жар своего горячего сердца. От имени сослуживцев они клялись так же упорно и честно работать. Природа словно тоже оделась в траур. Свинцовыми облаками затянулись вулканы. Потянул холодком свежий ветерок и закружились пышные снежинки, нежно касаясь лица дорогой покойницы. Сказано последнее прости родными и близкими, и крышка гроба навсегда закрыла от нас дорогой нам образ. Стук молотка острой болью отдавался в сердце. Неудержимым рыданием звенит медь оркестра.

Опущен гроб в могилу. Глухие удары комьев земли о крышку гроба и... могила поглотила в своем объятии дорогого человека, но в сознании большое воображение продолжает беседу с ним.

Спи спокойно друг! Теперь тебя ничто не потревожит. Пусть будет земля тебе пухом! Светлая память о тебе будет жить в нас

вечно! Пусть стоящие перед тобой величественные вулканы постоянно курят вечную славу труду, которому ты честно отдала всю свою жизнь. Если ты ощутишь титанические извержения раскалённых недр Земли и трепет неба, в клочущих огненных всполохах, прими их как фейерверк в честь побед нашего народа, которому ты всегда беззаветно служила.

Пусть дикие циклоны, которые пронесутся над могилой, не нарушат твоего сна и будут колыбельной песней в твоём вечном покое. Ты заслужила этот покой большой трудовой жизнью для народа, а постоянными страданиями ты заслужила искупление вины за свои ошибки. Пусть ветры, дующие со всех океанов и континентов, скорее принесут на твою могилу со всех уголков планеты вести об освобождённом труде всего человечества.

А вот докатились с далеко учебного полигона мощные раскаты артиллерийских залпов, и над головами расходящихся с кладбища людей проревела эскадрилья реактивных самолетов — это сыны народа крепят оборону родину. Прими, дорогая Славушка, этот случайный салют над могилой как воинскую честь, отданную тебе — стойкому солдату мирного труда.

Опустело кладбище. Могильный холмик утонул в густой зелени венков, цветов и траурных лент. Одинокó смотрел с обелиска портрет, обрамлённый цветами. Тоскливо было на душе. Какая-то подавленность, оцепенение и безразличие сковывали существо. И вдруг с запада сквозь мглу облаков и хороводы снежинок прорвался яркий оранжевый луч солнца и лег на могилу. Цветы — символ вечной молодости — вспыхнули яркими красками на венках и в глубине подавленного горем сознания вновь затеплилась воля к жизни, а жизнерадостный портрет на обелиске словно призывал к мужеству, к труду, к борьбе.

Пусть сегодня властвует зима и хмурится природа, но завтра неизбежно взойдёт солнце, согреет Землю, неумолимой поступью придёт весна и призовет природу к возрождению.

Жизнь не умирает!

Пусть велико моё горе, но я не оскорблю памяти дорогого человека безволием и отчаянием. Я не ослаблю в созидательном труде родины своего трудового напряжения. Свой упорный труд я буду считать своим лучшим памятником тебе.

Спи спокойно, родная, твой милый образ и светлая память о тебе навсегда сохранятся в моём сердце.

Рукописная помета в конце текста:
По запискам разных годов собран [в] 1973 г.

ОТ ПЕРВОГО ЛИЦА

В. Е. БЫКАСОВ

ВРЕМЯ, СОБЫТИЯ, ЛЮДИ

Эти заметки можно было начать с уведомления о том, кто где «родился, учился, женился», но никому, кроме разве что отдела кадров, это не нужно. Так что если я и буду время от времени говорить о себе, то всего лишь ради обозначения некоторых особенностей своего мышления. А пока, коль скоро речь зашла о времени, начну с немудрёной сентенции.

Время. Что можно о нём сказать? Разве только повторить избитую истину: время с годами бежит всё быстрее и быстрее. И, как я подозреваю, потому что сидеть без дела не получается. Во всяком случае — у меня. Так что порою поневоле в голову приходит крамольная мысль: а может просто следует перестать думать и делать? Глядишь, время и приостановится.

Конечно же, и эта мысль не нова. Как не ново и рассуждение об ускорении времени. Тем не менее, она подталкивает к выводу о том, что иногда всё же следует приостановиться и оглянуться. Не с тем, разумеется, чтобы задержать бег времени, а для того, чтобы проанализировать прошедшее и дать ему оценку.

Но осуществима ли сама по себе эта попытка? Вернее сказать, а существует ли вообще возможность произвести более или менее адекватную оценку прошлого, коль скоро человеческое бытие характеризуется лавинообразным появлением всё новых и новых вещей, а современная наука обнаруживает всё новые и новые явления и факты в окружающей нас действительности? Можно ли надеяться на успешный анализ прошлого в условиях, когда развитие цивилизации всё более и более подстёгивает ускорение хода времени?

На мой взгляд, вполне. Ибо притом, что на сегодняшний день на Земле уже прожило и проживает ныне не менее семидесяти миллиардов человек, все эти миллиарды жизней укладываются всего лишь в тридцать шесть сюжетов. И, следовательно, каким бы количеством новых вещей человек себя не окружал, какими бы новыми технологиями и знаниями он не овладевал, в основе его существования лежат одни и те же интересы и императивы. Так было до нас. Так есть при нас. И так будет до той поры, пока

человек остаётся биологическим существом. Более того, я думаю, что даже если человек и превратится, в конце концов, в киборга, заложенная в него мыслительная конструкция вряд ли кардинально изменит сущность мышления этих разумных механизмов...

Приостановиться и осмотреться — вот цель, которую преследуют данные заметки. Их вполне можно было бы назвать заметками предвзятого человека. Почему предвзятого? Да потому что многое из того, о чём будет сказано (а это, прежде всего, мои представления о путях развития страны и Камчатки в условиях перехода к рыночным отношениям) в той или иной форме уже публиковалось. Так что избежать предвзятости никак не получится.

Тем не менее, попытка взглянуть на вчерашние представления с позиций сегодняшнего дня, действительно, может представлять некоторый интерес. Интерес тем более оправданный, что, при всей их внешней легковесности, эти представления во многом оказались верными. А раз так, то возникает необходимость разобраться с тем, почему точка зрения неформала на некоторые узловые моменты событий оказалась более близкой к реальному развитию событий, чем позиция противостоящих ему официальных структур.

К тому же обращение к прошлому, даже в тех случаях, когда оно не очень, скажу так, приятно, в том числе и автору, полезно хотя бы тем, что оно помогает в нежеланном прошлом увидеть ростки желаемого будущего. Или, если сказать более определённо, будущее, каким бы оно не оказалось — желаемым или не очень — наступит в любом случае. Однако без анализа нежеланного прошлого желаемого будущего точно не будет.

Ну и, наконец, есть ещё одна причина появления данных заметок. Не успел я оглянуться, а глянь — за плечами уже семь десятков лет. И вроде как наступила пора «собирать камни». Но просто стаскивать их до «кучки» — неинтересно. Ни мне, ни, тем более, другим. А потому я попробую «подобрать» лишь те из моих «камешков», которые когда-то попали в цель, однако преодолеть броню отчуждения так и не смогли.

В отличие от обычного в таких случаях перечисления явных и не очень достижений, я остановлюсь лишь на тех из моих представлений и предположений, которые оказались наиболее близкими к реальному развитию ситуации последних двадцати пяти лет. С тем, чтобы напомнить о прошлом, для того чтобы попробовать разобраться с тем, как и почему у меня возникали «неположенные» мысли. В том смысле «неположенные», что, казалось бы,

и по долгу службы, и по общественному положению, и, наконец, по призванию мне было не до них. Однако вот появлялись они сами по себе. И никуда от этого не деться.

Но раз так, то можно предполагать, что генерация таковых мыслей есть свойство (особенность) моего мышления или результат этого мышления. И потому стоит попробовать разобраться с тем, чем эта особенность обусловлена. А для этого и нужно отступление к прошлому.

Год 1942-й. Мне почти полтора года. Мы — моя мама и я — с несколькими сотнями таких же мам и детей плывём на невзрачном пароходике на Камчатку. Плывём, спасаясь от голода, на летнюю путину. Разумеется, всё это я узнал потом. А в собственной памяти одна картинка: серое море. Низкое, серое небо над головой. Тёмный силуэт корабля напротив нашего парохода. И чувство беспредельной безысходности, исходящее со всех сторон. Буквально звериное чувство, ибо, что я мог знать и понимать в свои полтора года?

Откуда оно возникло? Как мне многим позже рассказала мама, на полпути к Камчатке наш пароход остановил японский военный корабль. Капитан, пока к нам подходила шлюпка с вооружёнными японскими моряками для досмотра, попросил тех немногих мужчин, которые плыли вместе с нами, выбросить в море оружие, если оно у кого-то имелось. И сам выбросил за борт свой пистолет.

Ну а дальше всё как в сюрреалистическом кино. Наведённые, хотя и невидимые глазом, пушки. Медленно движущаяся по глади моря на вёслах шлюпка. И полное осознание беспомощности, ибо все взрослые уже знали, что время от времени японцы спокойно, как на учениях, расстреливали наши гражданские суда. Было такое, было.

Кстати, подобное чувство мне довелось испытать ещё один раз — в 1953 г., когда умер Сталин. Причём во многом была схожа и природная обстановка. Беспредельное снежное пространство. Серое низкое небо. Абсолютная тишь перед очередной пургой. И ощущение вселенской безысходности.

Вы скажете, что, мол, такого всеобщего и необъяснимого чувства не бывает. Бывает. Вспомните совсем недавнее — в Северной Корее умер Ким Чен Ир. И взрослые люди, не стесняясь, плакали навзрыд среди белого дня от этой безысходности. А в Южной Корее и в Японии без явного повода вводится режим чрезвычайного управления. Так что есть, есть такие вещи, которые действуют на человеческую психику через подкорку.

Что же касается лично меня, то, как мне кажется, именно это ощущение полной безысходности, пережитое в столь раннем возрасте, «включило» во мне механизм интуитивной реакции на ситуацию, заложенный в нас на генном уровне, который, не будучи во время подкреплён дополнительным стимулом, постепенно отмирает. Однако мне повезло. Повезло в прямом и переносном смысле.

Дело в том, что три месяца спустя, отработав путину, мама попробовала вернуться в Москву, поскольку фронт от неё отодвинулся далеко, и жителям столицы было разрешено возвращаться домой. Но не получилось. И вот почему.

Начало осени. Снова гладь воды. Снова нависшие над самой водой серые тучи. Снова первозданная тишь, которую не только не нарушали, но даже подчёркивали звуки пластинки, раз за разом заводимой на стареньком патефоне подвыпившими на радостях мужиками. Но что особенно врезалось в память, так это круглые и лоснящиеся головы нерп, внимающих музыке. А дальше — полный провал. Абсолютно полный. Я думаю, потому что шок от дальнейшего действительно был почти запредельный. Но он же мне и помог. Не только выжить, но и, как я теперь это представляю, мыслить интуитивно.

Как вспоминала мама, подвыпившие мужики (из пятнадцати человек в лодке была только одна женщина и один ребёнок) потеряли бдительность, и лодка, шедшая к стоявшему на рейде пароходу, наскочила на корягу и перевернулась. Утонуло восемь человек. Мама, держась одной рукой за злосчастную корягу, другой придерживала меня, чтобы я не свалился с коряги в воду.

Помощь подошла вовремя. Мы не успели замёрзнуть. Но я ничего не помню. То есть был так потрясён, что в памяти от самого происшествия не осталось ни единого штришка. Во всяком случае, всю свою последующую жизнь я никогда и ни при каких обстоятельствах воды не боялся. А обстоятельства, надо сказать, случались нешуточные. Особенно когда доводилось несколько раз вытаскивать пацанов из воды, которые в страхе то душили, обхватив судорожно мою шею, то, буквально, связывали по рукам и ногам.

Ну и, наконец, последнее воспоминание о том, что послужило ещё одним дополнительным стимулом для моего подсознания. После неудачной попытки уехать в Москву мы были вынуждены (утонули заработанные деньги, кое-какие вещички и, главное, почти все документы) остаться на Камчатке. И с осени 1942 до лета 1946 г. я жил в малюсеньком национальном селеньице Корн, в котором на два или три десятка корячат разного возраста

было всего трое русских детишек — я, ещё один пацанёнок и одна девчонка.

Лукавить не стану, имён их я не помню. Но отчётливо помню, что когда нас в очередной раз отмывали, то мы — белобрысики — вдруг становились словно чужими среди маленьких корячат. Впрочем, уже через пару часов мы вновь был такими же чумазенькими, как и наши черноволосые и раскосые друзья. Тем более что и одеты мы были также как и они, а по-корякски говорили ничуть не хуже. Куда только девалось потом это знание практически родного языка? Обидно!

Но продолжу мысль о дополнительной, если хотите, подпитке моего подсознания. Четыре года я жил почти первобытной жизнью. То есть не в гости ходил к моим корякским друзьям — с утра до ночи пребывал с ними. Играл с ними в их игры, слушал их песни и сказки, ел их пищу. Вместе с ними посильно помогал взрослым во время летней рыбалки, расположенной прямо тут же, под утёсом террасы, на краю которой стоял посёлок. Я, действительно, был как они, тем более что и дома вместо матрацев на кроватях лежали олени шкуры, а на дворе, как и у них, жили на привязи ездовые собаки. Так что моя генная, как принято сейчас говорить, память постоянно получала подпитку.

Кстати, о собаках. Я думаю, что на сегодня даже среди коренных коряков мало найдётся таких, кто ещё застал и помнит собачий вой. Не плач, подчеркну, а стон, вопль собачьей души. Напомню.

Зима. Январь или февраль. Время — ближе к десяти-одиннадцати часам ночи. Полная луна и абсолютное, безмерное, безвременное «белое безмолвие» — селеньице стояло на краю террасы, на которой на километры вокруг не было ни деревца, ни сколько-нибудь большого куста. И вдруг — первый собачий голос. Ещё не вой, ещё только проба. Иногда словно несколько виноватая — не рано ли? — по тональности. Но вот раздаётся второй голос. К ним присоединяется третий, четвёртый. И вскоре весь посёлок тонет в разноголосице собачьих голосов. Однако и это ещё не вой. Это всего лишь, выражаясь по-человечьи, спевка, подгонка голосов, улавливание общего настроения и постепенное приближение к апофеозу.

Но вот, наконец, все голоса сливаются в один. Да, при желании, в нём можно услышать и некоторые непопадания в общий тон, и голоса «солистов». Но, тем не менее, это уже одна общая мелодия, лишь иногда подчёркиваемая отдельным сольным воплем. Которая вскоре — на пике — разом становится единым стоном. Стоном зверей, вынужденных служить человеку. Благодарных ему

за это. И одновременно страдающих от того, что они потеряли свободу. И вот когда они в очередной раз поняли, что они потеряли, уйдя к человеку, вся эта песня превращается в один, до мороза по коже, горестный вопль.

Ближе к весне в этой песне появляется менее грустная тональность. А иногда и откровенно весёлое соло отдельных исполнителей. Но это уже не завораживает и не втягивает в себя так, как стон в середине зимы.

Слушать это можно было часами. Но даже выносливым полудиким псам такое напряжение было дано выдерживать не более получаса, а чаще — минут пятнадцать-двадцать. И вот, ближе к концу этого срока, достигнув пика, стон, хотя он и остаётся по силе прежним, как бы надламывается. Вернее, происходит нечто похожее на смену регистра при игре на органе. И мелодия вроде та же, и мощь звука не меняется, а то и возрастает. А звучание и настроение — другие. Так и в стоне собачьих голосов чувствуется уже не вселенская скорбь, а примирение со своей собачьей долей. Затем начинается снижение звука, постепенное «отключение» голосов, отдельные всплески прежнего экстаза и, под занавес, единичные взлаивания ещё не совсем успокоившихся зверей. Наконец снова наступало бесконечное безмолвие.

К чему всё это? Да к тому, что я, внук потомственного дворянина, предки которого сотнями лет жили на обжитой территории Средней Руси, для этой стаи не был чужим. Нет-нет, я даже и не пытался подвывать им. Но вместе с ними приобщался к тому, что стоит вне понимания. Не к Богу, не к «вселенскому разуму», а к беспредельности.

Кстати, очень жаль, что в ту пору не было возможности записать эту «песнь песней». Нет тех собак и уже не будет. Не будет. Ибо сейчас даже самые лучшие в мире ездовые собаки из тех полудиких псов, которые, добросовестно натягивая алыки, исполняли свою часть общей работы, без которой не выжить, превратились в партнёров по спорту. А это совсем не то партнёрство. И это не те собаки. Современные собаки настолько очеловечились, что лично я, например, откровенно радуюсь, что они (пока?) не научились говорить: уж очень много нелицеприятного наслушались бы мы — человеки — в свой адрес.

Так проснулась во мне первобытная интуиция. Понятно, что далеко не полная и тонкая, свойственная нашим первобытным пращурам. И даже не та, которую я в юности отмечал у отдельных коряков при общении с ними на рыбалке или охоте. Однако,

например, на охоте, я мог неожиданно повернуть в сторону от намеченного пути, хотя для этого иногда надо был сойти с лыжни и «ухнуть» вместе с лыжами по колено в свежий снег. Но всякий раз именно там меня ожидала добыча. Даже и сейчас, после десятков лет, прожитых в городе, я нередко самым необъяснимым образом загодя чувствую перемену погоды, хотя внешне вроде бы ничего и в окружающем пространстве и не изменилось, и ничего и нигде у меня не болит.

Ну и последнее. В своё время Лев Толстой говорил (и это многократно было подтверждено психологами), что половину своего *Я* человек получает в возрасте до пяти-шести лет. Эту свою половину я получил в маленьком посёлке, в котором из-за войны почти не осталось русских, полностью жившем по законам природы. Потому что наличие огнестрельного оружия всего лишь в некоторой степени, ну хотя бы из-за крайней скудности боеприпасов, облегчало борьбу за выживание. И в этой борьбе интуитивное, на уровне инстинктов, понимание природы играло решающую роль. Я к этой интуиции прикоснулся. Хотя, несомненно, в последующем многое подрастерял.

Отставляю на время тему интуиции. Поскольку после того, как я попробовал объяснить, в том числе и самому себе, почему именно у меня проявилась способность инстинктивного ощущения сути некоторых происходящих событий (заметьте, я сказал не истины, а сути — и не всех, а только некоторых), всё сказанное просто необходимо подкрепить конкретным примером.

Одним из озарений такого рода лично для меня стала мысль о возможности распада СССР. Но прежде чем перейти к самой этой мысли, проясню предысторию её рождения.

В 1981 г., после очередного сокращения штатов, мне пришлось (ради сохранения очереди на квартиру) уйти работать в котельную Института вулканологии. Славное, надо сказать, было время. Отстояв смену, можно было часами гулять с детьми на улице. Читать книги. И думать. Поскольку, во-первых, зарабатывая на уровне доктора наук, о хлебе насущном я вспоминал лишь тогда, когда надо было сходить за ним в магазин. И поскольку, во-вторых, никакой начальник не стоял у меня над душой и не указывал, о чём в данный момент надо думать. Я просто думал. Так и попал под мой внутренний взор первый камешек из тех, которые мне хотелось бы положить на чашу весов содеянного и упущенного.

Год 1986-й. О чём только тогда не говорили в нашем обществе — о перестройке, строительстве социализма с «человеческим

лицом», экологии и приобщении к общечеловеческим ценностям. Но... почти незамеченной, вернее, практически не обговариваемой, осталась тема возникновения в разных уголках могучей, как тогда казалось, державы, межнациональных конфликтов.

Точнее, власти на эти события отреагировали. Но в том-то и дело — как? Да самым банальным, если не сказать примитивным образом. В одном месте использовали сапёрные лопатки для разгона недовольных. В другом — поменяли первых лиц. В третьем — влили дополнительные финансы. Но никто не задумывался над причинами и возможными последствиями. И вот тому убедительное подтверждение.

«Войну мы знали по рассказам родителей, хрущёвскую оттепель не застали, вошли во взрослую жизнь в самый разгар застоя с уверенностью, что на наш век его, точно, хватит. Ошиблись, и были счастливы этой ошибкой. Понимали, нам повезло больше многих. К началу девяностых каждый из нас уже хлебнул позднесоветской жизни с её фальшью, цинизмом и смертной тоской. Нам было, что не любить и к чему стремиться. В то же время мы были достаточно молоды, чтобы попробовать себя в новой эпохе, успеть совершить в ней собственные ошибки и даже некоторые из них исправить. Во всяком случае, в девяностых нам казалось именно так. То, что произошло в стране в эти годы, было неожиданностью для всех. Не верьте тем, кто говорит сегодня, что предчувствовал перемены. Они упали на нас, как снег на голову какому-нибудь африканцу», — пишут на первых страницах сборника «90-е, страна» его авторы-составители [1].

Умело, надо признать, профессионалы-журналисты, попытались обойти острый угол. Вместо признания собственного и вскормившей их власти промаха в оценке ситуации воспользовались даже не сакраментальным — *«ну кто бы тогда мог подумать, что получится именно так»* — объяснением, а изящным по форме, но убогим по смыслу — национализм и развал СССР упали на страну *«как снег на голову какому-нибудь африканцу»* — пассажем.

Погрешили они против истины. Причём погрешили дважды. Ибо, во-первых, получив в начале перестройки карт-бланш (а точнее — политический заказ) на безудержную критику деятельности «музейного» Политбюро ЦК КПСС, они с прежним пылом советских времён славили «новую политику» партии в лице М. С. Горбачёва и притом славили сознательно и искренне. Ибо, во-вторых, словами *«как снег на голову какому-то африканцу»*

они всего лишь попытались свой грех (соучастие, пусть бы и невольное, в развале страны) разложить на всех нас.

Впрочем, в этом желании оправдаться перед народом и историей они отнюдь не одиноки. Вот и сейчас, в канун двадцатилетия со дня крушения СССР, некий Бурбулис, желая оправдать свою, скажу мягко, политическую слепоту, заявил на всю страну, что крушение СССР было, мол, предрешиено. А те два бывших партийных функционера из трёх, которые в перерывах между расстрелом беззащитных животных Беловежской пущи и банькой с пивом, сочинили меморандум об образовании Союза Независимых Государств, убеждают нас в том, что всего лишь были вынуждены подчиниться обстоятельствам. Слово бы это не они сами эти обстоятельства породили. Я имею полное право так считать и говорить, ибо, надо отдать ему должное, один из этой троицы сумел-таки набраться мужества и извиниться перед страной за содеянное. Так что искренне скажу — мир вашему грешному праху, Борис Николаевич.

Эту точку зрения подкормленных журналистов отчасти понять можно. Действительно, в бывшем СССР подавляющее большинство людей искренне верили тому, что писали в газетах и говорили по телевидению прекраснодушные и не очень журналисты и всякого рода политиканы. Хотя были в стране личности, для которых суть происходящих событий не оказалась неожиданной. Другое дело, что их голоса, в том числе и стараниями приближённых к власти журналистов, услышаны не были. Как, в частности, не был услышан и мой голос. Вот об этом и пойдёт речь далее.

Итак, в стране объявлена перестройка с её всеобщей атмосферой надежды, с презрительной долей эйфории и несомненной гласностью. И как-то «вдруг» обнаружилось, что в СССР, оказывается, существует национализм, а реакция на эти события со стороны государства откровенно желает лучшего. Союзные власти тогда не поняли главного: прежние методы и способы разрешения межнациональных проблем — замена, например, региональной властной верхушки назначенцами из центра (как в Казахстане, где Кунаева поменяли на Колбина) — уже были не в силах остановить ход событий, грозящих развалом страны.

А события эти, действительно, оказались, как тогда говорили, судьбоносными. По всей стране прокатилась мощная волна националистических выступлений (Алма-Ата, Сумгаит, Фергана, прочие), грозящих взорвать политическую ситуацию в СССР и вызвать его распад на ряд самостоятельных государств.

В понимании остроты этой проблемы я и попробовал, было, воспользовавшись призывом властей к сотрудничеству в деле перестройки, помочь им выйти за привычные рамки представлений в сфере решения межнациональных отношений. С этой целью предложил незамедлительно отказаться от национально-территориального принципа членения страны и перейти на территориально-экономическую структуру административного управления с образованием на территории СССР не более сорока-пятидесяти губерний во главе с губернаторами. Причём, специально подчеркну, предложил это действие не как цель (самоцель), а как средство предотвращения распада страны и следующей вслед за ним разрухи.

Более или менее связно изложив эти свои представления, я разослал их в редакции нескольких «демократических», как они себя сами называли, газет, а также в ЦК КПСС и прочие властные структуры СССР и РСФСР. Как и следовало ожидать, в редакциях на них внимания не обратили. Вернее, только из «Литературной газеты» мне пришёл вежливый отказ, содержание которого предельно точно и кратко можно охарактеризовать словами классика: *«Этого не может быть никогда, потому что этого не может быть никогда»*. Хотя сейчас эти правдурбцы (смотри выше) пытаются доказать, что развал страны был абсолютной неожиданностью для всех.

Понятно, что это предостережение, не получив общественной огласки, до сознания людей, принимающих решения, дойти не могло. И не дошло. Как, впрочем, не дошло до них подобное же предупреждение второго секретаря ЦК КПСС Латвии В. Шведа, последовавшее три года спустя. Однако я и до сих пор уверен, что решишь тогда ЦК КПСС и его генеральный секретарь на переустройство управления страной, ситуацию удалось бы удержать под контролем. Ибо руководство республик и регионов в борьбе за реальную власть во вновь создаваемых властных структурах выпустило бы из себя возросший на почве стремления к личной власти дух разрушительства, в итоге приведший к развалу державы. Ну, а если бы, добавлю, М. С. Горбачёв перепоручил эту миссию Б. Н. Ельцину, которому по его характеру было всё равно, что крушить, то этот «политический бульдозер» непременно смёл бы республиканскую элиту на обочину политической сцены.

Но в том-то всё и дело, что бывший тогда ещё в силе М. С. Горбачёв оказался совершенно неспособным воспринимать что-либо идущее снизу. Что, впрочем, и понятно, ибо всю свою политическую

карьеру он сделал, заглядывая в рот вышестоящих: вначале секретаря райкома ВЛКСМ, затем последовательно — секретаря райкома КПСС, обкома КПСС, членов ЦК, генсека. Ну а когда волей обстоятельств сам стал генсеком — премьер-министра Великобритании, президента США и канцлера ФРГ. Подвизаясь таким образом во власть, можно научиться только двум вещам: «пеню с начальствующего голоса» и нежеланию слушать и слышать тех, кто стоит хотя бы на одну служебную ступеньку ниже. Будь даже таковые семи пядей во лбу, вроде А. Д. Сахарова и Е. М. Примакова. Так что ровным счётом нет ничего удивительного в том, что наш последний генсек вместо того, чтобы способствовать процветанию своей страны, начал с подачи западных лидеров рядиться в тогу мирового спасителя. Очень уж ему захотелось с подачи умной М. Тетчер приобщиться к мировой элите.

Правда, он и сам понял, что менять что-то надо, но ведь и это ему внушил Ю. В. Андропов. Да, он попытался что-то сделать, но большего делать даже не захотел. А ведь то же разделение СССР можно было осуществить иначе, и уж точно с меньшими потерями для России. Например, украинцев можно было спросить: хотите самостоятельности? Пожалуйста! Отдавайте назад Донбасс, Крым и Малороссию и будьте самостоятельными! То же самое и с прибалтийскими республиками: мы вам самостоятельность, вы нам Нарву и Вильно с Клайпедой. Да и Казахстану можно бы было заявить: вся поднятая за счёт уничтожения «неперспективных» российских деревень целина, а также разведанные нами на нефть и газ приаральские и прикаспийские территории — наши, а остальное — ваше. Я уж не говорю об уходе из Европы, когда только за объединение ФРГ и ГДР нам готовы были заплатить сто миллиардов долларов — сумасшедшие для нас по тем временам деньги (зарплата генсека составляла всего-то двести долларов в месяц).

Но не дано было человеку мыслить государственно. И в этом наша общая беда, заключающаяся в том, что у нас «наверху» всегда сидели либо руководители, либо диктаторы. То есть люди, которые либо руками водили («хотели как лучше, а получилось как всегда»), либо всех остальных под себя гнули. Подлинных же лидеров, то есть ведущих, а не пинающих, у нас, похоже, так никогда и не будет.

Правда, в 1986 г. кое-какие надежды на то, что во главе страны окажутся настоящие лидеры, появились. Но даже незабвенный А. Д. Сахаров таковым так и не стал. И не только потому, что ему этого не позволили сделать. Но и потому, что он общегуманисти-

ческие ценности поставил выше общенациональных, так и не поняв при этом, что подобные переакцентировки в сознании советских людей надо было осуществлять постепенно. То есть советских граждан, особенно из числа псевдоэлиты, надо было так же постепенно приучать к демократии, как детей приучают мыть руки перед едой. А тут сразу же захотели демократии немедленно и сполна. Забыв при этом, что там, где каждому дано свободы столько, сколько он может вынести, всегда найдутся такие, которые этой свободы захотят иметь больше, чем другие. Так что не мудрено, что мы получили именно то, что получили — демократию охлократии.

То есть, разовью мысль о государственности, беды нашей страны оказались следствием того, что одни, как Сахаров, искренне верили, что только и только общегуманистические императивы помогут стране избежать кризиса. А другие, как Горбачёв, Яковлев и иже с ними, прельщённые возможностью приобщиться к мировой элите, затеяли перестройку по чужому сценарию.

Но продолжу о реакции на моё предложение. Одни (большинство) искренне считали, что этого — распада СССР — просто не может быть. Другие (меньшинство) усмотрели в ней попытку расшатать ситуацию. И лишь некоторые приняли эту точку зрения к сведению. Но и они считали, что двигаться к цели надо постепенно, хотя спасение собственной страны не терпело отлагательств и полумер.

В числе этих некоторых оказался и Совет Министров РСФСР, поручивший исполкому Магаданского областного Совета народных депутатов рассмотреть моё предложение в той его части, которая касалась объединения Магаданской области, Чукотского автономного округа и Пенжинского района Камчатской области в Северо-Восточную губернию с одновременным сокращением числа административных районов в ней как минимум в два раза.

Однако дальше этого дело так и не сдвинулось. Вернее, далее всё протекало по раз и навсегда заведённому обычаю. Магаданский облисполком перепоручил проанализировать эту идею Северо-Восточному комплексному научно-исследовательскому институту Дальневосточного научного центра АН СССР в рамках общесоюзной комплексной программы «Научно-технический прогресс» на 2010 г. Тот, не исключая, начал было эту работу. Но тут началась борьба с алкоголизмом, строительство социализма «с человеческим лицом» и прочие «важные» дела. И всем всё стало «до губернии». Тем более что автора идеи, как и водится, даже из вежливости не пригласили к соучастию в общем деле. Так что я, действительно,

оказался в той самой позиции стороннего наблюдателя, с которой и анализирую цепь событий тех лет.

Впрочем, сама по себе идея о переводе страны на территориальную форму управления всё же не умерла.

«Идея упразднения национальных республик давно овладела умами отдельных политиков. “Пионером” считается В. Жириновский, предлагающий оставить в стране не то пятнадцать, не то тридцать губерний.

Проект укрупнения регионов с восьмидесяти девяти до двадцати восьми был разработан и в Совете по изучению производительных сил (СОПС) при Российской Академии Наук. “Это плод многолетней работы, — не без гордости сказал один из его авторов Алеко Адамеску, — мы предлагаем сохранить национально-культурные особенности территорий. Но в основе деления страны должна лежать экономика”.

Ещё в 1998 г. учёные предложили для начала разбить Россию на семь федеральных округов. Спустя два года это стало реальностью. Не исключено, что Кремль на этом не остановится, взяв на вооружение и другие революционные идеи СОПС», — пишут создатели проекта по региональному членению страны [2].

Не берусь судить, насколько революционны эти самые идеи. Не стану оспаривать и суждение о том, что создание федеральных округов помогло избежать самого худшего варианта — распада России. Однако замечу, что поскольку сегодня федеральные округа свою миссию выполнили сполна, то они превратились в тот самый довесок к структуре власти, который тормозит дальнейшее развитие страны, ибо две «вертикали власти» — это её отсутствие. Что и доказывается массовым неисполнением поручений президента губернаторами, оглядывающимися более на наместника (представителя президента), который рядом, чем на самого президента, который далеко. Так что пора бы оставить за этими самыми округами лишь их чисто военно-стратегические функции — и не более.

Такие вот обстоятельства скрываются за интуитивным восприятием надвигающихся событий. Скажу ещё раз, возвращаясь к мысли о том, что появляющиеся порой у нас невесть откуда непрошенные образы и идеи, — это и есть голос наших далёких предков, который как бы сам собой, помимо нашей воли, включает в нашей голове механизм подсознательного мышления.

Конечно же, чаще всего таковое спонтанное появление некоей, даже не мысли, а её образа, так и остаётся неосознанным и со

временем забывается. Но иногда вырывается в идею, которой не грех и поделиться. Что я попытался, правда, безуспешно, сделать двадцать пять лет тому назад...

Но вернусь ко второму из моих «камешков», не сумевших пробить броню отчуждения. Не дожидаясь реакции на первое предложение, я пару лет спустя попытался, было, предупредить руководство страны ещё об одной опасности — возможности возникновения вооружённых конфликтов на межнациональной основе. И не просто попытался, но и назвал наиболее вероятное место нарождающегося конфликта — Нагорный Карабах.

Если бы с моей стороны дело ограничилось только самим прогнозом, то напоминать об этом нужды не было бы. Ибо наверняка были люди, в том числе и во властных структурах, которые раньше меня пытались предупредить союзное руководство о грозящих событиях. Однако в моём предупреждении главным был не сам по себе прогноз вооружённого конфликта и даже не место его возникновения, а меры по его предотвращению. Их суть заключалась в обоюдном размене территориями между Арменией и Азербайджаном с тем, чтобы Нагорный Карабах был присоединён к Армении, а Нахичеванская АССР — к Азербайджану.

Понятно, конечно же, что предложение это о размене территориями выглядело утопично, хотя бы потому, что в экономическом плане такое обошлось бы очень дорого. Ещё более понятно, что с позиции национальной политики «советского толка» этот вариант решения межнациональных проблем был просто неприемлем. А из-за необходимости для многих тысяч людей раз и навсегда покинуть веками обжитые места и могилы предков это предложение и вовсе выглядело кощунством.

Но... Но альтернативой всему этому была война. И она пришла, унеся с собой тридцать тысяч человеческих жизней [3]. А в придачу к этому — тысячи и тысячи разрушенных домов и уничтоженных могил предков.

Хочу сказать со всей определённостью: если развитие событий вокруг Нагорного Карабаха и не застало властные структуры врасплох, то показало их явную неспособность адекватно осмысливать нестандартную ситуацию. Ибо вместо принятия экстраординарных мер (взаимные уступки, и не только территорий), указом Верховного Совета СССР от 12 января 1989 г. в Нагорно-Карабахском автономном округе был создан заурядный Комитет особого управления этим анклавом. В том смысле заурядный, что, будучи создан лет на пять раньше, он, может быть, и смог в случае

грамотных действий «разрулить» ситуацию. Однако, как признался Е. М. Примаков в своей служебной записке, касающейся проблем, связанных с Нагорным Карабахом, направленной 22 августа 1989 г. М. С. Горбачёву, *«вообще-то мы катастрофически упустили время»* [4].

Но того, что понял Примаков, Горбачёву понять было не дано. И он — «столп демократии» — попытался, было, по старинке решить дело силой, введя в 1990 г. в Баку воинский контингент. Однако, уже действительно было поздно. Хотя только за одну ночь с 19 на 20 января в Баку были убиты сотни людей [3], это лишь разогрело страсти.

Так что нет ничего удивительного в том, что уже в конце января 1990 г. из Баку бежало более тридцати тысяч армян, а вслед за ними вынуждены были покинуть обжитые места армяне других районов Азербайджана. Точно так же почти полностью опустели азербайджанские дома в Шуше (Нагорный Карабах). И точно также азербайджанцев выдворяли со всей территории Армении. Ну а после начала военного конфликта люди покидали приграничные районы с обеих сторон в таком количестве, что только в Азербайджане оказалось около миллиона беженцев на восемь миллионов его жителей. Нагорный же Карабах, наоборот, остался почти без населения. Там в 2000 г. жили всего около шести тысяч армян, тогда как в самое лучшее время его население достигало ста семидесяти тысяч человек, из них 30 % азербайджанцев и 70 % армян.

Таковым оказался конечный результат провокаций одних, политической слепоты других и нежелания прислушиваться к мнению инакомыслящих третьих. Но лично я до сих пор уверен, что если бы власти тогда думали о нуждах людей, а не о своих примитивных политических амбициях, то даже в 1989—1990 гг. у них ещё был шанс убедить азербайджанский и армянский «истеблишмент» (ясно, что в разогреве событий участвовали не только и не столько властные структуры обеих республик, сколько так называемая местная «элита») пойти на трудный компромисс по обмену территорий. С тем, чтобы, «потеряв» Карабах, Азербайджан, взамен приобрёл бы более или менее равноценную территорию, соединяющую его с Нахичеванским анклавом, а Армения, уступив часть своей территории на юге, приобрела бы Нагорный Карабах. Однако псевдоэлита от подлинной элиты тем и отличается, что она свои убогие представления навязывает всем остальным и всеми способами «давит» инакомыслящих.

Что, излишне жёстко? А вы вспомните, что даже война не сумела заставить псевдоэлиты обеих — теперь уже стран — отрешиться от средневековых воззрений и амбиций. Во всяком случае, президент Азербайджана Г. Алиев, хотя и признал, будучи на смертном одре, войну роковой ошибкой, однако однозначно заявил, что Азербайджан никогда не согласится с предоставлением Нагорному Карабаху самостоятельности [3].

Да и современная «элита» Армении в этом смысле ничем от азербайджанской не отличается. И та, и другая по-прежнему обвиняют всех тех, кто призывает к цивилизованному разъезду с разменом «национальных квартир» в кощунстве. А тем самым, по существу, и та, и другая псевдоэлиты по-прежнему способствуют сохранению взрывоопасной ситуации в регионе со всеми отсюда вытекающими последствиями. Как содействовали и содействуют созданию взрывоопасных ситуаций сербские создатели идеологии ненасильственного сопротивления, потуги которых на истину в первой инстанции обернулись бомбёжкой самой Югославии, а позже — Ирака и Ливии. Зато как сладко говорили и говорят эти новые «мыслители» о ценностях свободы и преимуществах демократии...

Но вернусь к нашим пенатам. Как можно видеть, и вторая моя попытка помочь власть имущим разобраться в ситуации завершилась неудачей. Почему так произошло? Не берусь определить всех причин, но в свете своего жизненного опыта одну из них назову. Как мне представляется, одной из ведущих причин провалов регионального и союзного истеблишмента в оценке складывающейся в стране политической и экономической ситуации является то, что на подходе к «перестройке» в околовластных структурах (как, кстати, и в науке) тон стали задавать «отличники». То есть люди, вроде присной памяти Е. Т. Гайдара, наделённые несомненной способностью овладевать стандартными методами решения типовых задач, но явно обделённые умением искать и находить нестандартные выходы из нестандартных ситуаций. Если к этому добавить, что «отличники» от демократии оказались ещё более непримиримыми к инакомыслию, чем «упёртые коммунисты», то удивляться содеянному с СССР, а затем с Югославией, Ираком и Ливией не приходится.

Не приходится удивляться и тому, что «отличники» малым числом свалили такого колосса, как компартию. Они при малом их числе «кучковались» (и по-прежнему «кучкуются») в редакциях журналов и газет, заседают в разного рода экспертных

и научных советах, подвизаются в качестве рецензентов и советников различных властных структур и т. д. Такое же происходит в России и сейчас. Одних только институтов, советов и академий развития развелось столько, что их и не перечислишь, вот толку-то от них практически нет. И попадают «отличники» в эти места именно потому, что, прекрасно овладев соответствующим ремеслом, они без особого труда выдают всякого рода рецензии, рекомендации, советы, наработки, проекты, концепции и тому подобные дежурные документы, как нужные, так и не очень. А зачастую и вовсе ненужные или откровенно вредные.

Когда всё идёт по накатанной колее, такое положение вещей всех устраивает. Но когда условия резко меняются, не говоря уже о возникновении бифуркационных (бифуркация — приобретение нового качества в движениях динамической системы при малом изменении ее параметров. Знание основных бифуркаций облегчает исследование реальных систем, позволяет предсказать характер новых движений, возникающих в момент перехода системы в качественно другое состояние, оценить их устойчивость и область существования. — *Ред.*) процессов, «отличники» от экономики, не умеющие думать над новыми проблемами, а тем более выдвигать, обозначать и решать их, ничем помочь не могут. И это не их вина, а их беда (и беда всего общества), что им не дано мыслить проблемно. Не дано.

Точно это же происходит сейчас и в странах развитого капитализма, где тон экономической политики уже давно определяют не производители материальных ценностей и даже не банкиры классического толка, а разного рода эксперты. Те самые «отличники от экономики», которые, не сумев осуществить ни одного конкретного проекта, поучают всех остальных, как надо правильно вести дела. Во всяком случае, в роли «гуру» современной западной экономической мысли выступают не Билл Гейтс и прочие миллиардеры, сами сделавшие себя, а начитанные клерки всевозможных экспертных бюро, советов и фондов.

На «золотом тельце» капитализма развелось столь много паразитов от экономики, что этот телец исчезался до кризисных конвульсий. А ведь ещё Генри Форд предупреждал, что нельзя отдавать производство под управление финансистов и банкиров, потому что ими движет лишь погоня за прибылью. Однако к этому гению бизнеса не прислушались, и западная экономическая наука, обслуживающая финансистов и банкиров, сначала создала извращённо-изопрёрнный механизм по извлечению прибыли, а затем

и вовсе стала определять экономическую политику. Что в конце и подвело западную цивилизацию к серьёзному кризису.

Это касается не только экономики, но и прочих сфер общественной жизни. И не только нашего времени, но и прошлого. Вспомним, например, февральскую революцию 1917 г., неизвестно зачем и для чего сделанную тогдашними «отличниками» от политики и экономики. Отстранить царя от власти тогдашней «элите», возомнившей себя вершителями судеб своей страны и народа, удалось, и довольно легко. Но что делать с властью, эти самые велеречивые Милюковы, Пуришкевичи, Керенские и прочие явно не знали. И, переругавшись вдрызг между собой, они попросту упустили время, чем и воспользовались большевики, сумевшие использовать всеобщую усталость от разговорной политики в свою пользу. Как успешно воспользовались пустословием М. С. Горбачёва очередные «отличники» от политики, бизнеса и производства, так же без особого труда перехватившие власть в стране и сокрушившие пусть бы и большую, но великую державу.

Точно также, начитавшись, как и их предшественники, «умных» книг о чужих проблемах, новые «отличники» не сумели, да и не могли суметь по определению, придумать ничего собственного во имя блага своей страны. Более того, набравшись информации (забудьте, я сказал не знаний, а информации, ибо информация и знание — это совершенно разные, хотя и связанные категории) про общество потребления, в котором все живут в долг, так и не поняв того, что рано или поздно его придётся отдавать, младореформаторы прописали России шоковую терапию, предусматривавшую всего лишь два исхода: или пациент выживет, или помрёт.

Россия вопреки ожиданиям «интеллектуалов» выстояла. Но вот куда ей надо двигаться, так пока и не определится. С одной стороны, команда В. В. Путина вроде бы пытается возродить величие страны. Но в то же время с прилежностью отличников, назубок выучивши стишок о рынке, она понуждает её конкурировать с развивающимися (сиречь отсталыми) странами в продаже ресурсов вместо того, чтобы состязаться с наиболее развитыми экономиками мира в повышении уровня жизни своего народа. Не в развитии современной технологии, хотя и в этом тоже, а прежде всего в повышении уровня и качества жизни людей. А время уходит. Как уходят вместе с ним и упущенные возможности.

Правда, вместе с ним уходят и наиболее оголтелые «отличники» дикого рынка. И даже есть ещё некоторая надежда на то, что им на смену придут не старательно взращённые ими за последние

двадцать лет полные неучи, а пока ещё способные самостоятельно мыслить грамотные люди. И сумеют поправить положение. Сумел же Е. М. Примаков (естественно, не один) всего за полгода с небольшим приподнять страну после дефолта 1998 г. Вот к ним я и обращаюсь с данными заметками. С тем, чтобы попробовать совместно осмыслить случившееся с нами и страной. Ибо, слушая «старые песни» о капитализме в исполнении вчерашних «отличников от социализма», враз ставшими «отличниками от рынка», приходится заключить, что разного рода апологеты рыночных отношений напрочь заговорили не только то, о чём можно и нужно было говорить, но и то, чего заговаривать ни в коем случае было нельзя.

Перейду к анализу предшествующей трёхвековой несостоявшейся попытки создания на Камчатке эффективного многоотраслевого народнохозяйственного комплекса. Ибо именно отсутствие такого анализа и послужило основной причиной принятия местной элитой в корне в условиях рынка неверной модели хозяйствования.

С 1986 г. я стал участником дискуссий, развёрнутых в местных и региональных газетах по поводу социально-экономического развития Камчатки в условиях намечающегося перехода к рыночным отношениям. Закономерно пришёл к выводу, что концепция так называемого комплексного освоения всех природных ресурсов Камчатки, натужно претворявшаяся в области на протяжении трети века, оказалась недееспособной. Настолько, что дальнейшее следование этой модели в новых политических, экономических и социальных реалиях грозило (о чём я пытался, было, предупредить) Камчатке социально-экономическим крахом.

Чтобы обосновать этот вывод, я, так и не дождавшись ни от областного партийного комитета, ни от областной администрации, ни от региональной экономической науки, ни от хозяйствующих субъектов полагающегося в таких случаях обзора (пусть бы и самого беглого) предшествующей социально-экономической деятельности, попробовал произвести таковой анализ сам. К началу 1990 г., то есть накануне опубликования официальной программы социально-экономического развития Камчатки (концепция-90), такой обзор был мною осуществлён и опубликован в виде серии газетных публикаций [5, 6, 7, 8, 9, 10]. В них был проведён не только посильный анализ тогдашней социально-экономической ситуации в Камчатской области, но и представлен комплекс конкретных мер по выходу из неё.

На основе этого обзорного материала несколько позднее мною была создана собственная «Концепция социально-экономического развития Камчатки в условиях становления рыночных отношений». В силу обстоятельств (в научных изданиях публицистические и проблемные материалы не приветствуются и до сих пор) она тоже была изложена лишь в виде газетных статей. Но суть дела от этого не меняется. И состоит она в том, что хотя дежурные статьи о так называемом «комплексном развитии» Камчатки издавались одна за другой десять последующих лет, социально-экономическая ситуация (не экономика, а ситуация) развивалась по предложенному мной сценарию. Вернее сказать, буквально всё, что предлагалось в ней сделать сознательно и заблаговременно, на деле совершалось вынуждено, под давлением тех условий и обстоятельств, о возникновении которых я и пытался предупредить местный истеблишмент.

Перейду к самой концепции. *Первое и основное её положение:* в условиях перестройки социально-экономических отношений (при переходе от линейного к бифуркационному процессу развития), модель комплексного развития, осуществлявшаяся в области на протяжении тридцати с лишним лет в целях якобы полного самообеспечения региона собственными продуктами питания и товарами повседневного спроса, окажется недееспособной именно в тот момент, когда обеспеченность этим станет вопросом выживания.

Потому что — *второе положение* — переход на рыночные отношения неизбежно приведёт к катастрофическому падению уровня производства тех отраслей, деятельность которых искусственно и старательно поддерживалась за счёт дотаций. Вот отчего — *положение третье* — мною предлагалось незамедлительно, пока ещё есть ресурсы, финансы и, главное, время, приступить к планомерному сокращению до минимума объёма производства всех дотируемых отраслей. *Положение четвёртое* гласило: в качестве наиболее оптимального способа достижения этой — сокращение убыточного производства — цели необходимо произвести организованное переселение непроизводительного контингента в регионы, где содержание одного человека обходится государству в три-четыре раза дешевле, ибо в случае экономического краха самой Камчатке своих безработных не прокормить.

И, наконец, *положение пятое*. Сквозной идеей, проходящей через всю концепцию, было представление о том, что ведущим способом сокращения непроизводительного населения области должно стать упразднение как минимум половины управленческого аппарата

региона, поскольку содержание одиннадцати районных, одной окружной и одной областной партийных, советских, профсоюзных и комсомольских структур было явно непосильным грузом для Камчатки.

Конечно же, внешне эти представления, даже сейчас, после их полного подтверждения жизнью, выглядят несколько наивными, а с чисто профессиональной точки зрения, так ещё и недостаточно обоснованными. Но суть дела как раз в том и заключается, что угадать (пусть будет так — угадать, а не предсказать) реальный ход событий — это одно, а добротню обосновать ту или иную модель — это совершенно иное. Во всяком случае, все профессионально обоснованные (с позиций вчерашнего дня, разумеется) варианты комплексного развития хозяйства области с их подчеркнутым упором на интенсивное освоение недр в условиях надвигающегося развала экономики и самой страны только подталкивали экономику региона к краху. Потому что в них не было самого главного — непредвзятого анализа результатов и следствий всей предшествующей социально-экономической деятельности в регионе. Не было, и всё тут. Так что мне довелось, хотя бы отчасти, заполнить эту лауну в построениях местного истеблишмента.

Дабы не прослыть голословным, приведу этот анализ в том виде, который несколько позднее был обобщён мною в ряде статей [11, 12, 13], предварив его предуведомлением к газетной версии этой концепции [11]:

«Предлагаемая статья — попытка анализа тридцатилетнего периода комплексного развития народного хозяйства Камчатки. Автор её взял на себя неблагоприятную задачу восполнить пробел, допущенный профессионалами-экономистами. Не вступая в противоречие с материалами нынешней, третьей, сессии областного Совета, статья эта существенно дополняет их, обращая внимание на издержки комплексного пути развития области. А именно таковое — комплексное — развитие народного хозяйства Камчатки и предлагается положить в основу этапа становления рыночных отношений. Но, не выяснив до конца — а стоит ли комплексность сама по себе свечей? — уповать на неё было бы, по крайней мере, поспешно».

Начал я свой анализ с утверждения о том, что развитие Камчатки невозможно представить в отрыве от двух известнейших постановлений партии и правительства «О мерах по дальнейшему развитию производительных сил Дальневосточного экономического района и Читинской области» (1959 г.) и «О комплекс-

ном развитии производительных сил Дальневосточного экономического района, Бурятской АССР и Читинской области на период до 2000 г.» (1987 г.). И в том, и в другом документе, разделённом без малого тремя десятками лет, речь идёт о комплексном развитии экономики региона и Камчатской области на длительную перспективу. И там, и там декларировались и затем проводились в жизнь одни и те же приоритеты. И поэтому бы и любопытно, и полезно проследить, к чему же привела реализация этих программ на Камчатке. Любопытно, так как всегда нелишне знать, чего же мы добились? Полезно, ибо можно было бы лучше понять, куда и туда ли ведёт нас путь комплексного развития.

С этой целью обратимся к фактам. Вот что говорится в сборнике «Очерки истории Камчатской областной партийной организации» (1986 г.) о начальном этапе комплексного развития Камчатки: *«Камчатская область в 1959 г. была районом одностороннего экономического развития. Её специализация характеризовалась использованием только рыбных ресурсов омывающих полуостровов морей. Остальные отрасли экономики (строительство, местная и пищевая промышленность и т. п.) развивались в основном для обслуживания рыбаков и обработчиков Камчатки».*

И действительно, в 1950-е гг. до 83—85 % валовой продукции народного хозяйства обеспечивала рыбная промышленность. Среди остальных 15—18 % добрую половину вносили судоремонт и тарное производство. При этом строительная, лесная, пищевая индустрия, равно как сельское хозяйство развивались постольку, поскольку в них нуждались рыбаки и рыбообработчики.

Однако такая «однобокость» вовсе не мешала Камчатке долгие годы быть поставщиком валюты для всей страны. В резолюции первой Камчатской областной конференции ВКП(б), состоявшейся в декабре 1933 г., с законной гордостью говорилось о том, что полуостров является валютным цехом не только Дальнего Востока, но и всего СССР, поскольку из ста пятидесяти миллионов рублей, вырученных за продажу рыбной продукции в первой пятилетке, сто были получены от экспорта.

Так было. Но, как это зачастую бывает, хорошее решили заметить его врагом — лучшим. И во исполнение этой идеи постановлением партии и правительства от 1959 г. было решено придать народному хозяйству области комплексный характер. Настолько высокой была уверенность в правильности принятого решения, что камчатское руководство тех лет открытым текстом декларировало (из речи первого секретаря обкома КПСС М. А. Орлова на

7-й сессии Верховного Совета СССР пятого созыва): «В плане дальнейшего развития экономики Дальнего Востока видное место займёт Камчатка с её большими возможностями увеличения добычи рыбы, наличием необходимых природных и экономических ресурсов для развития многоотраслевого и экономически эффективного хозяйства (подчёркнуто мною. — В. Б.), в котором ведущими отраслями, наряду с рыбной промышленностью, могут стать горнодобывающая, топливно-энергетическая, лесная промышленность, производство строительных материалов, широко развитое сельское хозяйство и звероводство» [14].

Правда, в трезвых публикациях того времени, касающихся геологических проблем Камчатки, постоянно звучало мнение о недостаточной изученности недр области. Тем не менее, прогнозы перспектив развития горнорудной и топливно-энергетической индустрии выдавались самые что ни наесть радужные. А геологи и вовсе заявляли, что Камчатка станет поставщиком нефтепродуктов для всего Дальнего Востока.

Итак, ориентиры намечены, пути движения обозначены. На достижение целей ушло три десятка лет. Необходимо рассмотреть, что же случилось с целями и приоритетами на самом деле. Вот я и начну этот обзор с основы основ — с рыбной отрасли.

Рыбная отрасль. Большие возможности для резкого увеличения уровня добычи рыбы и морепродуктов у области действительно были. Судите сами (тыс. т): 1960 г. — 255, 1970 г. — 750, 1975 г. — 1 017, 1980 г. — 992,5, 1986 г. — 1 376, 1989 г. — 1 400.

Однако какой ценой далось наращивание объёмов? За этот срок практически полностью были уничтожены камбала и треска Явинской и Озерновской банок, пенжинская и жупановская сельдь, а также бристольская камбала. На грань уничтожения была поставлена олиторская и охотоморская сельдь [15]. А из океанических видов рыб уничтожены угольная, гавайская пристипома, антарктическая сквама, нототения и хек.

Тем не менее, темпы вылова продолжали расти, но теперь уже за счёт минтая, который к концу 1980-х гг. обеспечивал до 90 % объёма годового улова [16]. Но уже и состояние запасов минтая также внушало тревогу: в 1992 г. планово предполагалось снизить объём его добычи в Охотском море на 500 тыс. т, и на столько же — в Беринговом море [17].

В результате безудержного наращивания объёмов путём хищнического по своей сути лова резервов рыбы и морепродуктов для дальнейшего наращивания добычи на всём Дальнем Востоке

практически не осталось. Следует говорить о начавшемся снижении лимитов добычи, ибо максимальный объём допустимого улова оценивался всего лишь в 5—5,5, при реально имевшихся уловах в 4—4,5 млн т. Так что далеко не случайно в 1991 г. впервые после 1980 г. плановый объём добычи рыбы на Камчатке был снижен с 1,4 (в 1990 г.) до 1,215 млн т.

В этих условиях единственным способом увеличения доходности рыбной отрасли становилось более глубокое вовлечение в обработку всей выловленной рыбы, благо возможности для этого имелись. По мнению первого заместителя министра рыбного хозяйства СССР Е. Д. Ширяева, высказанному на вышеупомянутой научной конференции, поднятый на борт улов использовался едва ли не на треть.

Не менее значимой задачей развития отрасли должно было стать сохранение природного потенциала гидробионтов, в первую очередь — восстановление и воспроизводство лососёвых. Ибо всего 50—70 тыс. т ежегодно вылавливаемого лосося дают от 45 до 60 % (в денежном выражении) всей товарной продукции отрасли. Что же в таком случае сулят те более чем 500 тыс. т в год природного потенциала лосося, каковым обладают реки и озёра Камчатки [18]? Теоретически: до 2—2,5 млрд долларов в год. Есть, о чём задуматься? Есть.

Сельское хозяйство. В 1960 г., в самом начале интенсивного развития сельского хозяйства на Камчатке, основные фонды этой отрасли составляли всего 25 млн руб. (Кашинцев, 1981). В 1986 г. они оценивались уже в 969 млн руб., при этом в самой отрасли на 136 предприятиях работало свыше 24 тыс. чел. (Голощапов, 1987). Теперь сравним. В 1986 г. производственное объединение «Камчатрыбпром» — очень мощная и технически оснащённая организация — имело основных фондов на 1 077 млн руб. при 34 тыс. рыбаков и обработчиков (Калинин, 1987). Однако, если в том же 1986 г. Камчатрыбпром выдал товарной продукции на 1,3 млрд руб., то почти равная ему по фондовому обеспечению и всего лишь на треть меньшая по численности работающих сельскохозяйственная отрасль таковой продукции выпустила всего на 116,3 млн руб. Да и то появление этой цифры объясняется тем, что в 1986 г. закупочные цены на сельскохозяйственную продукцию в очередной раз были повышены на 30 %, и стоимость её сразу же возросла почти без увеличения объёма с 78,5 млн руб. в 1985 г. до 116,3 млн.

Главное заключалось не столько в этой — более чем пятнадцатикратной — разнице отдачи от основных фондов, сколько в том,

что благая цель — обеспечение населения области собственными продуктами питания — так и не была достигнута. Ибо в том же очень благополучном для сельского хозяйства 1986 г. потребности области в основных продуктах питания удовлетворялись (в %): по молоку — на 33—35, по овощам — на 40—45, по мясу — на 48—50. В будущем, ввиду уже начавшегося спада производства, нам сулили и того меньше [19].

И в самом деле, за первое полугодие 1990 г. реализация свежих камчатских овощей снизилась на 14,9, а картофеля — на 22,65 % против уровня 1989 г. [20]. То же можно сказать про молоко, мясо и яйца. При этом область приступила к плановым закупкам овощей, картофеля и мяса за рубежом. Точнее, не к закупкам, а к обмену на рыбную продукцию. И тем самым опять пришли к тому, от чего пытались уйти — к признанию несостоятельности идеи самообеспечения населения Камчатки основными продуктами сельхозпроизводства. Впрочем, это понятно, поскольку производство 1 кг мяса на полуострове обходилось в 90, а 1 кг капусты — в 5 руб. К уже исчезнувшему партийному кнуту, в 1991 г. исчез и бюрократический (дотации) пряник. Совхозам вовсе стало не с руки, да и не под силу производить сверхубыточную продукцию.

Однако и это ещё далеко не все несуразности сельскохозяйственного производства. При всех немислимых издержках, которые имелись в нём, ему официально планировались, по словам первого секретаря обкома КПСС П. П. Зиновьева, сгнать до 40 % от будущего урожая [21]. На самом же деле отходы картофеля сплошь и рядом достигали 60 % и больше [22].

Но тогда напрашивался естественный вопрос: а зачем и для чего создавалась такая могучая по фондовооружённости и численности занятых в ней отрасль? Неужто только для того, чтобы убедиться и официально признать несостоятельность самого вложения громадных средств и ресурсов в сельское хозяйство? И не просто признать, а приступить к закономерной и, как это у нас водится, планомерной закупке того же картофеля в Китае и даже (близок свет) в бывшей ГДР, отчётливо осознавая, что таковые закупки обойдутся в полтора-два раза дешевле, чем собственное производство [23].

Ну и, наконец, последний, так сказать, «грех» сельскохозяйственной отрасли — уничтожение нерестилиц в ходе проведения мелиоративных работ. С одной стороны, средства, вложенные в мелиорацию, могли окупиться в нашей области за 80—100 и бо-

лее лет — совхоз «Долиновский», например, мог окупиться только через 115 лет [24]. А с другой стороны, идея создания новых пахотных массивов изначально была порочной, ибо цена загубленных при этом лососёвых нерестилищ порой на порядок и более превышала стоимость сельхозпродукции, получаемой на мелиорированных землях. Деятельность совхоза «Рассвет», расположенного в долине р. Большой, приносила ежегодный ущерб от потери лососёвой продукции в размере 20,4 млн руб. [25]. А вот прибыли от него не было, хотя совхоз обошёлся государству в 65 млн руб. Примерно такими же «показателями» характеризовался и совхоз «Начикинский», располагавшийся на берегу богатейшей по потенциальным запасам лосося р. Плотниковой.

А теперь сравним. Весь природный потенциал лососёвых бассейна р. Большой оценивается Камчатским отделением ТИНРО в 30—32 тыс. т горбуши и 3—4 тыс. т кеты, красной, кижуча и чавычи ежегодно. Причём названное количество лосося по ценам внутреннего рынка могло бы давать до 150—180 млн руб. годового дохода. А по международным ценам (3,3 доллара за кг минимально и до 40—50 долларов максимально) это количество лосося принесло бы до 110 млн долларов. Тогда как вся, и, естественно, убыточная, продукция двух названных совхозов оценивалась всего лишь в 10—15, максимум в 20 млн руб. в год.

Мелиорация, распашка земель, вырубка лесов и прочие виды «хозяйственной деятельности» вывели на полуострове из состава действующих такое количество (и по численности, и по занимаемым площадям) лососёвых нерестилищ, которое обеспечивало не менее 50 тыс. т годового вылова этой ценнейшей рыбы. Насколько ценнейшей, можно судить по тому, что названное количество лосося по стоимости произведённой из него товарной продукции без малого в пять раз превосходило стоимость сельскохозяйственной продукции. И в полтора-два раза превышало стоимость всей товарной продукции, произведённой сельскохозяйственной, лесной, строительной, судоремонтной и прочими отраслями совместно.

Так что и с развитием сельского хозяйства, которому прочили огромное будущее (считалось, что перспективных пахотных угодий на Камчатке столь много, что их с излишком хватит для полного обеспечения бурно растущего населения области мясом, молоком, овощами, картофелем и яйцами), задуманного явно не получилось.

Лесная отрасль. Настоящий конфуз, иначе не скажешь, случился с подсчётом лесных ресурсов полуострова. Все радужные

виды на ведущую роль лесной отрасли в народнохозяйственном комплексе области строились на том, что в 1950-е гг. в лесные запасы Камчатки в директивном порядке были включены массивы стланиковых кустарников, которые недалновидными ботаниками были названы «стланиковыми лесами». В том смысле недалновидными, что они не учли образа мысли чиновников, которые бы обязательно использовали этот — «стелющиеся леса» — термин в пользу отраслевых интересов. И использовали, ибо на самом деле площадь истинных лесов полуострова едва достигала 18 % всей его территории, против 42,7, фигурировавших в бумагах [26].

Причём хвойные леса полуострова, на которые пришлась основная промышленная (до 90 % и более объёмов рубки) нагрузка, и вовсе занимали не более 800 (а по некоторым данным — не более 700) тыс. га. Вот уж воистину: подсчитали — прослезились.

Понятно, что этот конфуз не преминул обернуться крахом. В области в среднем ежегодно вырубалось древесины (тыс. куб. м): в 1970 г. — 820, в 1986 г. — 859, в 1988 г. — 1 042, в 1990 г. — 700, а уже в 1991 г. предстояло вырубить всего лишь 400.

Произошло явное истощение лесоресурсной базы. Что, впрочем, и понятно, так как при естественном приросте хвойных пород всего в 0,8 куб. м на гектар, ежегодная вырубка не должна была превышать 400 тыс. куб. м в год. Хотя и эта цифра, скорее всего, была завышена, поскольку ещё в самом начале XX в. лесному хозяйству ввиду малых запасов древесины и её низкому приросту предписывалось (резолуция Петропавловского уездного Совета по лесному хозяйству в Камчатской области, 1920 г.) производить вырубку леса только для внутреннего потребления. Это при том, что население области в ту пору не превышало 22—25 тыс. чел. против 470 в начале 1990-х.

Однако к этому предостережению подлинных специалистов не прислушались. Лесорубы в угоду отраслевым интересам год от года наращивали объёмы вырубки. Настолько, что отрасль стала рентабельной. Например, в 1987 г. она получила 70 млн руб. дохода при 5,3 млн прибыли. Рентабельной, подчеркну, а не прибыльной, поскольку этот результат был получен за счёт государственной дотации, составлявшей 50 коп. на каждый рубль, заработанный самой отраслью. Поэтому не приходится удивляться тому, что уже в 1991 г. вследствие начавшегося экономического спада предполагалось сократить объём вырубки до 400 тыс. куб. м. Правда, затем всё-таки довели план до 720 тыс. Но только потому, что над половиной занятых в отрасли нависла тень безработицы.

Впрочем, о безработице речь пойдёт несколько позже. А пока замечу, что, несмотря на все просчёты, лесному хозяйству до самых последних лет предписывалась одна из ведущих ролей в народно-хозяйственном комплексе Камчатки. Хотя за все тридцать лет хищнического истребления хвойных лесов его доля в общем объёме выпускаемой продукции ни разу не превысила 3—5 %. Так о какой такой ведущей роли могла идти речь? Может, о ведущем месте в зарабатывании валюты? Но и эта цель явно не оправдала вложенных средств, усилий, ресурсов и, тем более, надежд. Ибо всю ту валюту, которую получали от ежегодной реализации 90—120 тыс. куб. м круглого леса (вырубалось 230—270 тыс., так как вследствие низкого качества камчатского леса отходы составляли 50—60 %), можно было получить, ежегодно продавая в ту же Японию всего-навсего 3—4 тыс. т лосося [27].

Кстати, в 1936 г. в р. Камчатке добыли 35 тыс. т лосося, в 1988 г. — 10 тыс., в 1989 г. — 4,5 тыс., а в 1990 г. и того меньше. Это означало, что потерянные запасы лососёвых с лихвой «перекрывали» все «доходы» и от лесной отрасли, и от сельского хозяйства долины этой реки. Причём в немалой степени эти потери произошли именно потому, что слишком много распахали земли, вырубали лесов и понастроили совхозов и лесхозов.

Самое неприятное во всей этой ситуации заключалось в том, что до половины населения, так или иначе связанного с лесным хозяйством, встало перед откровенной безработицей. О чём и признался вслух А. С. Гасюк — генеральный директор «Камчатлеса» [28]. Но при этом вновь в качестве выхода из положения предлагалось восстановление почти прежних объёмов вырубки за счёт, на этот раз, каменной берёзы, в целях, как предполагалось, продажи за рубеж. Для этого уже начали, было, строить завод по производству щепы. В самый последний момент выяснилось, что она никому не нужна. А то ведь в ходе вырубки каменно-берёзовых лесов камчатские реки могли окончательно обмелеть, заилиться и обезрыбиться.

Горнодобывающая отрасль. Похоже, что нечто подобное тому, что произошло в лесной и сельскохозяйственной отраслях ожидало нас и в предполагаемом развитии горнорудной отрасли. Геологи настойчиво уверяли, что если вовлечь в освоение уже разведанные объекты (при условии, подчёркивали они, что доходы от разработки камчатских недр останутся для нужд области, а не уйдут на сторону), то уже через пять-семь лет жители почувствуют весомую отдачу [29]. А в перспективе от горнодобывающей отрасли

вообще можно ожидать до 2 млрд руб. ежегодного дохода. Поскольку, например, одно только Квикумское месторождение медно-никелиевых руд «стоит» более миллиарда долларов по международным ценам [30].

В общем-то, эти цифры верны. И в то же время сама по себе постановка проблемы — если, мол, мы приступим к разработке, то быть нам богатыми — в корне неверна. Во-первых, к разработке мы ещё только приступим (если приступим), а деньги нам нужны уже сегодня. Во-вторых, упование на клады, зарытые в землю, — это всего лишь перепев мотива тридцатилетней давности. Вот как этот мотив прозвучал в уже упомянутой речи М. А. Орлова: *«Камчатка из района крайне узкой специализации может быстро стать многоотраслевым хозяйством, если (заметьте, опять — если. — В. Б.) Министерство геологии и его главки по настоящему возьмутся за подробные геологические работы на территории нашей области».*

Да, министерство и его главки, надо отдать должное, тогда действительно взялись за разведку на территории области. Только в поиски и разведку золота за тридцать пять лет вложили более 300 млн руб., за счёт чего были открыты и разведаны и Агинское, и Аметистовое и прочие золоторудные месторождения и многое другое, чем сейчас так старательно козыряют сторонники создания горнорудной отрасли. Но нефти, как были вынуждены признать сами же геологи, пока нет. Да и с золотом, кроме многолетних разговоров о том, что его ох как много на Камчатке, пока ничего не получается.

Так что за тридцать с лишком лет следования провозглашённому на всю страну лозунгу о горнорудном преуспевании, в области из всех минеральных ресурсов использовались только шлаки Козельского вулкана, щебень Петровского карьера да отчасти добывались и вывозились за рубеж пемза, перлиты и бурый уголь. Правда, четверть века тому назад вдобавок к этому были возведены геотЭС. Но и только. Так о каких таких пяти-семи годах до начала получения доходов нам говорили, задам вопрос, коль скоро одна только разведка Аги длилась уже более двух десятков лет? И вопрос тем более резонный, что всё названное было разведано ещё в прошлом. На Камчатке разведка, разработка и эксплуатация всех, кроме разве что отдельных золоторудных, месторождений, в силу её крайней отдалённости, труднодоступности самих месторождений и, главное, крайней дороговизны рабочей силы обходились государству дороже, чем будет стоить полученное золото [31].

Сама по себе ставка на экспорт минеральных ресурсов порочна изначально. Область для своих нужд закупала на Сахалине уголь по 120 руб. и тут же продавала свой корфский уголь Китаю всего по 50 руб. за тонну. Понятно, конечно, что не от хорошей жизни осуществлялась такая «коммерция» — на наши рубли за границей ничего не купишь. Однако сколько бы золота и всего прочего мы не продавали за рубеж для покупки там тряпок и еды, богаче мы не становились. Во всём мире уже окончательно удостоверились, что продажа сырья только в исключительных случаях (да и то — временно) может приносить высокие и стабильные доходы. Только в исключительных. И Камчатка под этот критерий подпадала лишь одним своим ресурсом — рыбой.

Но даже и после этих очевидных просчётов в сфере экономической отдачи горнорудной отрасли, геологи по-прежнему выдавали желаемое за действительное. Наиболее наглядно это желаемое проявлялось на примере оценки экономической отдачи золотодобычи. Так, в октябре 1989 г. на 5-й региональной научно-практической конференции, посвящённой проблемам развития Камчатки, главный геолог «Камчатгеологии» В. П. Хворостов утверждал, что цена грамма золота на внешнем рынке доходила до 14—15 долларов и при этом имелась отчётливая тенденция к её повышению. А потому, продолжал он, от 15—20 т ежегодно добываемого золота область, в перспективе, может получать 200—250 млн долларов дохода, умолчав при этом, что на самом-то деле доход от добычи полезных ископаемых будет иметь государство, а не область.

Спустя год, на заседании президиума облсовета, принявшего решение считать добычу золота на Камчатке возможной, В. П. Хворостов вновь привёл названные выше цифры и упомянул о том, что имеется тенденция к возрастанию цены на золото на внешнем рынке. А ещё через год, на 7-й сессии облсовета, принявшей судьбоносное решение считать золотодобычу одним из основных направлений развития хозяйства области, он в очередной раз повторил всё сказанное ранее. Добавив к этому разве то, что на тот момент уже, якобы, имеется принципиальная договоренность с И. С. Силаевым, тогдашним председателем Совета Министров РСФСР, что область будет получать 35 % (в рублях) дохода от добычи золота за счёт оплаты ресурсов и 30 % (в валюте) — от реализации золота на внешнем рынке.

Такова была оценка ситуации главным специалистом от геологии. А вот что получилось на самом деле. В 1989 г. цена золота на внешнем рынке была равной 13 долларам за грамм, что хотя

и близко оценке В. П. Хворостова, но всё же ниже. А в следующем году эта цена упала до 11,5 долларов [32] и оставалась на этом уровне до 1992 г. включительно. Так что тенденция ценообразования на золотовалютном рынке камчатскими геологами была оценена абсолютно неверно.

То же самое можно сказать и относительно обещаний И. С. Силаева, ибо предусмотреть его исчезновение с политической арены не представляло большого труда. Пришедший ему на смену Е. Т. Гайдар вместо обещанной трети в рублях и четверти в долларах всего лишь разрешил добытчикам Магадана, да и то под угрозой остановки всей золоторудной отрасли, пользоваться всего одной десятой добытого ими золота.

Обмишулились наши эксперты от золота и в другом. На той же конференции 1989 г. я, отталкиваясь от мнения зарубежных специалистов, опубликованных в открытой печати, попытался предупредить и местные власти, и самих геологов о том, что камчатское золото государству, в общем-то, и не нужно. В том смысле не нужно, что каждые лишние 15—20 т золота (а именно столько обещали нам добывать ежегодно на Камчатке), реализованные СССР на зарубежном рынке сверх установленной для него квоты в 200 т ежегодно, неизбежно приведут к снижению цены на советское золото в полтора-два раза. И вновь камчатский эксперт (если не ошибаюсь, Н. Н. Матюшонок) в ответ самоуверенно заявил, что это не так и что вообще западные эксперты камчатским геологам и иже с ними не указ.

И что же? Уже на следующий год СССР реализовал за рубежом 234 т золота на общую сумму в 1 млрд 633 млн долларов. Если разделить одно на другое, всего лишь по семь долларов за грамм, вместо обещанных нашими экспертами четырнадцати-пятнадцати. Но при этом и В. П. Хворостов и Н. Н. Матюшонок остались в глазах начальствующих обывателей большими специалистами, а мне было присвоено звание некомпетентного журналиста.

По существовавшим оценкам, всех камчатских полезных ископаемых должно было хватить при нормальной их разработке на двадцать-двадцать пять лет. Максимум — на пятьдесят. Следовательно, не успели бы мы оглянуться (давно ли, например, был 1959 г. с его громогласным объявлением благоденствия от комплексного развития), как в очередной раз надо было снова начинать чесать затылки: а чем занять те 200—250 тыс. чел. (по подсчётам самих же геологов), необходимых для того, чтобы горнорудная отрасль выдавала продукции на два миллиарда рублей?

Так что не получалось с полезными ископаемыми ничего хорошего. И вряд ли особо стоило уповать на золото, ибо даже по самым оптимальным расчётам доход от золотодобычи не превышал бы пятьдесят миллионов долларов в год, да и то на протяжении всего лишь десяти-пятнадцати лет от начала интенсивной эксплуатации. При малой же интенсивности добычи уже и само золото будет в убытке, так как дороговизна рабочей силы и всего остального «съедала» прибыль начисто.

Судоремонт. Годовая продукция этой отрасли оценивалась в сто миллионов рублей. Вроде бы и неплохо. Однако дороговизна, долговременность и низкое качество производимых работ были просто вопиющи. Плавбаза «Советская Латвия» стояла на Петропавловской судовой верфи три года, а ещё ей предстояло докование, которое в Петропавловске заняло бы три месяца, плюс низкое — ниже некуда — качество работ. В Приморье — сорок дней с таким же низким качеством, а в Южной Корее — всего девять суток и с отличным качеством.

Рыбаки прямо говорили о том, что им выгоднее отремонтировать суда за рубежом и платить валютой втридорога, чем ждать так долго и получать неизвестно что. Да и министр рыбного хозяйства СССР, побывавший на полуострове, заявил, что если камчатцы и впредь будут работать так же плохо, то отрасль откажется от судоремонта на Камчатке и полностью перейдёт на ремонт рыбацких судов области за границей. Тем самым министр открыто поддержал идею переориентации судоремонта за границу, высказанную мною ещё в 1988 г.

Заключение. Таковы лишь некоторые примеры неверной оценки потенциала природных ресурсов области и перспектив их освоения. Но поскольку эти примеры касались основных видов таких ресурсов, то их вполне достаточно для того, чтобы сделать однозначный вывод — тогда, тридцать с лишним лет назад, с оценкой природно-ресурсного потенциала области не столько ошиблись, сколько поспешили выдать желаемое за действительное.

Хотим мы того или нет, но приходится признать, что так называемое идея комплексного развития народного хозяйства области на поверку оказалась несостоятельной. Ибо за тридцать с лишним лет её осуществления доля рыбной отрасли в выпуске товарной продукции как была, так и осталась равной 80—83 % в денежном выражении. Изменились лишь общие объёмы производимой продукции, а не пропорции. Но при этом в развитие идеи комплексности были вложены громадные средства, а население

области выросло более чем вдвое, достигнув 470 тыс. чел. Причём на каждые десять человек, прибывших за эти годы на Камчатку, приходилось восемь-девять её покинувших — не очень-то, оказывается, была привлекательна наша Камчатка для тех, кто хотел заработать. Но главное заключалось в том, что 54 тыс. чел., занятых в рыбной отрасли, ежегодно давали товарной продукции на 1,4 млрд руб. Тогда как остальные 170 тыс. производили её всего на 0,5 млрд руб., получая на покрытие своих издержек 400 млн руб. ежегодной дотации.

Таковыми были основные выводы, сделанные мною накануне распада СССР и краха экономики всей страны и Камчатки. Конечно же, этого моего мнения и попыток его обосновать, можно было и не слышать. И не слышали. Но куда денешься от самой действительности, когда последующие восемь лет и сельское хозяйство, и судоремонт, и строительная индустрия, и коммунальная служба Камчатки в самом прямом смысле этого слова «дышали на ладан». Основной причиной этого падения было принятие в 1989—1991 гг. экономически неоправданных решений...

Мне могут возразить, что всё это происходило в прошлом, а потом пришли другие времена, а потому всё должно перемениться к лучшему. Ну что ж, времена сейчас действительно другие. Однако вот люди, разрабатывающие и принимающие решения, остались, увы, прежними. То есть абсолютно не желающими и, главное, не умеющими критически осмысливать исходный материал и реальную ситуацию. И вот тому конкретные примеры. Уже после обрушения рубля в 1992 г. и последующего после этого обвала экономики, всё те же специалисты на полном серьёзе заявляли, что площадь хвойных лесов Камчатки составляет 800 тыс. га (Ресурсный потенциал Камчатки, 1994). Забыв упомянуть, что 300 тыс. га этих лесов уже или пройдены рубками, или сгорели в результате антропогенных пожаров, а из остальных 500 тыс. более половины приходится на труднодоступные горные территории, неудобья и водоохранные зоны рек. Следовательно, рассчитывать на сколько-нибудь весомую отдачу от лесной отрасли не приходится.

Лично я таковых, вечно вчерашних, специалистов понимаю, ибо их таковыми сделало время. И в самом деле, чем, например, были для всех нас те далёкие пятидесятые и шестидесятые годы, на которые пришлось становление таковых специалистов как личностей? Да, прежде всего тем, что мы оказались на какое-то время

в состоянии эйфории от разоблачения культа личности, всколыхнувших всю страну надежд на свободу и от своих достижений в космосе. Причём настолько были подвержены этой эйфории, что искренне уверовали в то, что *«нынешнее поколение советских людей будет жить при коммунизме»*. И перенесли, не могли не перенести, эту эйфорию на все наши дела и помыслы. Тем более что её нагнетание всегда было одной из основных идеологических задач власть имущих. Так что нет ничего удивительного в том, что Камчатка в попытке создать комплексное производство как в зеркале отразила это всеобщий волюнтаризм, если не сказать — авантюризм в принятии и попытках осуществления и экономических решений.

Провал всех наших экономических программ (напомню, что страна не выполнила ни одной пятилетки) обуславливался тем, что мы постоянно соревновались в «прыжках в высоту» по своим собственным правилам. Когда мы не сходили с дорожки после третьей неудачной попытки, как принято, а после первой же неудачной попытки заказывали себе новую, пусть бы всего и на сантиметр больше, высоту. А в результате, вместо того, чтобы вовремя приостановиться и потренироваться на доступных высотах, настолько загнали самих себя, что рухнули в бессилии. И поверьте, я вовсе не злорадствую — я всего лишь искренне сожалею о потраченных впустую годах и силах.

Сказанное, безусловно, не исчерпывает всех причин провалов экономики в стране и области. Другой не менее весомой причиной закидательского отношения к экономике явилось открытие алмазов в Якутии и, особенно, нефти и газа в Тюмени. Потому что именно начиная с этого момента ставка на добычу полезных ископаемых как на основу экономики, всегда свойственная и Российской Империи, и СССР, окончательно превратилась в руководящую догму. Догму, которую так «блестяще» охарактеризовал послушно-ручной академик А. Г. Аганбегян: *«Достоинство нации определяется богатством её минерально-сырьевой базы»*.

Впрочем, и до сих пор ставка на минеральные ресурсы воспринималась если как не единственный, то основной способ решения экономических проблем. словно бы и не было позади всех тех десятилетий, в течение которых блеск алмазов и шелест нефтедолларов затмевал наши глаза и уши. И затмил настолько, что СССР в конце концов развалился, а Россия вот уже двадцать лет выкарабкивается из той ямы, в которую её низвергли приверженцы сырьевой экономики.

А Китай, где минерально-сырьевая на порядок беднее таковой базы бывшего Союза, отказался от ненужных амбиций и, сделав ставку на первоочередное развитие сельского хозяйства, уверенно выдвинулся в ведущую десятку промышленно развитых стран мира, вызывая законное уважение и закономерную зависть. Ну, а Япония, где запасы полезных ископаемых мизерны, вообще несколько десятков лет шла впереди планеты всей по темпам экономического развития.

Что же касается Камчатки, то ровным счётом нет ничего удивительного в том, что мы встали перед проблемой — чем же занять, да и попросту прокормить наше искусственно раздутое почти полумиллионное население. С одной стороны, подорвав свои рыбные ресурсы, область вынуждена будет сворачивать экстенсивное рыболовство и сокращать численность занятых в нём. С другой — вложив в то же сельское хозяйство столько средств, что этого хватило бы на создание второго Камчатрыбпрома, мы по многим позициям лишились так называемых централизованных поставок продовольствия. Наконец, с введением рыночных отношений, число безработных могло быстро достигнуть и двадцати, и сорока, может, даже и более тысяч человек, так как половина наших предприятий была хронически и безнадежно убыточна.

Исходя из всего этого, можно и должно сделать два основных вывода: либо комплексность народного хозяйства — идея несостоятельная и потому мертворождённая, либо вдохновители и исполнители попросту не сумели её осуществить должным образом. На мой же взгляд всё это и так, и не так. Суть вещей, скорее всего, заключается в том, что население нашей страны и, что многим хуже, её руководящая часть долгие семьдесят с лишком лет излишне примитивно (не побоюсь этого слова) руководствовались в своей деятельности примитивными лозунгами типа: «Коммунизм — это есть советская власть плюс электрификация всей страны», «Догоним и перегоним», «Нынешнее поколение советских людей будет жить при коммунизме» и «Экономика должна быть экономной», вместо того, чтобы работать с умом.

В результате поймы русских рек оказались залиты загнивающими водохранилищами, леса вырублены на корню, города и посёлки задыхаются без чистого воздуха, а вся страна встала на грань разрухи и откровенного голода, о чём уже, не стесняясь, говорили и в правительстве, и в Верховном Совете.

Вот ещё что хотелось бы отметить особо. В попытке негодными методами догнать и перегнать Америку мы многого добились.

В два раза больше плавил стали и добывали каменного угля, в полтора раза — производили чугуна и извлекали нефти. Но... расходуя ежегодно столько же энергии (а энергия — это основа основ любой цивилизации, недаром же её предлагалось сделать мерилом стоимости всех вещей и видов человеческой деятельности), сколько и США, мы производим всего 13—18 % от их валового национального продукта.

Вы когда-нибудь задумывались над этими цифрами? Ведь это при всей условности такого обобщения означает, что для того, чтобы 250 млн американцев жили так же паршиво как мы, они должны бесплатно (бесплатно!) содержать на нашем уровне 1,1 млрд китайцев и 850 млн индийцев. Только подумайте: расходуя столько же энергии, США на своей территории могли бы довольно сносно (по нашим меркам) содержать два миллиарда человек! А мне со всех сторон с неподражаемым апломбом твердили: для того, чтобы триста миллионов советских людей могли жить на своей шестой части света, так как хотя бы турки или греки, мы должны и дальше всемерно наращивать производство нефти, газа, угля, древесины, стали, чугуна и многого-многого другого. Наращивать, то есть, производство первичного сырья и вторичного полуфабриката, а не конечной и высококачественной продукции. Отчётливо осознавая при этом (и сознательно планируя), что от трети до половины этого самого сырья мы сразу же отправим в отходы.

Так что есть только один путь к выживанию в современных условиях — всемерное сокращение производства ради производства и скорейший переход к производству только действительно необходимого. И в этом смысле развитие заведомо убыточного горнорудного производства в условиях самоокупаемости будет для Камчатки разорительным. Жаль, что этого не понимали наши «капитаны» от экономики, которые по-прежнему подталкивали область на комплексный путь развития. Подталкивали только потому, что ими двигала привычка жить за счёт дотаций от государства да столь же примитивный расчёт на то, что стоит только начать, а там уж государство в помощи не откажет.

Единственно верным путём дальнейшего развития Камчатки, по моему мнению, должен был стать отказ от несостоявшейся идеи комплексности и возвращение к изначальному положению вещей — к приданию ей статуса рыбного цеха страны. Потому что вопрос стоял ребром: или сохранить Камчатку как естественный питомник рыбы и морепродуктов, или в угоду ложно понимаемому

лозунгу о комплексном наращивании производства лишиться этого последнего «рыбного пирога».

В водах полуострова ежегодно добывалось более трёх миллионов тонн рыбы и морепродуктов, в том числе 70 % от тогдашней все-союзной добычи лосося, 80% минтая и 90% краба. Насколько это много, можно судить по тому, что во всех остальных внутренних водах, на шельфе и в пределах двухсотмильной морской экономической зоны страны вылавливалось чуть более двух миллионов тонн рыбы. Ещё шесть добывалось в Мировом океане и в водах других стран.

Стоимость рыбы во всём мире росла — ведь это ценнейший экологически чистый продукт питания. Так, если в 1989 г. тонна минтая стоила до 430 долларов США, то в 1990 г. она продавалась уже и по 750 и даже по 1 000 долларов. Столь же стремительно росла и численность населения планеты, прежде всего тех стран, в водах которых мы вылавливали названные выше миллионы тонн рыбы. Так что ценность рыбы только возрастала, как в прямом (стоимостном) смысле, так и в социальном выражении. И потому должно было наступить время, когда нам предложили бы либо отдавать половину и более (а не 10—15 % как тогда) от выловленной в чужих водах рыбы, либо платить за неё твёрдой валютой. А уж тогда точно никакого золота, тем более камчатского, не хватило бы для того, чтобы закупать ежегодно те три миллиона тонн рыбы, которых мы могли лишиться в камчатских водах в результате тщетных потуг непременно стать комплексными, как все. Не отдавая себе отчёта в том, что у этих всех не было как раз именно того, что отличало нас от них — рыбы.

Таким образом, все мои построения можно свести к одной фразе — программа комплексного развития Камчатки, принятая более пятидесяти лет тому назад, оказалась несостоятельной. Однако это вовсе не означает автоматического признания несостоятельности других вариантов комплексного освоения природных ресурсов территории. Оно лишь означает, что упование на новый виток развития производительных сил Камчатки по комплексному сценарию требовало и новых же контрдоводов. К изложению таковых я и перехожу.

В начале сентября 1990 г. на суд областного Совета была предложена концепция развития Камчатской области, разработанная главным планово-экономическим управлением облисполкома. Интересно, что именно от работников ГлавПЭУ шла основная критика программы 1987 г. в целом и комплексной целевой про-

граммы «Лосось» в частности. А потому от их концепции следовало бы ожидать чего-то стоящего. Ан, нет. Исчерпывающую оценку этой самой «свежей» концепции дал председатель облисполкома В. А. Бирюков: «Её просто нет — и весь разговор» [33].

Но коли так, то напрашивался закономерный вывод — поскольку не было самой концепции, то, следовательно, не было и специалистов, способных её разрабатывать. Если хороший специалист может ошибаться, плохой — сочинить плохую концепцию, то никакую концепцию делает «никто». Весьма плачевный вывод для всех нас, и не только я его сделал.

Областные власти, признав отсутствие концепции, в спешном порядке предложили председателю экономической комиссии облсовета В. П. Хворостову разработать новую, подтвердив тем самым лишний раз вывод об отсутствии соответствующих специалистов в структуре облисполкома. Надо отдать должное лично В. П. Хворостову, который, будучи геологом, по-своему твёрдо и последовательно отстаивал и проводил в жизнь идею развития горнорудной отрасли на полуострове. Но в том-то и дело, что по-своему, не говоря уже о том, что сама идея не стоила приложения стольких усилий.

И в самом деле, мог ли я — простой обыватель — доверять профессионализму и здравому смыслу сторонников разработки недр Камчатки, столь рьяно ратовавших за комплексное (якобы) развитие народного хозяйства области? Уверенно говорю — не мог. И вот почему.

Я с уважением отношусь к геологам-съёмщикам Камчатки, бывшими в своё время лучшими специалистами не только в стране, но и в мире. Воспринимаю как подлинных профессионалов и геологов-поисковиков, трудами которых были открыты Агинское и Аметистовое золоторудное месторождение. Но мне трудно было воспринимать в качестве подлинных профессионалов разведчиков горнорудных запасов, так как, с одной стороны, нефть на полуострове разведывали уже более шести десятков лет, Агинское и Аметистовое месторождения — по пятнадцать-двадцать лет, а Мутновское парогидротермальное — уже двенадцать лет, и конца этому не было видно. В развитых странах на месторождениях, равных по параметрам Агинскому, от начала разведки до ввода в действие проходило максимум пять-семь лет.

Главный довод сторонников создания горнорудной отрасли: области на одной рыбе без дотаций не прожить. Можно ли этот довод считать подлинно профессиональным? Попробуем разобраться.

Да, мы действительно получали в качестве дотации до шестисот миллионов рублей ежегодно. Однако кто получал дотацию? Как известно, в рыбной отрасли Камчатки было занято около 54 тыс. чел. Отрасль давала около 80 % всей товарной продукции области в денежном (1 млрд 400 млн рублей) выражении. Остальные 170 тыс. чел. трудоустроенного населения производили менее 20 % общеобластных доходов (400 млн руб.), потребляя при этом до 80 % общеобластной дотации. Другими словами, рыбная отрасль, дававшая товарной продукции в три с половиной раз больше, чем все остальные отрасли и производства вместе взятые, получала дотаций в во столько же раз меньше, чем вся остальная многоотраслевая (комплексная) экономика.

Эти цифры самым наглядным образом иллюстрировали закон Перрета, согласно которому 80 % полученных доходов обеспечиваются 20 % процентами затраченных усилий и средств. Это ли не довод в пользу отстаиваемого мною тезиса о никчемности потуг на достижение эффективности комплексной модели развития Камчатки? В пользу этого тезиса свидетельствовал и расклад государственной дотации по отраслям.

Давайте зададимся простым вопросом: получали ли мы дотацию или зарабатывали? Если зарабатывали, то кто конкретно? Лично я считаю абсолютно непрофессиональным мнение о том, что это государство платило нам от щедрот своих. По-моему, всё обстояло как раз наоборот: нам возвращали часть того, что для нас заработали наши рыбаки. То есть, названные 600 млн руб. брались из кармана рыбаков, которым просто-напросто не доплачивали как минимум половину того, что они зарабатывали своим тяжёлым трудом. Как? Очень просто: установив расценки за сданную рыбу и произведённую из неё продукцию в полтора-два раза, а то и ниже, чем для сахалинских и приморских рыбаков. Об этом, кстати, больше всех «порадела» своя собственная — камчатская — администрация, получив от этого в своё время дивиденды в виде благодарностей и наград. Государство всего лишь отдавало нам часть того, что забрало у рыбаков.

Ещё один штрих к портрету профессионалов от «комплексности». На мой взгляд, вложение 300—400 млн руб. не в создание золоторудной отрасли, а в воспроизводство лосося, с доведением уровня его возможного вылова до 300 тыс. т в год, могло увеличить доход области на 2—2,5 млрд руб. в год, против тех 200—250 млн руб., которые нам прочили от добычи золота. Так что в этом случае зарывать деньги в землю просто не понадобилось бы.

В таком вот виде был осуществлён мною анализ тридцатилетнего развития Камчатки по пути к созданию многоотраслевого хозяйственного комплекса. Не стоит думать, что этой попыткой я выступал против всех и вся. Я выступал всего лишь против трёх вещей: непродуманных программ развития; непрофессиональной и некомпетентной аргументации в защиту таких программ; некавалифицированного осуществления даже самых лучших программ. И, как это представляется с позиций нынешнего дня, выводы из моего анализа, основанного на этих послылках, оказались вполне соответствующими реальности.

Тем не менее, то, что было ясно мне, так и не стало понятным местному истеблишменту. О чём уверенно можно судить по реакции областного партийного и хозяйственного руководства, так называемых «крепких хозяйственников» и региональной экономической науки на вызовы действительности. Об этом и пойдёт речь далее.

Напомню о принятом в 1987 г. постановлении ЦК КПСС и Совет Министров СССР «О комплексном развитии производительных сил Дальневосточного экономического района, Бурятской АССР и Читинской области на период до 2000 г.», ставшим очередной попыткой М. С. Горбачёва подправить своё серьёзно пошатнувшееся положение новой шумихой. Именно шумихой, и не более того, ибо всего через год Е. М. Примаков в служебной записке от 12 августа 1988 г. писал М. С. Горбачёву: *«...есть мнение, которое разделяют и руководители дальневосточных регионов, о том, что это постановление не будет выполнено, так как оно не подкреплено ни политическими, ни экономическими, ни финансовыми, ни организационными мероприятиями»* [4].

Надо ли говорить о том, что это мнение оказалось верным. Думаю, что нет. Зато непременно нужно отметить тот факт, что Примаков ошибался, когда говорил о том, что оно разделяется *всеми* руководителями дальневосточных регионов. Год спустя после появления этой служебной записки в нашей области на 5-й региональной научно-практической конференции была вновь реанимирована программа социально-экономического развития тогда ещё единой Камчатской области. Программа базировалась на положениях и представлениях упомянутого «Постановления-1987» [34].

Предоставлю слово авторам. Вот что они говорили в основополагающем тезисе этой программы, изложенном на первой странице рекомендаций названной конференции: *«Ускорение развития производительных сил Дальнего Востока является одним из*

важнейших направлений социально-экономической политики СССР. Практическим выражением этой стратегической линии было Постановление ЦК КПСС и Совета Министров СССР от 19.08.87 “О комплексном развитии производительных сил Дальневосточного экономического региона, Бурятской АССР и Читинской области на период до 2000 г.”, в котором отражены и перспективы развития Камчатской области».

Мало того, что местные власти даже и словом не обмолвились о том, что «Постановление-87» было изначально недееспособным, они ещё и внесли в программу несколько собственных и весьма показательных дополнений. Если в союзном «Постановлении-87» речь шла о сроке до 2000 г., то создатели региональной программы размахнулись на вдвое больший. Это означало, что они, поспешив, как всегда, взять на себя повышенные обязательства, не поняли главного — того, что время таковых заявлений кончилось. Как не поняли и того, что упомянутое «Постановление-87», являлось всего лишь натужно исполненной отпиской.

Но ещё более показательной ошибкой выглядит другое порождение местной элиты. Прослышав, что в стране намечается переход на хозрасчёт и самоуправление, она решила, что в этом случае все природные ресурсы региона будут принадлежать области. Область будет самостоятельно распоряжаться произведённой из местных ресурсов продукцией, а государство по-прежнему будет обязано обеспечивать Камчатку материальными (топливо, технологическое и прочее оборудование, продовольственные и промышленные товары и т. д.) и финансовыми ресурсами.

Отгалкиваясь от таковых эклектических представлений, областные власти и «выдали на гора» концепцию так называемого комплексного освоения всех видов с упором на развитие горно-рудной отрасли (прежде всего — золотодобычи), природных ресурсов. Вернее, даже не концепцию с развёрнутыми представлениями и расчётами, а всего лишь тезисы. Но как «славно» при этом делилось на уже упомянутой конференции и ещё два года спустя это самое «золотое руно».

Власти, экономисты и геологи по разным причинам не удосужились просчитать развитие социально-политической и политической ситуации в стране и регионе. И как бы не хотели этого признавать мои тогдашние оппоненты, единственным человеком, попытавшимся заняться этой — посильным анализом последствий осуществления комплексной модели хозяйствования — проблемой занялся, как тогда про меня говорили, бывший кочегар от

Академии наук. Так что, слегка поёрничаю, не так уж плоха была Академия, как об этом сейчас твердят «перестройщики» науки и образования, коль скоро даже её кочегары могли мыслить системно и проблемно.

Не стану говорить о политических и «политесных» просчётах местной элиты. Но умолчать о псевдозэкономических раскладах того времени я просто не в праве. Уж больно они похожи на упования камчатских властей накануне кризиса 2008 г., когда они вознамерились, было, начать строить железную дорогу до Магадана, автобан до Анадыря и приливной энергетический кластер в Пенжинской губе. Когда я попытался сказать, что мир подходит к кризису и цена на нефть в очередной раз может рухнуть, мне буквально заткнули рот, заявив, что надо говорить о конкретных вещах, а не высказывать досужие домыслы о падении цены на нефть.

Вернусь в год 1989-й, к уже упомянутой ранее 5-й конференции, на которой была озвучена весьма показательная сентенция: *«Добыча золота в мире, в том числе и в США, возросла в последние годы в несколько раз и потому нам не резон отставать от международных тенденций»*. Показательная, прежде всего тем, что чиновник, по долгу службы определяющий перспективы развития золотодобычи на Камчатке, совершенно не отдавал себе отчёт в том, что столь резкий скачок в объёмах добычи золота непременно должен был завершиться резким падением цены на него.

Тут я на время отвлекусь на то, чтобы ответить на вполне закономерный вопрос — критиковать-де легко, а сам-то ты где был, точнее, что делал в то время? Отвечаю, лично я в то время принимал участие в работе той самой секции названной конференции, на которой обсуждались проблемы и перспективы развития горнорудной отрасли на Камчатке. Именно принимал, а не присутствовал.

В чём выразилось это участие? В том, что, владея той предельно скудной информацией, которая случайно прорывалась на страницы советских газет, я попробовал поговорить о наметившейся на мировом золотовалютном рынке тенденции к снижению цены на золото. В качестве реального её проявления привёл пример Магаданской области, где из-за убыточности золотодобычи некоторые прииски уже начали сворачиваться, а их персонал — покидать пределы области.

Геологи в ответ заявили, что поскольку я в этом деле не специалист, то моё мнение ничего не стоит. Когда я в продолжение

полемики заметил, что, в сущности, мною было всего лишь озвучено мнение зарубежных экспертов по проблемам ценообразования на золото, они столь же категорически заявили, что зарубежные эксперты им не указ. Так что, хотели бы того геологи-полевики и геологи-разведчики (которых я, в отличие от их начальства, искренне уважаю именно за профессионализм) или нет, но их официальные руководители и эксперты изрядно обмишулились. Причём играя на своём поле и по своим правилам. И это тем более обидно, что на той же конференции геологическая служба Камчатки к обсуждению экологических проблем, к которым их начальство всегда относились как к досадной помехе на пути развития горнорудной отрасли, оказались подготовленными не в пример лучше, чем так называемые «зелёные». И не только потому, что они заявили об обязательном и всемерном применении на будущих рудниках и приисках Камчатки новейшей — щадящей — технологии добычи и переработки руды. Но и потому, прежде всего потому, что они первыми в области представили вариант схемы районирования Камчатки в целях рациональной охраны её природы. По поводу отдельных положений этой схемы можно и нужно было спорить, но альтернативы ей на тот момент просто не было.

Вот отчего я на этой же конференции вполне искренне сказал, что если то, что предлагают геологи в области охраны природы, будет выполняться, то я готов с ними в этом направлении сотрудничать. За что подвергся остракизму со стороны «зелёных», многие из которых и до сих не отрешились от огульного осуждения любого вида и способа освоения полезных ископаемых. Другое дело, что сами геологи на сотрудничество со мной так и не пошли.

То есть, восприняв, с подачи нелюбимого ими самими собственного начальства, мою персону в качестве злостного врага геологической отрасли, нормальные геологи так и смогли подняться над своим предубеждением ни тогда, ни после, ни до сих пор. Например, совсем недавно один из них с детской непосредственностью заявил, что не пиши, мол, я, «дурацкие» статьи в защиту природы, то они, геологи, меня бы уважали. И тут же с упоением начал рассказывать о том, как замечательно берегут природу на тех золотых приисках Канады и США, где он по приглашению проработал несколько лет. Так и не пожелал заметить при этом того, что именно вот о таком отношении к природе, и именно на примере Канады, США и других стран я и писал в своих «дурацких» статьях.

По признанию начальника геологического отдела Комитета по природным ресурсам Камчатской области И. Д. Петренко, одного

из наиболее стойких и убеждённых сторонников развития золотодобычи на Камчатке, только за 1994—1998 гг. в развитие горно-рудной отрасли области было инвестировано 48 млн долларов [35]. Насколько я могу судить, ни одна из отраслей Камчатки столько денег на развитие из-за рубежа не получала.

Получается, что, по крайней мере в экономическом плане, никто не мешал «золотым» в осуществлении их планов. Тот же И. Д. Петренко одной из основных причин отсутствия на Камчатке золотодобывающей отрасли в конце 1990-х гг. назвал не происки «зелёных», а падение цены на золото на международном рынке. Прозрел, одним словом, когда закрывать глаза на суть происходящего стало уже невозможным.

Он был далеко не единственным, кто серьёзно ошибся в оценке дальнейших перспектив золотодобычи. Например, в 1997 г. В. В. Кюньль, тогдашний начальник Камчатской геолого-съёмочной экспедиции, наконец-то убедившись, что золото на мировом рынке неуклонно падает в цене, заявил: *«...при нынешней — около 295 долларов за унцию — цене на золото разговоры об его добыче приходится оставить до лучших времён»* [36].

Как можно видеть, главный геолог Камчатки не только задним числом признал необоснованность всех прежних представлений и заклинаний геологического лобби, но и отложил освоение камчатского золота на неопределённо долгое будущее. И в очередной раз ошибся, ибо *«лучшие времена»* не заставили себя ждать, так как уже в начале 1999 г. цена на золото начала расти. А сам В. В. Кюньль, переквалифицировавшийся к тому времени из геолога в золотопромышленника, это самое золото стал добывать. Правда, при нынешней цене на золото впятеро большей, чем в 1989 г., ни он, ни его компаньоны, ни бывшие эксперты по золоту ни слова не говорят о том, что они приладили к камчатской экономике ту самую «вторую ногу», без которой, как твердило недалёкое геологическое начальство двадцать лет тому назад, экономике области не устоять.

Но что самое интересное, если не сказать — забавное, лично я о скором наступлении этих самых лучших времён — то есть о скором повышении цены на золото — попытался высказаться ещё в 1996 г. Но редакции двух газет отказались публиковать мою заметку, в которой на основе десятилетних циклов чередования подъёмов и понижений предсказывалось очередное возрастание цены на золото на международном рынке. Под тем предлогом, что «их» эксперты считают иначе.

Не в силу ли этой некомпетентности иностранные фирмы отказались, по крайней мере напрямую, вкладывать средства в золотодобычу на Камчатке? Понять их можно, ибо иначе поступить они просто не могли, столкнувшись с фактами абсолютно неадекватной оценки конъюнктуры на золотовалютном рынке и с таковой (огульное обвинение инакомыслящих в некомпетентности) методологией доказательства своей точки зрения.

Подытоживая обзор ситуации с развитием золотодобычи на Камчатке, стоит обратить внимание на две вещи. Во-первых, на то, что слишком долго геологическую службу олицетворяли люди, которые проявили удивительную некомпетентность в оценке стоимости золота на международном рынке и в определении тенденций его ценообразования.

Во-вторых, обращает на себя внимание то, как инфантильно, вели себя высшие люди области. Именно по-детски, ибо уж кому-кому, но губернатору и его заместителю по экономике материалы по золотовалютному рынку были вполне доступны. Так что отнесись они критически к мнению экспертов от геологии и восприми лояльнее мнение инакомыслящих, то не сели бы в лужу с этим самым «судьбоносным решением».

Впрочем, эта инфантильность в оценке ситуации относится и к другим моментам принятия модели комплексного освоения природных ресурсов Камчатки, столь рьяно, а иначе и не скажешь, отстаиваемой местным истеблишментом на протяжении многих лет. О чём, лучше всего можно судить по оценке общей социально-экономической и политической ситуации конца 1980-х — начала 1990-х гг. со стороны властных структур и экономической науки области.

Обратимся к тому способу выхода из сверхкритической ситуации, который нам предлагали накануне распада СССР и крушения экономики страны. В самом конце 1989 г., когда уже явно обозначился провал доктрины построения «социализма с человеческим лицом», тогдашний начальник Главного планово-экономического управления облисполкома Б. П. Синченко, которому по долгу службы положено было иметь свой взгляд на проблемы и перспективы развития экономики области, в ответ на призыв (в том числе и мой) к переводу народного хозяйства области на самоокупаемость, а всей области — на «жигитство по карману», разразился гневной филиппикой: *«Радикалы, остудите голову»* [37].

Однако менее чем через год, но уже в качестве заместителя председателя облисполкома, курирующего экономику области, он,

послушно следуя указу сверху, писал: *«Ключевым звеном должен стать переход на самоуправление и самофинансирование территории. Лишь эти принципы хозяйствования обеспечивают прямую связь между эффективностью народного хозяйства и народным же благосостоянием, возможностями для социального развития области в интересах людей»* [38].

Как видно, признавалось, что менять что-то нужно. Но власти толком не знали, чего же они сами хотят — рыночных отношений в общепринятом толковании, или хозрасчетных территорий под патронажем партийных органов. То есть они попросту не поняли, что управляемые ими территории могли стать (теоретически) хозрасчётными только в том случае, если бы парткомы, Советы и исполкомы любых уровней занялись непосредственной предпринимательской деятельностью на своей территории. Однако в условиях перехода к рыночным отношениям основными субъектами хозяйствования становились не сами по себе территории во главе с Советами и парткоммами, а расположенные на этих территориях предприятия, фирмы, частные предприниматели. А тем самым всевозможные комитеты, советы и исполкомы волей или неволей отстранялись от прямой производственной деятельности.

В условиях перехода к рынку они были нужны лишь для того, чтобы рынок не захватила вакханалия вседозволенности. Власть со своими структурами в условиях рынка нужна для того и только для того, чтобы прописывать и предписывать правила игры и строго следить за их исполнением, дабы предпринимательская деятельность не перешла грани допустимого. Однако, как мы знаем, в стране именно этого — создания внятных норм и правил хозяйствования — не произошло. Что, впрочем, и понятно, так как стоящие у власти в большинстве своём ринулись делить собственность государства в свою пользу. Для чего, кстати, ни большого ума, ни, тем более, специального экономического образования не требовалось — нужна была всего лишь практическая сметка и беспринципность. Так что нет ничего удивительного в том, что вместо «социализма с человеческим лицом» мы заполучили капитализм в духе «коза ностра», но в российском варианте.

Но вернёмся к нашим палестинам. Для разработки программы экономического развития области внутри облисполкома был создан отдел экономического развития и рационального природопользования. Что же предлагал этот отдел? *«Ключевым звеном должен стать переход на самоуправление и самофинансирование территории. Лишь принципы хозяйствования обеспечивают*

прямую связь между эффективностью народного хозяйства и народным же благосостоянием, возможностями для социального развития области в интересах людей».

Высказанный принцип, может, был неплох по букве, но совершенно не соответствовал истинному развитию ситуации. Ибо толку от территориального хозрасчёта, покуда каждый не займётся своим делом: предприятия — производством, торговля — торговлей, сельское хозяйство — сельским хозяйством, исполком — социальными проблемами, а Совет — координацией и соблюдением законности и при том на каждом уровне, на каждом направлении не займётся профессионально, ждать не приходилось.

Но что следует понимать под профессиональной управленческой деятельностью? До 1989 г. это означало умение выбить фонды, лимиты и ресурсы и «освоить» их. Теперь акценты поменялись. Вместо выбивания всего и вся предлагалось выпрашивать льготы, ресурсы и лимиты. Выпрашивать. Но если выбивать можно было и без нас, простых камчадалов (то есть без того, чтобы мы знали, что и зачем), то выпрашивать без нас не получалось. Так что хотелось заручиться моральной поддержкой «обойдённых» социальной защитой камчадалов для того, чтобы продолжать делать то же самое, что управленческий аппарат делал всю свою жизнь — доставать. Не работать, а доставать.

Наглядный пример — камчатский лес. Сколько было выбито техники, в том числе и зарубежной, предназначенной только и только для примитивной рубки леса. Сколько было при этом загублено леса. А в результате лесная отрасль стала первой в области, где вопрос встал ребром: или кардинальным образом перестраиваться, или эвакуировать до половины и более населения из лесных поселков [39].

Но ничего лучшего, чем взывание к центру о помощи областные власти так и не придумали.

Не лучшим образом положение дел складывалось и в других отраслях. Настолько, что я по этому поводу высказал мнение о том, что если Совет и исполком не отойдут от прежних принципов, то в скором времени даже рыбная отрасль столкнётся с подобной же ситуацией либо в силу истощения запасов гидробиоресурсов, либо, что более вероятно, в силу завоевания рынком своих законных позиций. И тогда уже до половины населения области станет перед проблемой, а что же делать? А вернее всего — куда и на что ехать? Ибо если уж государство и область не захотели в преддверии разрухи создать три-четыре рабочих места на западе вместо

одного на Камчатке и всём Крайнем Севере, то уж содержать одного безработного камчадала вместо трёх-четырёх безработных в европейской части страны оно точно не будет. Так оно и оказалось.

Эта проблема, о которой я говорил, возражая главному экономисту области, оказалась непонятой теми, кто, называя меня экстремистом и «сталинистом» только за то, что я предлагал, пока есть время, за счёт наших же ресурсов переселять в заранее построенное жильё на «западе» не очень нужных для полуострова людей. Совершенно непонятой, потому что уже накануне распада страны и краха её экономики, нам — камчадалам, предлагали просить от щедрот правительства. Просить льгот, уменьшения налогов, повышения ставок, денег на «укрепление сейсмоопасных строений»... А ведь я уже тогда открыто говорил, что вряд ли нам пойдут навстречу, поскольку у рынка другие нормы и правила, а «центр» уже показал полное бессилие.

То есть, считал я, обращение к испрашиванию, как к ведущему способу ведения экономики области, в новых реалиях невозможно. И на то время — не ошибся. Однако ошибся в целом, так как сознательная политика, направленная на то, чтобы заставить центр раскошелиться, привела к тому, что Камчатка в очередной раз подседа на дотационную иглу. Причём, если в советские времена на каждый рубль продукции, произведённой в области, сверху приходились 50 копеек дотации, то с приходом во власть вчерашних комсомольцев краевой бюджет на 60 % (а по высказываниям некоторых чиновников — на все 80%) обеспечивается дотациями из «центра». Вот только что будет с этим самым «экономическим чудом» если в очередной раз упадёт цена на нефть, или рухнут доллар с евро? Вот вопрос, от которого никуда не уйдёшь.

Наиболее полно и наглядно эта всеобщая слепота регионального чиновничества в оценке ситуации проявилась в отношении к судьбам жителей Камчатки, которым уже в самое ближайшее время предстояло столкнуться с отсутствием работы, тепла, света и даже продовольствия. Ибо позиция местных властей по поводу предложения об организованном отселении за пределы области непроизводительного контингента, была однозначной. *«Мы никогда не пойдём на организованное переселение жителей Камчатки за пределы области»*, — заявил председатель облисполкома Н. А. Синетов в беседе с автором этих строк [40].

Впрочем, он был далеко не одинок в этом мнении. Например, год спустя второй секретарь Камчатского обкома КПСС Чернов в приватной беседе на мой вопрос — почему обком не идёт на

сокращение числа административных районов со всей их структурой? — ответил вопросом же: «А кто же тогда будет собирать членские взносы?» Вот ведь okazия какая! Уже полным ходом идёт демонтаж самой коммунистической партии, уже стали уходить из рук недалёких партийных функционеров не только рычаги власти, но и громадные финансовые ресурсы, членские взносы в структуре которых вряд ли превышали доли процента. А второе лицо области печётся о сборе нищенских взносов...

Апологеты развития на Камчатке горнорудной отрасли в конце 1991 г., всего за два месяца до распада СССР навязали (а иначе и не скажешь) местным властям решение *«считать развитие золотодобычи единственным средством спасения хронически больной экономики области и её рыбной отрасли»* [41]. За счёт чего население области, по их оценке, высказанной в начале 1992 г. бывшим геологом, а тогда полномочным представителем президента по Камчатской области И. А. Сидорчуком, в 2000 г. на Камчатке будет проживать не менее восьмисот тысяч, а может быть и миллион человек. Ни слова, при этом, не говоря о том, откуда возьмётся такая прорва народу, и где её будут размещать.

Известно: в 2000 г. на Камчатке жило около 370 тыс. чел., в 2012 г. — 321 тыс. Отток населения продолжается до сих пор, несмотря даже на реально начавшееся освоение недр. Причём правительство России предполагает к 2025 г. сократить население области до 200—250 тыс. чел.

Вот и получается, что, назвав предложение о заблаговременном сокращении деятельности дотируемых производств и отраслей с одновременным предоставлением (по возможности, разумеется) сокращаемым работникам жилья на «материке», кровожадным (Быкасов, де, хочет выселить нас под дулами автоматов, утверждал, например, геолог Эркенов), геологический истеблишмент элементарно просмотрел развитие ситуации в стране и на Камчатке в целом и крах своей собственной отрасли в частности. Именно элементарно, ибо чиновники от геологии несколько лет подряд обещали всем жителям области сохранить за счёт, якобы, самого скорого развития золотодобычи, экономику области на плаву. А в результате вынудили многих из своих работников буквально бежать из геологии в поисках средств для выживания.

О том, насколько глубоко погряз в этом своём ослеплении и неприятии других мнений геологический истеблишмент можно судить по тому, что даже в 1998 г., то есть в самый канун обращения руководства Камчатской области и Корякского авто-

номного округа к президенту и правительству России с просьбой о срочной эвакуации населения региона, геолог И. Д. Петренко не постеснялся употребить этот — «кровожадная концепция» термин в адрес предложенной мною за несколько лет до этого идеи организованного переселения.

К сожалению, ничуть не дальновиднее оказалась и местная экономическая наука, которая в этот ответственный момент не сумела внятно ответить на запросы времени и трезво оценить развитие социально-экономической и политической ситуации в стране и в регионе.

В 1989 г., говоря о проблемах развития Камчатки, ведущий специалист области по проблемам миграции Р. С. Моисеев заявил: *«Если сохранятся действия факторов, влияющих на формирование населения за последние два десятилетия, то численность населения области к 2000 г. может составить около 560 тыс. чел., сокрушив все прогнозы, и в первую очередь, жилищную программу, рассчитанную на 512 тыс. чел.»* [42].

То есть он считал, что население Камчатки в ближайшие десять лет будет прирастать, хотя и приводил гораздо более скромные цифры по этому поводу, чем геологи. И это притом, что уже в 1989 г. рушились экономические представления о путях и способах развития СССР и Камчатка, которых он придерживался в своей профессиональной деятельности.

В начале 1990 г. исход населения с Дальнего Востока обозначился настолько чётко, что замалчивать его стало невозможно. Тем не менее, суть проблемы, заключавшаяся не в самой реиммиграции как таковой, а в том, что именно концепция комплексного развития хозяйства, базировавшаяся на дотационном принципе финансирования, послужила первопричиной депопуляционных процессов, была не понята.

В 1994 г., после того, как область спонтанно (а не организованно) покинуло около семидесяти тысяч человек, а оставшееся в глубинке население попросту выживало при отсутствии тепла, света и еды, была разработана программа «Мигрант», предусматривавшая выезд за пределы региона к 2000 г. ещё не менее ста тысяч человек.

Если говорить об организованном отселении непроизводительного населения, то пока меня обвиняли во всех смертных грехах (дилетантстве, авантюризме, беспринципности и даже в кровожадности), в регионе не оказалось ни малейших возможностей (время ушло) для организованного переселения такой огромной по

местным масштабам — сто тысяч человек — массы людей. И программа «Мигрант» умерла, так и не родившись.

Но и только, ибо время требовало новых идей о путях развития региона, а не перепева, пусть бы и самым сладким голосом, старых песен о комплексности. И даже не заклинаний о том, что, мол, если сейчас оголить Камчатку, то потом будет гораздо труднее всё начинать сначала.

Вообще то, добавлю, мысль о последующих трудностях при возвращении к освоению региона в новые времена не лишена здравого смысла. Но, во-первых, при этом надо чётко осознавать, что в таком случае ждёт население и, главное, предоставлять ему полную информацию не только о планируемых на послезавтра перспективах развития, но и, прежде всего, об ожидаемых уже завтра трудностях. Но, во-вторых, коммунисты, и примкнувшие к ним специалисты именно на том и прогорели, что они постоянно призывали терпеть сегодняшние трудности во имя завтрашнего «светлого будущего». Сначала претерпеть террор, направленный на уничтожение самых умных представителей царской администрации, мотивируя это убогим лозунгом — чем хуже для страны, тем лучше для пролетарской революции. Затем гражданскую войну и разруху в ожидании общемировой революции, после — уничтожение своих оппонентов из партии, а заодно и всех инакомыслящих ради чистки рядов и привития псевдокоммунистического мировоззрения. И, наконец, последовательно претерпеть послевоенную разруху и трату невероятных усилий и средств на создание военной машины, способной десятки раз уничтожить всё человечество; на поднятие целины, обернувшееся уничтожением средне- и северорусской деревни; на добычу и экспорт невероятных объёмов нефти и газа, упование на отдачу от которых вот уже несколько раз, начиная с 1973 и заканчивая 2008 г., отбрасывало страну назад, а по большому счёту и послужило если не единственной, то основной экономической первопричиной распада СССР.

Получается, что предложение о заблаговременном, пока есть и финансы, и технические ресурсы, и, главное, время, переселении было не просто реальным, но ещё и гуманным. А по большому счёту — и профессиональным. Ибо, хотели бы того мои оппоненты из властных структур и их сторонники, или нет, но, не желая по началу даже говорить об организованном переселении, они, в конечном счёте, допустили вынужденное бегство за пределы области многих десятков тысяч человек.

Внушая в течение нескольких лет мысль о том, что они — специалисты и управленцы — ни за что не допустят снижения жизненного уровня камчадалов, во многом поспособствовали тому, что поверившие этим утверждениям люди остались без сбережений и потому не смогли покинуть Камчатку даже после того, когда захотели это сделать. Ну, а сами эти специалисты-управленцы, в лице областной и окружной администраций в октябре 1998 г. ввиду надвигающегося энергетического кризиса и необеспеченности населения отдалённых районов Камчатки продуктами питания, обратились к руководству страны с призывом либо оказать региону незамедлительную помощь, либо срочно эвакуировать население региона.

К сожалению, и правительство Е. М. Примакова, поднимавшее в это время обрушенную дефолтом экономику России, и окончательно сломавшийся в борьбе за личную власть Б. Н. Ельцин не решились пойти на нестандартное решение проблемы. Именно, к сожалению, ибо произведи «центр» эту — эвакуацию — операцию за счёт замены прежней структуры территориально-административного управления областью (одиннадцать районных, по одной окружной и областной администраций) одной губернской администрацией с одновременным назначением в отдельные «кусты» поселений (Елизовского, Начикинского, Большерецкого, Олюторского, Пенжинского и прочих) полномочного представителя губернатора, как когда-то предлагал лично я, он — «центр» — раз и навсегда избавился бы от необходимости содержать на Камчатке армию чиновников. Не говоря уже о том, что он тем самым создал бы прецедент, благодаря которому в дальнейшем вполне успешно мог бы отказаться от изжившего себя института «автономных» округов. Создав взамен них на всём Крайнем Севере систему подлинных, а не декларативных «территорий традиционного природопользования» коренных малочисленных народов.

Но «центр» был занят поисками наследника «царю Борису» и потому пошёл простейшим путём. Чечня к тому времени уже приучила руководство России откупаться контрибуциями за счёт народа, а не за счёт тех, кто постоянно ставил страну на колени. И потому должного решения так и не последовало. Результатом этого непродуманного, если не сказать — опрометчивого, шага стало превращение Камчатского края в самого большого (на душу населения) «деньгососа», выкачивающего из государственной казны, по разным оценкам, от 60 до 80 копеек из каждого рубля краевых расходов. И это действительно оказалось, как трубили

во всеуслышание два года тому назад, победа обанкротившейся в своих потугах на самостоятельное решение социальных проблем Камчатки местной власти над «центром». Не сумев за время от 1988 до 1998 г. верно просчитать грядущие перемены, вытекающие их перспективы и найти самостоятельное решение возникших по их же вине проблем, областные власти сперва попросили помощи у государства, а когда эту помощь получили, то тут же сообразили, что это самый удобный для них способ существования.

К концу 1991 г. перед 476-тысячным населением области замаячила проблема обеспечения работой и нормальными условиями проживания. И замаячила вполне закономерно, ибо до той поры все издержки абсолютно убыточного народнохозяйственного комплекса покрывались за счёт дотаций, размеры которой составляли 50 копеек на каждый рубль произведённой в области продукции. После обвала рубля в 1992 г. народно-хозяйственный комплекс стал разваливаться, а искусственно раздутое население начало покидать пределы области. Будь у него возможности для отъезда, то на сегодняшний день в Камчатском крае осталось бы не триста пятьдесят тысяч человек, как сейчас, а всего лишь двести. А может и того меньше.

Но, согласитесь мой читатель, не вяжется всё это с утверждением о том, что самодостаточное развитие Камчатки может быть успешным только при достаточно большом — не менее трёхсот тысяч человек — населении. Мне могут возразить, что, мол, во всём этом виноваты обстоятельства в лице дурно исполненной перестройки. Ну что ж, перестройка, а вернее сказать — разрушение всего и вся, свою, безусловно, большую роль сыграла. Однако это не означает, что тезис о необходимо большой заселённости изначально безупречен. И я попробую это показать.

Для этого обращусь к зарубежным примерам. Сорок лет тому назад, накануне первого энергетического кризиса, заставившего развитые страны перейти от безудержной эксплуатации природных ресурсов к их максимальному сбережению, Исландия, народное хозяйство которой базировалось и базируется до сих пор на освоении природных, прежде всего рыбных, ресурсов, занимала одно из первых, если не первое место по уровню жизни населения. При этом число жителей страны не превышало двухсот двадцати тысяч человек. Спустя двадцать лет, когда население Исландии выросло до двухсот пятидесяти тысяч, она по этому показателю «откатилась» во второй десяток. Ну, а сейчас, когда её население близко к трёмстам тысячам, она либо замыкает второй десяток

стран, либо, скорее всего, спустилась в третий. И всё по одной простой причине — природных ресурсов на всех не хватает.

Предвижу возражение: ведь в Исландии, кроме рыбы и дешёвых энергоресурсов, ничего нет, тогда как у нас, на Камчатке, ого как чего много! Местные экономисты считают едва ли ни главным условием эффективного развития экономики дешевизну энергетики. Однако именно с энергетикой дела у нас обстоят самым неважным образом — дороже электроэнергия во всей России разве что только на Чукотке. Не так уж и много природных ресурсов на Камчатке. Лес — давно вырублен и выжжен. Олени пастбища и пахотные угодья запущены. Так что остаются недра, ресурсы которых по последним данным оцениваются в 54 млрд долларов.

Насколько это много? Давайте, посчитаем. Допустим, что у нас с учётом недоразведанных месторождений зарыто полезных ископаемых на 60 млрд долларов. Поскольку разрабатываться эти месторождения будут не все разом, а поочерёдно, на протяжении не менее пятидесяти лет, то стоимость их годовой добычи можно оценить в 1,2 млрд долларов дохода. Я говорю оценить, потому что оценить — это далеко не всегда получить в реальности. Напомню по этому поводу, что ни в бывшем СССР, ни в нынешней России, ни одна пятилетка не была выполнена, ни одно производство не выходило на планируемую (оценочную) производительность. Допустим, что прибыльность добычи полезных ископаемых действительно составит те фантастические 20, а то и все 25 %, которыми оперируют сторонники освоения недр. Пусть так. Но при этом не стоит забывать, что любая прибыль от горнорудной отрасли целиком и полностью уйдёт из региона. А потому, нам, камчадалам, в принципе важна не прибыль, а доходы от горнорудной отрасли. Из этого постулата и будем исходить.

Из оставшихся за вычетом 20 % прибыли 1 188 млн долларов 35 % уйдёт на уплату налогов, примерно 30 % — на производственные расходы, 35 % — на налоги и 15 % — на заработную плату. При этом, говоря о 15 % заработной платы, я сознательно преувеличиваю этот показатель. На самом деле его доля во внутреннем валовом продукте России сегодня составляет 10—12 %. Вот отчего так рвутся к нам зарубежные инвесторы — не только и не столько природные ресурсы их интересуют, сколько прибавочная стоимость, так как в развитых странах доля труда в ВВП достигает 28—33 % и более.

Продолжим перекидывать косточки счёт дальше. Допустим, что из этих 15 % заработной платы десять достанется камчадалам,

хотя практика показывает, что владельцы производств предпочитают работать вахтовым методом, так как в этом случае заработная плата, социальные услуги и все прочие издержки сокращаются, как минимум, вдвое. Следовательно, в крае останется около 120 млн долларов.

Но это, подчеркну, в случае изъятия всех, абсолютно всех полезных ископаемых, покоящихся в наших недрах. А извлечение редко достигает половины реальных запасов. К тому же, как показывает практика, запасы при разведке завышаются, как правило, вдвое. И, наконец, примерно половина имеющихся месторождений не будет разрабатываться по той простой причине, что это обойдётся дороже, чем закупать искомый продукт. Так что край в потенциале может иметь около 30 млн долларов в год. Именно в потенциале, ибо я не учитывал все прочие промахи и издержки, неизбежно возникающие при реальном освоении ресурсов.

Конечно, это весьма приличная сумма. Но примерно столько же стоит 30 тыс. т минтая-сырца. Получается не ахти как густо. Даже с учётом того, что самой территории от рыбы перепадет также не более 20 % от её реальной стоимости.

Подведу итог. Пока некто Быкасов пытался поделиться с местной элитой мыслью о том, что в той предельно критической ситуации, складывавшейся в стране, необходимо было рассматривать не только желаемые, но и самые худшие из возможных варианты развития области, чиновники и обслуживающая их экономическая наука, кроме модели экстенсивного освоения всех видов природных ресурсов, никаких других вариантов развития Камчатки не видели. Более того, в ответ на моё предложение о всемерном освобождении единственно дееспособной — рыбной — отрасли от всех обременительных для неё функций (той же социальной сферы) с тем, чтобы она могла если не уберечь область от экономической катастрофы, то хотя бы смягчить её отрицательные последствия, категорически заявляли, что «на одной ноге» экономике Камчатки не устоять.

И ведь «угадали». Она, экономика, на «одной ноге» под грузом навалившихся проблем действительно не устояла. Но не потому, что нога была плоха, а потому что в отсутствии государственной поддержки крах областной экономики был неотвратим. Слепая приверженность надуманной модели комплексного развития привела к тому, что если в 1995 г. спад производства в головной — рыбной — отрасли составил 45 %, то во всех нерыбных отраслях он достиг 80—95 %. Именно слепая приверженность, подчеркну,

ибо даже после 1992 г., когда население страны разом лишилось всех своих сбережений, местный истеблишмент категорически утверждал, что положение вот-вот стабилизируется и всё вернётся на «круги своя».

Завершилось это тем, что в 1998 г. руководство Камчатской области и отделившегося от неё Корякского автономного округа обратилось к правительству и президенту России с просьбой либо предоставить региону срочную экономическую помощь в снабжении топливом и продовольствием, либо приступить к немедленной эвакуации населения. И это обращение прозвучало именно от того самого руководства, которое за десять лет до этого категорически заявляло, что на переселение оно никогда не пойдёт. И которое спустя десять лет беспомощно разводило руками — ну кто бы мог тогда подумать, что такое может произойти?

Но ведь я же подумал. Почему? И вот тут-то для ответа на этот вопрос вновь придётся обратиться к личному образу мышления.

Человечество всю свою практическую и интеллектуальную деятельность осуществляет двумя основными способами: работой по установленным правилам, для чего каждый индивид проходит соответствующее обучение; и интуитивное постижение сути происходящих процессов с одновременным эвристическим нахождением решения надвигающихся проблем.

Ни один из этих способов не является лучшим или худшим. Вернее сказать, каждый из них хорош на своём месте и в своё время. Когда обстановка устойчива и всё идёт своим чередом, первый способ, как отражение чисто профессионального подхода к достижению уже определённых целей и задач при помощи установленных алгоритмов их решения, явно предпочтительней первого, так как помогает избегать вольного или невольного волюнтаризма или, тем более, откровенного невежества. И на этой стадии развития ситуации интуитивный подход отходит на второй план.

Иное дело, когда обстановка резко и неожиданно меняется для обычных профессионалов. Тут, во-первых, именно интуитивное ощущение перемен, могущих привести к кардинальным, а тем более — к катастрофическим изменениям ситуации, призвано обнаруживать за внешне незначительными отклонениями суть надвигающихся событий. А эвристически определённые решения будущих проблем должны быть или могут стать основными способами выхода из нестандартных положений.

Конечно же, сказанное вовсе не означает, что каждое интуитивно определённое изменение ситуации верно изначально, а эвристические

установленное решение единственно правильное. Однако и то, и другое означает, что оба эти представления должны не отвергаться начисто, а подвергаться всестороннему и высококвалифицированному анализу.

Но кто призван быть третьей стороной? На мой взгляд, таковыми судьями могут быть не администраторы по должности, и не профессионалы по образованию, а люди, от природы наделённые системным мышлением. То есть владеющие не тем, якобы, системным методом, которому пытаются обучить в вузах, и который на деле чаще всего оборачивается сведением в одну кучу всех данных, к исследуемой проблеме относящихся. А тем по настоящему системным мышлением, благодаря которому между изучаемыми данными и явлениями устанавливаются очевидные, и, что намного более важно, неочевидные взаимосвязи и взаимоотношения. Как это произошло у меня тогда, когда я митинги в Фергане, Алма-Ате и Сумгаите увязал с теми глубинными процессами, которые грозили сокрушить и на самом деле сокрушили могучую державу. И как этого не произошло со всеми теми, кто бессистемно и огульно пытался отвергнуть мои представления только потому, что они были выведены не по «правилам». Не заметив при этом, что времени для соблюдения правил уже не было.

Впрочем, пора попробовать показать, почему мне, хотя я уверен, не только мне, удалось предвосхитить развитие ситуации. Дело в том, что мне от природы присущ философский склад ума. Философский не в том обыденном смысле, когда философия понимается как одна из профессий, то есть как занятие, которому можно обучить, а в том смысле, что мною движет не столько стремление к познанию самих процессов и явлений, сколько тяга к выяснению причин их возникновения. И неважно, что этот философизм стихийен, неважно, что он недостаточно подкреплён соответствующими знаниями — важно то, что он есть.

Говоря иначе, умение философски подходить к той или иной проблеме бытия, как умение петь, рисовать, танцевать и подобное — это природная данность. Ибо, продолжу сравнение, есть множество профессионалов (ремесленников в лучшем смысле этого слова), обученных более или менее хорошо петь, рисовать, танцевать, но лишь отдельным индивидам тот или иной талант дан от природы. Обучение же им нужно лишь для того, что бы отточить этот дар и при этом не повторять, по незнанию, того, что уже было сделано до них, дабы не растрчивать даром силы и время.

Другое дело, что масштаб проявления любого дарования зависит не только от его природного уровня, но и от самой возможности его приложения. Как образно сказал по этому поводу в своей повести «Яма» А. И. Куприн, самый выдающийся полководец всех времён и народов жил в Одессе. Но он так и не попал на войну, а потому был и оставался до конца дней своих обычным портным. Так вот и я до конца своих дней останусь всего лишь стихийным философом.

Но поскольку я всё же философ, пусть бы и наивный, то в очередной раз осмелюсь предложить свои решения некоторых проблем.

Предложение первое. Ввиду того, что мировое общество потребления, созданное «отличниками капиталистического труда», уверенно скатывается к экономическому кризису и политической анархии, следует как можно быстрее и на законодательной основе установить вдоль всех наших морских побережий пятисотмильную зону экономических интересов России. Закрепив тем самым за страной нефтегазовые ресурсы шельфа Северного Ледовитого океана и биоресурсы Баренцева, Охотского и западной части Берингова морей. Причём в качестве дополнительной меры следует предоставить Охотскому морю статус внутреннего моря России, коим оно и является на деле.

Только одним этим жизнь нефтяников, газовиков и рыбаков будет существенно облегчена, ибо им не надо будет в своих собственных водах пересекать «государственную» границу, когда они будут добираться до места работы и обратно. Будь я Президентом с большой буквы (прежде всего пекущимся об интересах граждан своей страны, а не чужих), я бы и в прочих зонах морских экономических интересов государственную границу для российских пользователей «отодвинул» до границ этих самых зон. А то ведь глупость какая-то получается — морская зона экономических интересов наша, но российские рыбаки в неё могут попасть только с разрешения пограничников и таможенников, которые, живя за их счёт, «прессуют» их «по полной программе».

Специально для «защитников» общегуманистических ценностей добавлю, что лично я что-то не помню, чтобы рыбаки Исландии (а также Канады, США, Норвегии и других стран), отправляясь ловить рыбу в своих собственных зонах экономических интересов, оформляли таможенные и пограничные бумаги. Да и в СССР с его тотальной слежкой за всем и вся рыбаки за пределы двенадцатимильной морской государственной границы ходили без всяких разрешений. И только доморощенные «демократы» опустили

до такой благоглупости, как установление таможенных заборов для жителей собственной страны на своих же акваториях, хотя в наши воды беззастенчиво лезут зарубежные пользователи.

Двадцать лет тому назад я уже предлагал сделать и то, и другое. Однако тогда защитники «общемировых ценностей» яростно возмутились, позабыв при этом, что когда в Чили ввели двухсот-мильную зону, тоже поначалу было много недовольных, но ничего — примирились. И не просто примирились, а, разобравшись, что к чему, буквально кинулись создавать эти самые зоны. Причём дело доходило до прямых военных действий, как, например, во время знаменитой «тресковой войны» в водах Исландии.

Примириятся и сейчас. Тем более что этим шагом мы в зоны экономических интересов других стран не залезем — уже всё разграничено. Ну а в том, что предложение это вполне осуществимо, сомневаться не приходится, ибо нас в этом деле непременно поддержат Китай, США, Канада, Исландия, Англия, Испания, Франция, Дания, Испания, Португалия, Норвегия и некоторые другие страны, которые в преддверии всеобщего экономического кризиса свои собственные интересы наверняка предпочтут «общегуманистическим».

Предложение второе. Пока не поздно, нам просто необходимо создать экономический кордон на границе с Китаем. Давно пора, ибо совершенно ни к чему нам изо всех сил помогать развивать чужую экономику — следует восстанавливать свою. Да и вообще, где и почём покупать ресурсы — это дело самого Китая. Пусть покупают пока (пока действуют не от большого ума заключённые долгосрочные договоры) и у нас, но за полную цену.

И уж совершенно точно не стоит делать ставку на китайских мигрантов, как призывают некоторые, мягко скажу, горе-эксперты. Однажды мы уже обожглись на этом, когда в конце XIX — начале XX вв. мигранты из Китая заволокли, было, Приморье и Приамурье. Настолько, что когда власти России повернулись-таки лицом к интересам собственного народа, то в считанные дни было вырезано около пяти тысяч китайцев — до того они допекли местных жителей. Так что не стоит повторять ошибку вековой давности, ибо кончится это либо очередным взрывом, либо полным порабощением нашего населения. Третьего не дано по определению.

Предложение третье. Если и идти в чём-то навстречу интересам пресловутого «мирового сообщества», так это в решении экологических проблем. Почему бы России не объявить, что она постепенно, но, не затягивая на десятилетия, превратит свой Край-

ний Север и все приравненные к нему территории Сибири и Дальнего Востока из региона поставок за рубеж леса, газа, нефти, каменного угля и всего прочего, в общемировой экологический резерват. Заменяя при этом во всём регионе институт автономных округов и республик на институт территорий традиционного природопользования. С тем, чтобы коренное население безраздельно владело и распоряжалось своими землями со всеми их ресурсами, передавая их, если уж так захочется, в концессию на выгодных для себя условиях.

Этим шагом мы скажем мировому сообществу: будем обеспечивать вас чистым воздухом, чистой водой и экологически чистыми продуктами питания, а от вас требуем (требуем, а не просим) только одного — не лезть с поучениями о том, как нам надо жить. И это требование тем более корректно, что мировому сообществу вовсе не грех поначалу разобраться в собственных экономических, социальных и экологических сложностях.

Специально добавлю для излишне «зелёных» и чрезмерно пекущихся об экономических интересах других стран, что превращение северных территорий в общемировой экологический резерват вовсе не означает, что там ничего не будет добываться. Это значит лишь то, что там по новейшим технологиям и с соблюдением самых строгих экологических норм будут использоваться только те ресурсы (и только в том количестве), которые нужны России. Не «мировому сообществу», а только и только России.

Что же касается возможных упреков этого самого «мирового сообщества» в эгоизме, то в ответ можно заявить: вы четверть века тому назад помогли развалить СССР и теперь имеете забот больше, чем потеряли. Во всяком случае, вы — западный мир — оказались в той же ситуации, в которую попал (один на один с национализмом и терроризмом) тогда СССР. Так что если вам и нужно кого-то в чём-то упрекать, то для этого у вас есть ваши собственные (пусть бы и более профессионально подготовленные, вроде пресловутого З. Бжезинского, но столь же неумные, как и наши) «отличники» от политики, которые сознательно и старательно возвращая на территории СССР национализм и терроризм, так и не поняли, что Земля круглая, а потому выпущенная стрела всегда возвращается незадачливому стрелку в спину. Вспомните 11-е сентября 2001 г., господа...

Предложение четвертое и последнее. Почему бы нашим руководителям не воспользоваться моментом и слегка не «похулиганить». Например, начать демонстративно открытые переговоры

с Молдавией о том, что они признают Приднестровскую республику, а взамен содействуют ей в том, чтобы она территориально вышла к черноморскому побережью в районе устья Дуная. То есть, почему бы не предложить Молдавии отделить самостоятельным Приднестровьем эту межустьевую территорию от Украины, которой она досталась вовсе не по праву?

Что же касается реакции на это наших «западных друзей», то это вовсе не мы виноваты в том, что в Лондоне и Париже жгут магазины и автомобили, а в Греции и Испании вот-вот могут произойти дефолты. И не надо говорить о международных нормах и прочих «дипломатических» экивоках. Вспомним лучше о том, что западные страны двадцать пять лет тому назад воспользовались моментом и помогли нашим «отличникам» сокрушить СССР. Так что не грех использовать случай, коль скоро он выпал, и нам. Получится или нет — это другое дело. Но напомнить нашим «лучшим друзьям» лишний раз о том, что бумеранг имеет свойство возвращаться, будет весьма полезно.

Такие вот мысли напрашиваются в связи с двадцатилетием крушения одной из самых великих империй в истории человечества. И если лично я сожалею о чём-то, то вовсе не о том, что она рухнула. А о том, что в России на тот момент к власти пришли люди, думавшие либо о своих корыстных интересах, либо об интересах пресловутого «мирового сообщества». Тогда как думать надо было о том, как этот крах обернуть на пользу самой России. А польза могла быть несомненной, поскольку, освободившись от непомерного груза по содержанию союзных республик и коммунистического движения в десятках стран мира, Россия могла бы стать процветающей страной.

Однако, это уже история, которую писать придётся людям не моего поколения. С меня же достаточно и того, что я хоть что-то попытался сделать. Другое дело, что кремнёвыми наконечниками полемических стрел, несмотря на всю их остроту, броню официоза пробить было невозможно. Тут требовалась праща, снаряжённая мощным булыжником, которая бы сокрушила не саму броню, а её носителя. И таковая праща, умело свитая из наших «отличников» от экономики и политики и заряжённая «булыжником народного недовольства», своё дело — разрушение СССР — сделала. Хотя явно не этого хотели полные детского энтузиазма обычные москвичи и петербуржцы, толпами выходившие на площади и улицы столицы в поддержку демократии. Однако простим им этот грех, ибо они, будучи в политике даже не школьниками, а дет-

садовцами, которых на прогулку выводят, взявши за руки, не ведали, что творят.

На этом я и завершу свои несколько сумбурные заметки о времени, о событиях, о людях и о себе. Может быть, да что там, может быть, — так оно и есть, заметки покажутся излишне предвзятыми. Но, варясь в сгустке предвзятых мнений и суждений о путях развития страны и Камчатки, избежать предвзятости практически невозможно. Ну, а поскольку в мою задачу не входила цель всех и всему поучать — я всего лишь хотел попробовать всё и вся расставить по местам — то это не такая уж и большая вина...

ИСТОЧНИКИ

1. 90-е, страна. / Под ред. В. Игнатенко. — М.: ИТАР-ТАСС, 2005. — 346 с.
2. Национальные регионы — «под нож» // Аргументы и факты. — 2005. — № 15.
3. Аргументы и факты. — 2000. — Март. — № 11.
4. *Примаков Е. М.* Годы в большой политике. — М., 1999.
5. *Быкасов В. Е.* Крайний Север: какая модель хозяйствования выгодна? // Дальневосточный учёный. — 1988. — № 30.
6. *Быкасов В. Е.* Хочу понять // Дальневосточный учёный. — 1988. — № 34.
7. *Быкасов В.* Модель завтрашнего дня // Камчатская правда. — 1989. — 25 апр.
8. *Быкасов В.* Имею программу // Дальневосточный учёный. — 1989. — № 30.
9. *Быкасов В.* Предлагаю программу // Камчатская правда. — 1989. — 6 авг.
10. *Быкасов В.* О лососе, здравом смысле и экономике // Камчатская правда. — 1989. — 29 авг.
11. *Быкасов В.* Камчатка комплексная // Рыбак Камчатки. — 1990. — 26 окт.
12. *Быкасов В.* Верно ли проложен курс // Камчатская правда. — 1990. — 8 дек., № 283; 9 дек., № 284; 12 дек., № 285.
13. *Быкасов Е.* Камчатка — край рыбный // Рыбное хозяйство. — 1991. — № 8.
14. Камчатская правда. — 1961. — 10 дек.
15. Там же. — 1989. — 13 июля.
16. Рекомендации к 5-й межрегиональной научно-практической конференции. — Петропавловск-Камчатский, 1989.
17. Камчатская правда. — 1990. — 9 сент.
18. Там же. — 1989. — 8 дек.
19. Там же. — 1990. — 7 окт.

20. Камчатская правда. — 1990. — 11 сент.
21. Там же. — 1989. — 6 дек.
22. Политический собеседник. — 1990. — № 1.
23. Камчатская правда. — 1990. — 7 янв.
24. Там же. — 1989. — 22 марта.
25. Там же. — 1989. — 15 окт.
26. Экокурьер. — 1989. — Сентябрь. — № 8.
27. Камчатская правда. — 1988. — 14 апр.
28. Там же. — 1988. — 18 сент.
29. Там же. — 1990. — 1 апр.
30. Там же. — 1990. — 26 сент.
31. Экокурьер. — 1987. — Июль. — № 7.
32. Аргументы и факты. — 1991. — № 13.
33. Камчатская правда. — 1990. — 4 сент.
34. Материалы 5-й региональной научно-практической конференции «Рациональное использование ресурсов Камчатки и развитие производительных сил до 2010 г.». — Т. 1—2. — Петропавловск-Камчатский, 1989.
35. Нужны ли Камчатке золото и газ? // Аргументы и факты — Камчатка. — 2000. — № 23.
36. *Кноль В. В.* Экологически и экономически приемлемый вариант обработки Агинского рудного месторождения // Материалы научно-практической конференции «Проблемы и направления горнопромышленного освоения Камчатской области», 15—16 декабря 1997 г. — Петропавловск-Камчатский. 1997. С. 36—38.
37. Камчатская правда. — 1989. — 28 окт.
38. Там же. — 1990. — 31 мая.
39. Лес не рубят, а щепки летят. Выступление С. Г. Шолохова, водителя Ключевского леспромхоза на XXV областной партийной конференции // Камчатская правда. — 1990. — 5 июня.
40. *Павлова О. А.* На каких «китах» стоять Камчатке? Беседа с председателем облисполкома с кочегаром // Камчатская правда. — 1989. — 23 авг.
41. Решения 7-й сессии областного Совета народных депутатов от 16 октября 1991 г.
42. *Моисеев Р. С.* Социально-экономические и экологические факторы развития региона и численность населения // Материалы 5-й региональной научно-практической конференции «Рациональное использование ресурсов Камчатки, прилегающих морей и развития производительных сил до 2010 года». — Петропавловск-Камчатский, 1989. — Т. 2. — С. 72.

ИМЕННОЙ УКАЗАТЕЛЬ

- Абакумов П. П.** — 333
 Адамович И. А. — 367—368, 370—373
 Азарков — 331
 Александр I — 48, 455
 Александр III — 164
 Александров Т. К. — 319
 Алексеев Ф. — 13—15
 Андриевич — 10—11, 36
 Анкундинов — 14, 21
 Анкундинов (лейтенант) — 67, 68
 Анциферов И. — 23, 25, 27
 Арбузов — 68
 Аренс В. — 284
 Арсеньев В. К. — 365
 Артамонов М. — 365
 Артюхин В. И. — 348
 Атласов В. — 15—22, 24—26
Бакланов М. И. — 341
 Балясников В. А. — 366
 Басов — 41
 Беляков А. В. — 374—375
 Бем — 46, 116, 452
 Беневский — 44, 45, 46
 Бекетов П. — 11
 Берзинь А. М. — 284, 305
 Беринг В. — 31, 34—38, 40, 44, 49—50, 75, 162, 164, 245, 268—269, 275, 448, 475
 Беринг Х. — 44, 454
 Бессекерский — 289, 291, 294, 299
 Бечевин — 41
 Биллингс — 44, 453
 Бирич Х. П. — 254, 256, 261, 289, 298, 305, 319
 Бирич Е. — 301—302, 305, 311
 Бичи Ф. В. — 94, 462
 Богданович К. И. — 229
 Богомоллов В. Д. — 321—322, 334—335
 Богораз-Тан В. Г. — 208
 Борисов — 39
 Бочанцев М. — 195—196
 Брусилов — 204
 Брызгалов И. — 23
 Бузин Д. С. — 336, 343
 Булат А. И. — 284—286, 301
 Булычёв — 10, 115
 Бурнатов А. Л. — 322
 Бучин В. П. — 284—286
Вальцов — 229—230
 Власов А. — 308
 Войт — 10
 Вонлярлярский В. М. — 229—230
 Воронин А. А. — 332
 Вульф — 37
Гаврилов П. — 64, 66, 469
 Гагарин — 30
 Гагемейстер — 10, 457
 Галицкий М. Ф. — 284, 286, 296
 Галл — 44
 Гапанович И. И. — 289—290, 294
 Генс — 32
 Герасимовский — 291
 Герман Н. Е. — 249—250
 Гилёв — 76
 Гладюк Ф. — 285
 Глотов — 41
 Гожев А. А. — 367
 Голенищев А. В. — 51, 76, 462—464
 Голиков — 43
 Головнин В. М. — 48, 457—458
 Гольдберг Б. И. — 340—341
 Гонгоч — 32
 Горовский Б. — 199, 203, 255, 263
 Гринчук С. И. — 284—286, 304
 Гродеков Н. И. — 9
 Громов И. М. — 294
 Грушецкий — 288—289, 296
 Гузенко Е. М. — 367—368
 Гундзи — 260, 281
Давыдов — 68
 Девьер — 35
 Дежнёв С. — 13—15
 Делиль — 40
 Децуант Феврие — 63, 67
 Димова — 193
 Дитмар — 10, 80, 87, 90, 94, 97, 112, 116, 137
 Дроздович М. К. — 335
 Духовско(й) С. М. — 7, 8, 479
 Дыбовский — 173, 192
 Дьячков А. — 333—334
 Дюпин С. А. — 350
Евреинов — 31, 74
 Екагерина П — 43—45, 119, 184
 Елагин И. Ф. — 75, 76, 449—450
 Елизавета Петровна (имп.) — 119, 158
 Елистратов — 75—76, 143, 151
 Ельчин — 30
 Енисейский И. — 29—30
 Ермак — 11
Жигалов В. С. — 367, 370, 373, 382—384
 Жилкин — 68
 Жихарев Н. А. — 293, 296, 303—304, 311
Завойко В. С. — 52—54, 57—62, 64—66, 69—71, 116, 467—472, 480
 Загуляев М. О. — 369
 Зарудный — 68
 Зими́рёв — 196
 Зиновьев М. — 20
 Зенкевич И. — 38
 Зуев А. И. — 310
 Иванов С. И. — 369
Ивашкин-Ларичев П. Г. — 321—322, 328, 337, 340
 Ильин — 76
 Ингойд — 233—236
 Иннокентий (епископ) — 52, 465—466
 Иосаф (иеромонах) — 38
Казакевич П. В. — 72, 473
 Казаков И. — 190

Кальвиц О. — 365
 Калинин М. Н. — 309
 Канач — 27
 Качанов — 30
 Кегель К. — 51—52, 111, 465
 Киселёв — 55—56
 Киселёв Л. Ф. — 298—299
 Клерк Ч. — 452—453, 456
 Клецин В. А. — 284—285
 Клименко В. П. — 310
 Климова Ф. — 194, 196
 Кобелев — 20—21, 448
 Кобцев А. И. — 344—345
 Коваленко — 240
 Кованько — 229—230
 Козлов Г. М. — 366
 Козыревский — 28—29, 448
 Колесов — 20—21, 28, 30
 Колмаков Е. А. — 343
 Колчак — 284, 286, 298
 Константин Николаевич (вел. князь) — 61, 69—70
 Кораллов — 67
 Корзухин — 229—230
 Коркина А. — 91
 Коробко А. Т. — 350—352, 440
 Косыгин Н. П. — 344
 Кошелев — 47, 50, 457
 Крайзельман Е. М. — 287
 Краузе М. — 322, 324
 Крашенинников С. П. — 10, 15, 17—18, 74, 77, 88—89, 95, 97, 124, 127, 137, 151, 153—154, 156, 158—159, 179
 Креницын — 42—43
 Кречетов А. — 195
 Крузенштерн И. Ф. — 48—49, 455
 Кручина В. М. — 334
 Кувшинников А. В. — 366
 Куксенко К. А. — 334
 Кулиновский Н. К. — 284, 306
 Куренков В. И. — 438
 Куркутский М. П. — 284, 287, 289
 Кутенин Н. П. — 233—237
Лазарев М. П. — 48
 Лаперуз — 94, 164, 453, 464, 475, 477
 Лаптев — 39
 Ларин И. Е. — 316, 318—320, 326, 345
 Лебедев — 40, 45
 Лев А. П. — 368, 371, 378
 Левашёв — 42
 Ленц — 94
 Лентайр — 233—237
 Лессепс Ж. Б. — 453
 Линдберг Ч. — 365
 Лисянский — 48
 Литке Ф. П. — 48, 76, 89, 94, 101, 462
 Ломбак И. Я. — 343, 365
 Лохвицкий — 61
 Лужин — 31, 74
 Лукашевский М. — 30—31
 Лукомский — 344, 346—349
 Львов И. Ф. — 294—285, 304
Максимова А. — 193
 Максutow А. — 67, 69, 470
 Максutow Д. — 65, 69—70, 470, 472
 Малков — 292, 298, 310
 Мальсагов Я. — 284, 286, 296
 Мандриков М. С. — 283, 287, 290, 292, 295, 301, 306
 Маргаритов В. П. — 5—6
 Мартиниан (архимандрит) — 29, 37, 39
 Матвеев И. Н. — 343
 Меньшиков — 35
 Мерлин — 34—35, 105, 158
 Миддендорф — 110, 124
 Миронов О. — 22, 24—27
 Михайлов — 67—68
 Молоков В. С. — 376—382
 Молчанов И. К. — 428
 Морев С. Е. — 341—342
 Морозко Л. — 16, 20, 29
 Москвин И. — 12
 Муравьёв-Амурский Н. Н. — 52, 54—57, 59—60, 69—71, 467
 Мурашёв А. — 194, 196
 Мусорин П. В. — 321
 Мухачёв Б. И. — 290, 298
Невельской Г. И. — 60, 466
 Невесенко И. Т. — 325
 Недозрелов — 45
 Нейбут А. Я. — 332
 Нестеркин — 250
 Никаноров А. Н. — 330
 Никитин П. М. — 367
 Никифоров — 41
 Никифоров С. — 38
 Никифоров П. М. — 335
 Николай I — 51, 115, 185
 Николай II — 268
 Никольский Л. С. — 366
 Нилов — 44, 46
 Новгородов — 32, 34
 Ноздрин Е. К. — 341
 Норденшильд — 279
Обручев — 10
 Олейник-Топорков А. — 332
 Орлов В. А. — 367
 Охакпин П. Г. — 350
 Ошурков П. А. — 7
Павел Петрович (вел. князь) — 44
 Павлуцкий — 31—32, 34—35, 105, 119, 158
 Павлюченко П. — 251
 Паллас — 133
 Пальчевский Н. А. — 10
 Пануров В. — 251
 Панютин И. — 22—23
 Пармичев М. И. — 366
 Пахомий (иеромонах) — 38
 Перепечко И. Н. — 296, 300, 302—304, 310
 Пересыпкин А. Н. — 334—336
 Перфильев В. В. — 220, 482
 Петров В. В. — 429

Песков — 76
Петр I (Великий) — 18, 23, 30, 31, 36, 40, 74
Петров А. — 29—30
Петровский — 50, 457
Петриловский — 30
Пилкин К. — 68, 471
Пирагис А. П. — 324
Плениснер — 45—46
Подгурский В. К. — 199
Поляков Н. А. — 346
Помазнина Д. — 195
Пономарёв — 41
Попов — 65
Попов Д. — 195
Поротов — 30
Порошева М. — 193
Постельс А. — 89—90, 94, 463
Постникова М. А. — 10
Поярков В. — 12
Поярков П. Д. — 348
Прайс — 63
Прэде М. — 250
Протопопов — 21
Путятин Е. В. — 62, 472
Пушкин П. И. — 367, 370, 372
Пчелинцев — 290, 303
Рейнике — 46
Реклю — 202, 206
Рикорд П. И. — 50—51, 457—461
Ритфлянд А. А. — 376
Рожков Е. — 295, 301
Румянцев — 48
Рыбин — 288—289, 305, 307
Рышков — 46
Рябиков И. В. — 347
Рябикова М. С. — 350
Савостьянов В. — 27—28
Савченко-Славский М. И. — 319, 336—337
Сапожников — 34
Сарычев — 44, 454
Сахаров А. Г. — 333
Свенсон — 288, 295
Серебрянников — 41
Серюков — 18, 20
Сесицкая А. С. — 558
Сильницкий А. П. — 54, 60, 481
Синдт — 41
Скорняков-Писарев — 35, 39
Скрыпов — 76
Слободчиков — 283, 296, 312—313, 336
Словцов — 10, 36
Слюнин — 194
Смельский В. Н. — 312
Соймонов — 41, 45
Соколов К. — 30, 74
Соколов Н. М. — 305
Сокольников Н. П. — 217
Сомов — 50
Соргов А. — 296, 299
Стадухин — 13
Старицкий К. С. — 89, 474
Стеллер — 40
Струков Д. Д. — 285, 289, 301, 305
Суворов Е. К. — 273
Суздаев — 286, 292
Сусметов Ф. В. — 333
Титов В. Т. — 286, 288
Тихонов С. — 250
Ткаченко А. А. — 367—372
Толстых — 41
Торопов Г. Д. — 369
Трапезников — 41
Тренёв — 286, 291, 305
Тюшов В. Н. — 7, 80, 90, 94, 96, 99, 193, 480
Уквун — 208—209
Усачёв Г. И. — 373
Учватов — 288, 291
Ушаков — 75—76
Фесенко И. — 284, 286, 288, 296
Фесун — 65, 68
Фёдоров Ф. Г. — 428
Филевский В. — 36—38
Филиппеус А. Ф. — 170, 478
Филонович В. — 250
Фролов Н. П. — 322—324, 339, 419, 424
Харитонов — 30
Харчин — 32—33
Хотуневский И. — 38
Хромовский М. — 66
Худяков — 76
Цапов Н. А. — 325, 328
Чекмарёв В. М. — 287, 291, 316, 346
Червянский Н. Н. — 285
Чередов — 39—40
Черкатина Н. — 195
Черных Н. А. — 294, 309
Чириков П. — 22—26
Чириков А. И. — 37, 49, 452
Чичагов — 42
Чичерин — 41—43
Чкалов В. П. — 374—376
Чубаров Г. И. — 333
Чужих Г. А. — 343
Чупров — 41
Чурин — 212, 222, 239
Шавров В. — 368
Шатинский Ф. — 319
Шеле(и)хов — 43, 269, 453
Шелковников — 12, 21
Шестаков — 31—32, 75
Шехурдин — 32
Шиманский Ю. К. — 7, 190, 193, 197
Шмалёв — 35, 46, 454
Шпанберг — 37
Шренк — 109
Штинников — 32—34
Щербаков М. П. — 320—321
Эрман — 80, 94, 101, 103, 133
Юрлов — 76
Юшина Е. — 194
Ярыгин Ф. — 21
Ярыгин Д. — 21